

Евгений СТЕПАНОВ

Благодарная песня

 Жамбула

(роман-дневник)

Москва 2007
Издательство «Вест-Консалтинг»

Евгений Степанов

Благодарная песня Джамбула. — М.: Вест-Консалтинг, 2007. — 252 с.

Московский поэт, прозаик и журналист Евгений Степанов — автор многочисленных книг, в том числе «Личная жизнь звезд» (1990), «Неизвестное про известных» (2002), «Разные жанры жары» (2004), «Ира, белая герла» (2006), «Лю» (2006), «Люди, разговоры, города», которые разошлись многотысячным тиражом.

Евгений Степанов — лауреат международной премии имени Давида Бурлюка за 2003 год, член русского ПЕН-клуба, главный редактор журналов «Футурум АРТ» и «Дети Ра».

«Благодарная песня Джамбула» — первый роман Евгения Степанова. Его действия происходят в Париже и Страсбурге, Женеве и Стокгольме, Нью-Йорке и Филадельфии, Москве и российской глубинке... Это история жизни одного человека с 1991 по 2006 годы на фоне калейдоскопа событий, городов и стран.

ISBN 978—5—903321—08—7

© Евгений Степанов, текст, 2007

© Анна Романюк, макет обложки/
Вест-Консалтинг, 2007

© Оригинал-макет/ Вест-Консалтинг, 2007

ПРОЛОГ.....	4
ГЛАВА I <i>СТАРУЖ</i>	6
ГЛАВА II ФИЛАДЕЛЬФИЯ.....	30
ГЛАВА III ШВЕЙЦАРИЯ.....	39
ГЛАВА IV НЬЮ-ЙОРК.....	88
ГЛАВА V МОСКВА.....	103
ГЛАВА VI НЬЮ-ЙОРК.....	111
ГЛАВА VII СПОКГОЛЬМ – МОСКВА.....	115
ГЛАВА VIII СПОКГОЛЬМ.....	125
ГЛАВА IX кубиково.....	133
ГЛАВА X МОСКВА.....	139
ГЛАВА XI <i>СТАРУЖ</i>	146
ГЛАВА XII МОСКВА.....	171
ЭПИЛОГ.....	247

ПРОЛОГ

Шел палиндромический 1991 год. Год-знак, год-веха, год-оборотень, год-дог. Перестройка делала семимильные шаги по расслоению общества, злобно накидываясь на людей, точно гигантская собака Баскервиллей. У большинства не хватало денег на еду, единицы наживали миллионы долларов. Многие мои отчаявшиеся знакомые уходили в бизнес, начиная делать то, чего не делали никогда. У некоторых получалось. У большинства — нет. Я занимался тем, чем не заниматься не мог. Мне исполнилось 27 лет. Перестроиться мне было трудно, и я оставался литератором, редактором. Очень тяжело сразу пойти в другую сторону. Наше поколение учили одному — альтруизму, братству, служению людям, утопическим, но великим коммунистическим идеям, а вышло, что шли мы не туда. Появился новый идол — Мамона. Служить ему я не хотел. Как прежде, писал статьи и рассказы, работал в милой газете «Семейный очаг». Денег не хватало даже на самое необходимое. Конфликты с женой учаща-

лись. Мы все больше времени проводили друг без друга. Жена с дочкой уезжали в свой родной город Кубиково, в Тамбовскую губернию. Однако, несмотря на все наши конфликты, мы договорились с женой не разводиться.

В газете я занимался под чутким руководством Миши Позднякова публикациями забытых литературных имен, делал интервью с деятелями культуры, в том числе с зарубежными. Так я познакомился с французским писателем Морисом Машино, автором многих социографических книг. Очень быстро мы подружились. Морис попросил прислать ему приглашение в Москву, где он собирался обосноваться на полгода, я в свою очередь намекнул ему о приглашении в Париж.

Просьбы друг друга мы выполнили.

ГЛАВА I

П А Р И Ж

Получив приглашение во Францию, я тут же стал паковать чемоданы. Морис договорился, что я поживу у его подруги и соседки, тележурналистки Софи Ледевр.

Когда я уже — с большим трудом! — оформил все документы, достал билет на поезд, закупил в дорогу продуктов и должен был выезжать в Париж, позвонил Морис и сказал:

— Евгени, извини. Софи уехала в Испанию на отдых, и, следовательно, твоя поездка откладывается.

Я решил, что все равно поеду. Даже если придется ночевать на скамейке. Столицу Франции увидеть очень хотелось. Все-таки я пять лет в институте изучал французский язык, был пропитан заочной любовью к Парижу. Я, точно загипнотизированный, хотел приехать в Париж, лечь на его мощные (реальные, нереальные?) камни и поцеловать их. Увидеть реальный город. И доказать самому себе, что Париж существует, что там тоже живут люди, а не вымышленные литературные персонажи.

Морис заволновался, услышав о моем решении. Сказал, что свяжется со мной завтра. Утром следующего дня он перезвонил и сообщил, что обо всем договорился со своим приятелем, алжирцем по происхождению, — Азузом.

— Ты сможешь пожить у него две недели. Голоден не останешься. Азуз — владелец ресторана.

Затем Морис продиктовал мне телефон и адрес

•••

Я взял отпуск за свой счет на неопределенное время и на поезде отправился во Францию.

•••

Прибыл на Северный вокзал. Меня встретил Морис. Мы сели в такси и поехали к Азузу. Мои первые впечатления от города оказались не восторженными, скорее — я чувствовал некое бабелевское удивление, что Париж так неопрятен, неряшлив. И вместе с тем, город почему-то сразу показался родным.

•••

У алжирца Азуза был маленький ресторанчик «Дю-дюль». Буквально на несколько человек. Он размещался возле станции метро «Сталинград». На первом этаже находилось заведение, на втором — двухкомнатная квартира Азуза, где он жил вместе с женой Лучаной и своим помощником Юсефом. Жены дома не оказалось — она уехала в отпуск на родину, в Италию.

•••

Мне выделили отдельную комнату.

•••

Стал жить на набережной Луары. Район этот, на мой взгляд, хороший. Правда, живут здесь в основном черные и арабы. Но живут неплохо. Играют на роскошной мощенной набережной в футбол и настольный теннис. В общем, все обычно. Собаки тоже обыкновенные. Невоспитанные. Сидел я как-то на скамеечке, ел свою пайку. Подбежала такса. И написала на мою сумку.

•••

Я гулял по городу, встречался с русскими эмигрантами, писал стихи, вел дневник, ел на скамейке. Морис мне купил на месяц проездной и дал двести франков. Это примерно двадцать долларов.

•••

Я уходил из дома в семь утра, а приходил в двенадцать ночи. Исходил Париж вдоль и поперек.

•••

Однажды пешком от станции «Сталинград» дошел до Люксембургского сада. Мне там понравилось. Хорошее спокойное место, вход бесплатный. Много тенистых скамеечек. Сидел, читал газету. Подходили какие-то нищие, просили денег. Начинали рассказывать, какие страшные несчастья их преследуют.

Я не говорил им, что я из Советского Союза.

•••

Гуляя по городу, нашел неплохую туристическую контору. В Лондон можно съездить за 700-800 франков. По французским меркам это не дорого. Впрочем, у меня не было ни денег, ни визы.

•••

По утрам мы разговаривали с Азузом. Однажды он сказал мне:

— Евгени, ты очень похож на араба. На алжирца. Наверное, у тебя семитские корни. Но и на молодого Сталина ты, дорогой товарищ, тоже похож. Это факт.

•••

— Мы с тобой братья! — говорил мне Юсеф. — Рубль ничего не значит, динар тоже ничего не значит, вот мы и бежим во Францию.

•••

Ехал в метро, разговорился с каким-то алжирцем.

— Ты из Союза? Ну и ну! А похож на француза. Тебя только побрить немножко, постричь. Но запомни — лучше с французами не общайся. С нами, арабами, тебе легче будет найти общий язык.

— А я уже нашел. Живу у алжирца, владельца ресторана «Дюдюль» Азуза.

— Не знаю такого. Но тебе повезло. Наверное, кормит тебя бесплатно...

Кстати говоря, Азуз всегда приглашал меня за стол, но я всегда отказывался — было неудобно.

•••

Гулял по Елисейским Полям. От Триумфальной Арки дошел до площади Инвалидов. Рядом с этой площадью обнаружил веселое местечко, где все торговали марками, значками, открытками, старинными поделками. Торговались французики, как дети.

•••

Дорогу до нужного мне места спрашивал у полицейских. Они всегда охотно объясняли.

•••

Поскольку денег у меня было катастрофически мало, я не имел возможности купить себе даже

минералки. Дома у Азуза я наливал воды из-под крана в бутылочку и брал ее с собой на прогулку. Но как-то раз взял с собой старую фляжку, которую нашел еще в детском возрасте в Кускове. Фляжка оказалась с дыркой. Протекла. Все мои бумаги промокли.

•••

Пришлось купить минералки. Четыре франка отдал. А зонтик (его я дома, в Москве, забыл) стоит пятнадцать. Это в «Тати». В «Тати» все довольно дешево. Подходишь, роешься в корзинах, выбираешь, что тебе нужно. Гарантий что товар без брака — никаких. Многие вообще за такой товар ничего не платят. Берут и уходят. И почему-то их никто не останавливает.

•••

Встречался в кафе с писателем Дмитрием Синицким. Делал с ним интервью. Хороший мальш. Ему сорок семь лет, а выглядит на двадцать пять. Он раньше работал в газете «За коммунистический труд», дружил с Валерием Хитрованом, нынешним редактором этой многотиражки и моим приятелем.

Купил мне батарейки для диктофона. Хотя по воскресеньям практически все товары (мелкие) вдвое дороже, чем обычно.

Пили вкуснейший оранжад. Подтрунивали над эмигрантской газетой «Русская идея».

— Они там все голубые, — сказал Дима, — И Педюлин, и... (назвал кого-то еще!). Даже покойный Ранцев был педиком.

Вообще, в русском Париже «голубая» тема очень животрепещущая. И все непрочь переполоскать чужое грязное бельишко.

•••

Позвонил художнику Оскару Рыбину.

— Можно с вами сделать интервью?

— Нет. Я интервью никому из СССР не даю. А картины посмотреть приходите.

Я пришел. Картины у Рыбина хорошие. Манеры у Рыбина хуже. При встрече даже не предложил чайку, сразу стал показывать работы. Поесть тоже не предложил.

Я подарил ему свои книжки.

Он налил мне в мою бутылочку минеральной воды. Спасибо и на том.

Трепались обо всем довольно долго.

— Никуда я сейчас из Парижа не поеду, — сказал Рыбин, — работать нужно. На кой ляд мне смотреть на демонстрации в Союзе? Другого там, кажется, сейчас нет. Но здесь тоже всяких демонстраций полно. Каждый день проходят.

В этом Оскар Яковлевич прав. В Париже в самом деле все время забастовки. Кстати говоря, алжирцы, нелегально живущие во Франции, митингуют довольно часто. Выступают против собственной репатриации — не хотят на Родине жить.

•••

Ситуация обострилась. Приехала жена Азуза. Я понял, что она не одобрила мое пребывание у ее супруга. Впрочем, он и сам уже начал намекать...

Вчера сообщил:

— Евгени, ко мне дядя из Алжира приезжает. Что такое?! Все ко мне! О, бедный, бедный, бедный Азуз!

Это он про себя так.

Что же делать мне? О, бедный, бедный, бедный Евгени.

•••

Звонил знакомым литераторам Синявиным. Нет дома. Бизнесмена Алекса Тасковича (я с ним в Москве делал интервью) тоже нет. Никого нет.

•••

Телефонная карточка кончалась. А звонить из гостей, даже из контор — не принято. Стоит денег.

Как-то раз попросил позвонить из «Русской идеи». Разрешили. А в другой раз попросил — уже от ворот-поворот.

— Нет, Женя, нельзя, ведь редакция платит за каждый звонок! — сказал мне мой товарищ, журналист Саша Пуришкевич.

•••

Спасибо Диме Синицкому, он подарил мне роскошную, долговременную телефонную карточку.

— Ее вам надолго хватит. Когда будете возвращаться — вернете. Это вещь дорогая.

Это мне сказал человек, зарабатывающий несколько тысяч баксов, имеющий работу на радио «Слобода». «Будете уезжать — вернете!..»

Но в любом случае — мерси!

•••

Еще неприятность. Потерял нательный крестик. Возле метро его обронил, наверное. Искал целый вечер, но не нашел.

•••

Разбирал, сидючи на скамеечке, какие-то свои бумажки, увидел фотографию дочки. Чуть не зарыдал. И мне здесь плохо. И ей плохо, наверное, там.

•••

Кем же я был в Париже? Каким-то бомжом-интернационалистом. Ел на улице, в туалет ходил в кустики (попробуй их найди в Париже!), парижские мосты были моими печальными зонтами.

У Азуза я только спал. Пять-шесть часов в сутки.

•••

Опять общался с Димой Синицким. Он восторженно-тщеславно делился, как ему нравится играть в теннис в Люксембургском саду.

— Приходите сюда почаще! Поговорим, как следует, основательно! Меня здесь найти очень легко, каждая собака знает.

Потом он стал рассказывать о секрете своего успеха на Западе:

— Причина, по которой я здесь выжил, заключается в следующем. Я сразу стал жить как местный житель, общаться исключительно с французами. Почти пять лет я ни с кем не говорил по-русски. Я выбрал такой путь. Можно было, конечно, «продавать» свое советское «угнетенное» прошлое, но я не захотел.

•••

Возле Храма Александра Невского на рю Дарю есть дом, на одной из стен которого — различные русские объявления. Списал телефон некоего Артура. Он якобы предоставляет адреса квартир (чтобы снять дешево или вообще бесплатно!) и помогает устроиться на работу.

Позвонил.

— Артур, а с визой вы помочь не можете? У меня уже заканчивается. Хотелось бы также получить и право на работу...

Артур засмеялся:

— Да что вы! Никакая виза не нужна. Здесь полгорода живет нелегально. И работает, не имея прав. Я вам найду работу. Без проблем. Только пятьдесят франков заплатите.

•••

Я не стал встречаться с Артуром. Не поверил ему. Да и пятьдесят франков пожалел.

— Лучше, — решил я, — куплю себе пять килограммов апельсинов или бананов.

•••

Из квартиры начали фактически выгонять. Жаль, я не спросил у Артура адресов ночлежек. Он ведь говорил, что знает эти адреса. Ничего — спать можно и на скамеечке.

Кстати, в Париже пятнадцать тысяч бездомных.

•••

Сегодня узнал, что спать в ночлежках можно только зимой. Летом — спасайся, как можешь!

Увы.

•••

Странное дело: там, в Союзе, в своей скромненькой одежке я выглядел точно оборванец. Моя жена Наташа даже пыталась меня приодеть, купить мне какие-то вещи, от чего я отбрыкивался, как только мог.

А здесь в роскошнейшем, богатейшем Париже я свой среди своих. В своей драной одежде. Здесь на шмотки — ноль внимания. Прав Дима Синицкий: «Париж — клошар Европы».

•••

Кажется, мне крупно повезло, удалось дозвониться до зама главного редактора журнала для французских подростков «Фосфорит» Жан-Жака Фреско. Мы с ним встречались в Москве. И он тогда приглашал меня к себе в гости.

•••

Отвез посылку одной русской женщине. Попросили в Москве передать. Пока дозвонился до нее — истратил полкарточки.

Отвез подарочек — она даже «спасибо» не сказала.

Но Бог мне воздал. Потом пошел гулять и забрел в Сорбонну. Там мне объяснили, что я, выпускник советского института, могу поступить в Сорбонну без экзаменов, главное — вовремя подать документы, пройти собеседование. Образование во Франции бесплатное.

Девчонка-секретарша сказала, что я хорошо говорю по-французски.

Видимо, я не зря учился языку пять лет.

•••

Любовался старым — средневековым, величественным! — городом. Заглядывал в окна: обстановка, как правило, небогатая — белые стеллажи, паланкины...

•••

Забыл бутылочку с водой. Хотелось пить. А денежек — тю-тю.

•••

Видел, как мочатся прямо в метро.

•••

Пигаль. Мне подмигнули. Я тоже.

•••

Ходили с Морисом на Монмартре в марокканский ресторан. Ели блюдо кус-кус.

Владелец ресторана, друг Мориса, спросил меня:

— Какие впечатления от Парижа?

— О! — сказал я.

— Москва не хуже! — проявил друг Мориса любезность.

На дорожку угостил нас русской водочкой. Видимо, почувствовал, что не предложить на посошок русскому водки — неприлично.

•••

Когда я возвращался домой, «Дюдюль», как правило, еще был открыт.

Азуз всегда говорил:

— Присаживайся, это бесплатно.

Я тогда французское слово «бесплатно» еще не понимал.

Сидел. А зря. Азуз так шутил.

•••

В ресторане познакомился с одним поляком, который родился уже во Франции.

— Это русский, — представил меня Азуз.

— Для них все жители Союза русские, — засмеялся поляк.

Видимо, у меня все-таки странная физиономия.

•••

дом с церковью Сакре Кер. Все целовались друг с другом, пели песни. Я заслушался. Ко мне подбежал парень с пустой бутылочкой из-под колы. Попросил денег. Послушал — плати.

•••

Какой-то молодой лохматый парень на Монмартре напевал странную песню на французском языке. Он пел о том, что видел, точно легендарный Джамбул Джабаев. В его словах была только благодарность. «Как хорошо, что вокруг меня люди, как хорошо, что тепло, как хорошо, что проститутка Люси сегодня мне просто улыбнулась...»

Я понял, что надо учиться жизни у этого парня.

•••

В «Русской идее» шефство надо мной взял Саша Пуришкевич.

Пошли с ним в «Макдоналдс».

Саша спросил:

— Что будешь пить?

— Колу.

Он замахал руками:

— Что ты, что ты! Это же химия, пить нельзя, секрет колы до сих пор не раскрыт. Давай-ка лучше по лимонадику.

•••

Вообще, Саша помог мне здорово. Это он организовал мою первую парижскую сделку. Я привез в Париж снимки Андрея Филонова, фотографа из газеты «Комсомольский руль». И продал их — благодаря Саше! — «Русской идее». Гонорар, как мы и договорились в Москве с Андреем, я разделил на две части. Одну взял себе. Другую потом отвез Андрею в Москву.

•••

Добирался пешком от Нотр-Дам до Пигаль. Морис пригласил в гости на обед.

Почему я ходил пешком? Во-первых, сэкономил деньги. А во-вторых, я просто любил гулять по городу. По дороге спросил одного прохожего — как добраться до Пигаль? Он оказался не в курсе. Не местный. Немец. Спросил другого. Тоже не в курсе. Англичанин.

А желтых вокруг вообще не счесть. Японцы, вьетнамцы, камбоджийцы. Целая мафия.

Азуз говорил, что желтые очень влиятельны в Париже. Кстати говоря, среди них много таксистов.

•••

Добрался до Мориса. Квартирка двухкомнатная. Небольшая. Раньше стоила двести тысяч франков. Теперь — миллион.

— Я купил ее довольно давно, — сказал Морис, — помогла мама.

Я устроился в кресле. Попросил попить. Фамела, жена Мориса, принесла водичку со льдом. Приятно. Утолил жажду.

Разговорились.

— Ну, как вам Париж? — спросила Фамела.

— Почему-то очень много грустных людей...

— В основном это, как ни странно, коренные французы. У них-то как раз все есть. А вот алжирцы (Фамела — алжирка!), китайцы, черные... мы все, как правило, очень веселые люди. У нас темперамент другой. Менталитет!

Поинтересовалась у меня:

— Как вы устроились?

— Живу у Азуза. На набережной Луары. В одном глухом парижском дворе.

— Когда ложитесь спать, — посоветовала Фамела, — обязательно закрывайте двери. Югославы грабят всех подряд. В последнее время житья от них не стало.

•••

Гулял по набережной Сены. На мощеном мосту лежали туристы. Загорали. Кто-то ловил рыбу.

— Что же можно поймать в этой грязной реке? — подумал я. — Вода зеленая. В ней какие-то коряги, мазут.

•••

Букинисты, как всегда, торговали различными старинными открытками, журналами, книгами.

По набережной любил гулять Виктор Платонович Некрасов. Кажется, Париж был создан специально для него.

Кстати, удивительный факт: в Париже, как известно, есть станция метро Сталинград. А лучшая книга Некрасова — «В окопах Сталинграда».

•••

Рядом с Нотр-Дам — замечательный зоомагазинчик. Котята, рыбки... У каждой киски отдельная комнатка-клетка. Все такие пушистые, хорошенькие.

•••

Шел по городу, глазел по сторонам и на женщин. Они меня поражали. Я видел много невероятных толстух, кривоногих каракатиц.

•••

Придя домой, обнаружил, что на моей кровати нет ни матраца, ни простыни. Что оставалось делать? Я лег и заснул.

•••

Утром Азуз объявил мне, что завтра его жена возвращается из Италии окончательно.

Я пообещал, что к вечеру уеду.

•••

Из «Русской идеи» дозвонился (Саша Пуришкевич разрешил) до Жан-Жака.

Он пригласил меня к себе.

•••

От Азуза я уехал счастливый. Все-таки он меня угнетал. Придирался по мелочам. То я окно не так открою, то приду поздно, то скажет, что от моих продуктов воняет.

Вообще, жить в гостях ужасно.

Но в любом случае, спасибо ему за кров.

•••

Переехал к Жан-Жаку Фреско, в предместье Мант ля жоли (это двадцать минут на электричке от Парижа). Жизнь начала налаживаться. В большом загородном доме мне выделили комнату с отдельным входом. Жан-Жак устроил меня в свой журнал стажером. Я стал ходить на редколлегии, общаться с коллегами, пробовал писать на французском языке.

Пролез.

•••

Жан Жак уезжал в командировку в Страсбург. Пригласил меня с собой:

— Поедешь?

— Конечно. Но ведь нужно подготовиться, еды купить в дорогу, билеты заказать.

Жан-Жак посмотрел на меня как на сумасшедшего.

Мы пошли в первый ближайший пункт проката машин — выбрали шикарное голубое «Рено». И поехали. Ели по дороге в ресторанах.

•••

Жан-Жак снял нам в Страсбурге шикарные одноместные номера. Я, правда, не разобрался, как пользоваться душем. Какой-то он в этом отеле оказался мудреный. Так толком и не помылся.

Вечером показывали порно-фильм.

•••

Утром Жан-Жак позвонил мне и сказал:

— Если хочешь поесть, позвони швейцару и закажи себе все, что ты желаешь.

Я позвонил. Тут же прибежал гарсон. Принес то, что я заказал. Кофе, свежие булочки, масло.

Я съел и начал размышлять о своей жизни. Со мной ли это происходит? В роскошном отеле в Страсбурге я заказываю себе еду в номер...

•••

Гулял по Страсбургу часа два. Город — очень красивый. Средневековый. Узенькие улочки просились в стихи... А Жан-Жак тем временем выступал на конференции по проблемам педагогики.

Вообще Страсбург понравился мне даже больше, чем Париж. Тихий, уютный. Совсем нет грязи.

Я шел по городу и вспоминал свою учительницу французского языка Мари Радорж. Она родом отсюда. Когда-то я любил ее. Много лет тому назад. Позвонить ей я не решился. Нельзя дважды войти в одну реку.

•••

Жан-Жак выступал на конференции одним из самых последних. И я как раз подоспел к его докладу.

Успех Жан-Жак имел огромный.

•••

Покатили назад. Ехали-ехали. Жан-Жак сказал:

— А сейчас мы проезжаем Германию.

— А где же пограничники? — спросил я.

— Какие пограничники?! — засмеялся Жан-Жак. —

Мы с тобой в свободной Европе.

•••

По дороге нас остановили двое голосующих ребят. Они ехали автостопом из Тулузы в Марсель. По дороге разговорились. По-французски и по-немецки. Оказалось, что ребята из Праги. Студенты.

— А мы журналисты! — сказал Жан-Жак. — Я из Парижа, Евгени из Москвы.

•••

Подвезли ребят до ближайшего городка, где они остались пообедать.

•••

Помчались дальше. Я глазел по сторонам и любовался милыми крестьянскими пейзажами Франции — тщательно ухоженными полями, где тарактели небольшие фермерские трактора, пирамидальными, «кубическими» кипарисами.

— Смотри, смотри — аист! — воскликнул счастливый, похожий на ребенка Жан-Жак.

Исполненный собственного достоинства, несуетный аист обстоятельно вил на дереве гнездо. Он понимал — в чем смысл жизни.

Время как будто остановилось. Вспомнились стихи исключительно точного Мандельштама — «Я молю, как жалости и милости, Франция, твоей земли и жимолости...»

Признаться, сельская Франция мне нравилась даже больше, чем шумный и взбудораженный Париж.

Я сказал об этом Жан-Жаку.

Он — выходец из провинциального Юга — весьма одобрительно улыбнулся.

•••

Мы приехали в какую-то небольшую уютненькую деревушку. Ухоженные бульжные улочки, красные черепичные крыши, церквушка. Остановились возле одного довольно большого дома. Навстречу вышла элегантная, моложавая женщина. Поздоровались. Жан-Жак нас познакомил. Клодин пригласила войти.

— Сюрприз начинается! — интригующим шепотом сказал мне Жан-Жак.

Мы вошли в дом. И тут я увидел следующее: весь дом был заставлен невероятным количеством бутылок с вином. Оказалось, что мы приехали на винодельческую семейную ферму.

Потом мы спустились в подвал, где стояли могучие бочонки с различным зельем. Мы начали процесс дегустации. Дама наливала нам каждый раз по несколько граммов, а мы пробовали.

— Ну как, Евгени? — спрашивал меня товарищ.

— Прекрасно, Жан-Жак, — отвечал я.

Клодин радостно улыбалась и все подливала нам и подливала. Пробовали мы... минут сорок. Я, честно говоря, вполне прилично окосел. А натренированный Жан-Жак — ни в одному глазу. Южане вино употребляют чаще, чем сок или воду. Вообще, как ни странно, по статистике французы пьют намного больше русских.

После дегустации мы прикупили три ящика вина. Заплатили по французским меркам небольшие деньги, по моему, франка по два за бутылку. Загрузились. И, счастливые, поехали в Париж.

•••

Когда приехали домой, я без задних ног сразу же завалился спать, а Жан-Жак еще смотрел футбол.

•••

Больше всего в Париже меня поражали русские девушки. Красивые, целеустремленные, состоявшиеся!..

...Я гулял после не слишком тяжелого трудового стажерского дня в районе Триумфальной арки, когда девушка изумительной красоты — из тех, про кого классик сказал: «В женщине все должно быть прекрасно: и лицо, и грудь, и бедра...» — подошла ко мне! — и — явно волнуясь — спросила: «Ду ю спик инглиш?» Я обомлел. Я потерял на миг дар речи. Еле-еле выдал из себя: «Офкоз», что прозвучало почти как «Совхоз...».

Вскоре выяснилось, что прекрасная незнакомка

ранее мельком видела меня (как же я, идиот, ее не заметил?) в редакции газеты «Русская идея». И посему точно определила, какой я национальности и откуда. А по-английски со мной заговорила на всякий случай...

Девушка оказалась русской манекенщицей, фотомоделью, работающей в Париже. Ее имя — Марина Федотова. 24 года. По образованию — врач. «И умом, и всем взяла...».

Я сделал с Мариной интервью во дворике храма Александра Невского на рю Дарю и, прощаясь, попросил у нее номер телефона. Она протянула визитку.

•••

...На следующий день я сидел на уютной, беззаботной скамеечке в глубине Люксембургского сада и полистывал свежие журналы (ждал писателя Юрия Омлетова, с которым условился об интервью). Журналы были какие-то нечувственные, холодноватые. Но в одном из них — в супер-популярном, насквозь американизированном «Нью лук» («Новый взгляд») — я увидел роскошнейшую (формы, волосы!) нимфу. Кто такая? Откуда? В ее взгляде сквозило нечто неуловимо родное, советское... Начал читать. Так и есть — из «Совка». Очередная роза среди навоза. Ирина. Таково сценическое имя. 22 года. Из Кишинева. Родной дом — рядом с румынской границей. Но в последнее время все больше и больше путешествует. Завоеывая Америку и Европу. Покоряя Париж. И успешно! Десять страниц фотографий в многомиллионном «Нью лук» — это не шутки...

•••

Встретился с писателем, мы посидели в ресторанчике, я записал на пленку интервью. И по-

ехал на метро домой. С рекламного щита мне улыбалась еще одна красавица. Я уже знал, что она тоже русская...

•••

Однажды на выходной к нам с Жан-Жаком пришли его друзья. Мы ели замечательные французские сардины, салаты из свежих овощей (помидоры величиной с маленькую дыню!), запивали молодым эльзасским вином, которое мы с Жан-Жаком выбрали на винодельческой ферме в Эльзасе. И — беседовали, беседовали, беседовали. Общались. Очаровательная брюнетка Жюдит (подруга нашего приятеля Марка) пробовала заговорить со мной по-русски. Она изучала наш язык. Не случайно. Ее дедушка — украинец. Из второй «волны» эмиграции...

•••

Подобные истории я мог бы рассказывать до бесконечности. Париж пропитан русской красотой. Порою мне даже кажется, что в жилах всех парижских красоток — даже китаянок или негритянок! — течет славянская кровь.

•••

Однажды, когда я остался дома один, а Жан-Жак уехал в очередную командировку, я позвонил профессору Восточного института господину Раймону Горра. В Москве я кое-что о нем слышал. Читал теплые отзывы о нем Ирины Одоевцевой в книге «На берегах Сены». Знал, что замечательная книга Зинаиды Шаховской «В поисках Набокова» вышла с посвящением,

в частности, этому человеку. Знал, что он активно интересуется русским искусством.

Я позвонил и начал, как теперь понимаю, тупо и вызывающе нахально заманивать его к себе в гости:

— Приезжайте, господин Горра, ко мне, в Мант ля жоли. Это не слишком далеко. У меня есть икра, водка. Посидим, поговорим. Я сделаю с вами интервью, глядишь, его потом и напечатают.

Видимо, эта неумная наглость ошарашила видавшего виды профессора. Он просто опешил. Дело в том, что обычно в гости напрашивались (да еще как!) к нему. Он же — наоборот — многим давал от ворот-поворот, чтобы не сказать похлеще. Например, журналиста Феликса Козлова он просто послал... (да-да, именно туда).

Горра же начал приглашать меня к себе, заверяя, что «у него нам будет несколько уютнее». Я решительно отказывался. Но потом все же согласился.

И вот я в гостях у профессора. Что же я увидел? Два роскошнейших, стоящих рядом трехэтажных (окна бронированные!) особняка, где хранятся русские картины и рукописи, автографы прославленных наших соотечественников — от Пушкина до Бунина и Зайцева.

Картин — тысячи. Более 40.000 наименований — редких книг, 10.000 сборников русской эмигрантской поэзии. Самое большое собрание в мире. Неопубликованные письма Бунина и Куприна, Северянина и Ходасевича, Балтрушайтиса и Зайцева...

Я ходил по дому, листал старинные журналы и жалел, что не могу провести здесь остаток своей жизни...

•••

Оказалось, что у Раймона Горра — юбилей. 45 лет. Увы, я не знал и пришел без подарка, но г-н

Горра не обиделся. Мы отметили его день рождения, выпили замечательного белого вина и царского (!) русского шампанского, обсудили множество самых различных проблем. Но, конечно, прежде всего, говорили о женщинах. Профессор оказался нормальным парнем.

•••

Через месяц я позвонил на работу. Говорил с главным редактором Исаковым. Он предупредил, что если я не вернусь через неделю, он меня уволит.

Я попросил отсрочки еще хотя бы на месяц.

После долгих уговоров, он все-таки согласился.

— Привези побольше интервью и репортажей! — сказал он.

Я пообещал.

•••

Я вернулся домой, в Москву, через три месяца.

•••

С работы меня не уволили.

•••

Позвонил в Кубиково. К телефону подошла теща. Сказала, что Наташа спит.

•••

Через два дня Наташа позвонила и сообщила мне, что вчера со мной развелась.

Моего согласия на развод никто не спросил.

•••

Я лег на кровать и долго-долго плакал.

•••

Через два месяца Наташа вышла замуж за немца Герберта Лихтенштейна, и они уехали в Германию. Мою маленькую прекрасную Настюшку забрали с собой.

•••

Прошло полгода. Я вкалывал в газете — писал статьи, делал интервью с известными людьми, строчил светские репортажи (рынок заставлял газету менять «лицо»), редактировал чужие материалы, отвечал на письма читателей. Все обрыдло.

ГЛАВА II

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Мой приятель, фотограф нашей газеты Игорек Тараскин, стал зазывать в Америку:

— Старик, мы с тобой отстали от жизни, пока мы делали интервью и фоторепортажи, все умные люди уже сделали «бабки», либо отвалили за кордон. Пора и нам. Не навсегда, кстати. Нарубим «капусты» и вернемся.

Я начал задавать занудные вопросы, типа, а что мы там будем делать? Игорек отвечал, что работы навалом. Больше того, нас, мол, уже ждут. Будем диспетчерами в таксомоторном парке. Или кем-нибудь еще.

Мы с Тараскиным пошли на поклон к главному редактору Исакову.

— Хрен с вами, езжайте, — сказал Исаков. — Привезете интервью штук двадцать и побольше фоток. Я вам дам телефоны наших известных эмигрантов.

Он отпустил нас на три месяца за свой счет.

•••

В скором времени нам прислали из США приглашения.

Получили мы визы. И — не поверите! — даже не созвонившись с принимающей стороной, вылетели в Америку.

— Там на месте договоримся! — решил отчаянный, истинно русский человек Игорек.

Я же (все-таки есть во мне что-то подозрительное!) на всякий случай подстраховался и позвонил

своему давнему товарищу по длительной переписке — эмигрантскому поэту Мише Трутневу.

И — оказался прав. Только Миша нас в аэропорту и встретил. Друзья Игорька про нас забыли решительно и бесповоротно. Переночевали мы у Миши, в Филадельфии (он нам машину подал аж в Вашингтон, куда мы прилетели). Друзья Миши предложили Игорю остаться, но Тараскин рвался в Нью-Йорк, на заработки. И укатил. А я остался в Филадельфии, у Миши.

•••

Он жил с мамой, милой еврейской старушкой лет семидесяти пяти. Мама получала «восьмую» программу (это и денежное пособие, и бесплатное медицинское обслуживание, и тому подобное). Миша получал, как и мама, велфер, то есть пособие по безработице. Не работали они за двадцать лет эмигрантского бытия ни часа.

•••

Первый день в Америке прошел для меня спокойно. Я гулял по городу вместе с Мишей. Удивлялся незатейливому пейзажу русско-еврейского райончика города. Скучные, однообразные двухэтажные домики, спокойные улицы, никаких небоскребов, никаких проституток на улице. Экзотики — ноль. Но зато спокойно, сытно, уютно. Рядом с мишиным домом находился бассейн под открытым небом. Бесплатный. Бедные люди (в основном советского происхождения) там в уикенды купались. Богатые купались в своих собственных бассейнах.

Говорили мы с Мишей на одну тему. О нем. О его гениальном, неповторимом, великом, эпохальном и т.д. творчестве.

— Если честно, старик, знаешь, в чем твое основное предназначение? — как-то раз спросил меня Миша. И тут же сам ответил на свой вопрос:

— Ты должен добиться того, чтобы мне дали Нобелевскую премию. Понимаешь, я великий, а премию дают всяким жидам, типа Бродского.

Кстати, Миша тоже еврей и в США выехал именно по израильской визе. Впрочем, себя он считал похожим на римского патриция, а отец, говорил, у него англичанин.

Я слушал Мишу молча. Его это не устраивало. Он «заводился».

— Ну что, ты считаешь, что Бродский заслуживает «Нобеля»?

— Уверен, — отбивался я, — что не будь Бродский евреем, не побывай он в ссылке и в эмиграции, не будь он, в конце концов, действительно очень талантливым человеком — премии бы ему не видать. Тут все совпало.

— А у меня что, не совпало? — кипятился Миша. — Двадцать лет страданий на чужбине, стихи величайшего (Миша выговорил почти по слогам!) накала — все с подлинной любовью к Родине. А сколько книг я собрал для России! Составил картотеку. Преподнесу в двухтысячном году в дар нашей с тобой Родине.

Я одобрительно улыбался и старался отмолчаться.

•••

Каждое утро Миша стабильно будил меня в семь утра, и мы уходили заниматься, как он говорил, бизнесом. Мы искали деньги. В прямом смысле этого слова.

— Смотри, Женька, я квотер нашел! — кричал счастливый Миша, увидев двадцатипятицентовую монетку.

— А вот гривенник, тоже пригодится! — вторил

Трутневу я, найдя десять центов.

Иногда нам крупно везло — кто-нибудь из нас

находил «токин». Это жетон для метро стоимостью доллар двадцать пять центов. Монеты лежали повсюду, особенно денежные места были в районе стадиона, рядом с бассейном и на бейсбольном поле.

•••

Миша любил делать мне подарки — он приглашал меня, например, в еврейский клуб, там продавались кроссовки по доллару, костюмы по два «бакса», другие полезные вещи за мизерные деньги. Миша платил!

•••

Иногда мы грешным делом ходили и на помойки. Миша очень любил там находить различные ценные вещи. То статуеточку какую-то отыщет, то почти новый телевизор. Помойки в Филадельфии — это особый разговор. Люди выбрасывает все, что ни попадя. Если бы все это можно было вывести в Россию, Америка стала бы самым чистым государством в мире. Увы, перевозка дорогая.

•••

Так мы и жили — разговаривали о мишиной гениальности, искали деньги, ходили на помойки, смотрели телевизор, читали книги.

•••

Иногда к нам навевывались гости. И мы опять говорили о мишиной гениальности, щедрости, доброте. Другие (не хвалящие поэта) люди в дом не приходили. Тут Мише надо отдать должное — он был, точно Сталин, последователен.

•••

Однажды пришел видный меценат Игорь Палкин, главный редактор литературно-художественного журнала на русском языке «Эпопея». Журнал выходил тиражом сто экземпляров и пользовался известностью в узких кругах творческой русскоязычной интеллигенции.

Как-то уж так получилось, что Игорь прямо с порога начал кричать:

— Женя, какие у вас красивые глаза, какие у вас красивые глаза. Поехали, я вам покажу центр города.

Я был молод и глуп. Я поехал. Мы ходили по центру города, он действительно оказался красивым. Большие стеклянные небоскребы, уютные старинные особнячки, оживленные веселые улицы. Я начинал понимать, что Филадельфия — это не только наш русско-еврейский район. Мы ели мороженое, фисташки, посидели в кафе, где сожрали по аппетитному гамбургеру, посетили порно-шоп, зоомагазин. Все шло прекрасно.

•••

Стали возвращаться. По дороге заехали к Игорю в гости. На полчаса, как он выразился. Начали выпивать. Тут я должен сделать нравоучительные ремарки: дамы и господа, если вам наливают водку с апельсиновым соком, значит, вас хотят соблазнить. Тогда я этого не знал. Я выпил много. Чуть не потерял сознание. Прилег. Игорь попытался меня поцеловать. Я его оттолкнул. Он начал приставать опять. Я понял, как тяжело быть женщиной.

В итоге он ушел к себе, а я так и не сомкнул глаз — боялся новых поползновений на свою мужскую девственность, которую мне все-таки героически удалось сохранить.

•••

От Игоря я сбежал. Но и к Мише возвращаться не хотелось. После этого я жил еще у огромного количества людей в Филадельфии.

В частности, у военных преступников второй мировой войны. Преступниками их, конечно, называть не следует — это несчастные русские люди, волею судеб оказавшиеся на оккупированной немцами территории. Оттуда их угнали в Германию, а потом они переселились кто в Аргентину, кто в Америку.

•••

Добрейший и талантливый художник Володя Шайтанов приютил меня на несколько дней в своем просторном доме. Мы с ним очень мирно уживались, он рассказывал свою одиссею, я задавал вопросы. Иногда мы даже ездили с ним в Атлантик-сити, где играли в блек-джек.

•••

— Неожиданно объявился Игорь. Он позвонил:
— Привет, сволочь! Куда пропал?
— Моральные травмы от тебя залечиваю, собака.
— Вот что, блядь ты такая, хоть ты мне и не дал, но я все равно к тебе хорошо отношусь. Я решил устроить твой вечер у себя дома. Будет вся наша филадельфийская русская элита, сам Арон Коненобоген и Сара Горфинкель обещали прийти. Я про тебя, блядь ты такая, только хорошее говорил. И что я в тебе нашел?! В общем, соглашайся. Весь гонорар тебе отдам.

Я согласился.

•••

На вечер пришло примерно человек пятьдесят. Никогда не думал, что наша русско-еврейская филладельфийская общественность проявит такой интерес к скромному журналистскому дарованию. Игорь постарался. Видимо, он еще надеялся в глубине души, что я, наконец, одумаюсь и сменю ориентацию.

•••

Я читал стихи, рассказывал о жизни эстрадных знаменитостей. Мне аплодировали, покупали мои книжки.

После вечера мы подсчитали выручку. Оказалось, что я заработал пятьсот долларов. Я предложил половину Игорю, но он благородно отказался, взял себе только сто баксов.

— Это невысказанный результат, — сказал Игорь, — у меня столько даже Юнна Мориц не зарабатывала...

Я пригласил Игоря, Володю Шайтанова и других своих друзей в ресторан. Но тут к нам подошел некий бородачеподобный господин — Семен Раскин. Выразил нам свое почтение и пригласил к себе в гости.

Мы поехали. Семен жил в огромном доме практически один. Его жена работала в Нью-Йорке и приезжала в Филадельфию только на выходные, а их сын Никита учился в колледже в Бостоне.

Мы сидели за столом, пили испанскую граппу, болтали о каких-то пустяках. И тут дверь открылась.

.....
.....
.....

— Лера Густафсон, — протянула мне руку длинноногая, голубоглазая блондинка. (Я понял, что это жена хозяина дома, но не понял, почему у нее другая фамилия.)

На миг я потерял дар речи. Таких красивых женщин я ранее не видел.

Каким-то неведомым чувством я, наглый московский парень, понял, что вошедшая женщина — моя судьба.

Правда. Я это почувствовал сразу. Хотя никаких шансов быть рядом с этой прекрасной дамой у меня не было.

Когда Игорь вышел покурить, я присоединился к нему и сказал:

— Я буду жить с этой женщиной.

— Дурак, — засмеялся Игорь, — это невозможно. Живи лучше со мной — и у тебя все будет! А Лера — женщина из высшего американского общества. Она вхожа даже в Белый Дом, знакома с президентом Бушем.

•••

Мы сидели за столом — Лера, Семен, Игорь, Володя. Говорили, говорили, говорили.

Я сказал, что через неделю возвращаюсь в Москву. Вылет — из Нью-Йорка.

— Отлично, — сказала Лера. — У меня в Нью-Йорке есть квартира, я вам дам ключи, покажу город и провожу. Это все походило на сон.

•••

Через неделю в Нью-Йорке мы остались с Лерой наедине в ее квартире.

Я сказал ей:

— Я вам так за все благодарен. Увидев вас, я понял, что в жизни есть смысл.

Мы стали разговаривать. Она рассказала о себе.

— У меня родители русско-шведского происхождения. Мама из рода Раевских, а отец — швед Ян Густафсон. Я родилась уже в Америке, 39 лет назад, так что я вас, увы, значительно старше.

— А мне кажется, это я вас старше, — сказал я правду. Лера улыбнулась. И продолжила рассказывать о себе.

— Семен Раскин — мой муж. Он еврей из России, жил в Москве.

— Вы счастливы в браке?

— Вот уже десять лет мы не имеем с Семеном интимных контактов, хотя и не разведены. Я девять лет жила с Эриком Яном, американцем китайского происхождения. Мы очень любили друг друга.

— А кем он был?

— Мы работали в одном банке. А потом он захотел открыть филиал нашего банка в России. И там его убили. С тех пор я дала обет... Вот уже два года я не имела контактов с мужчинами. Замкнулась в себе. Так что Россия причинила мне много горя. А когда я увидела вас, со мной что-то произошло.

— Со мной тоже. Я хочу вам подарить книгу своих стихов.

(Я достал из чемодана книгу и долго-долго писал Лере автограф. А Лера включила замечательную музыку Китаро.)

Она взяла книгу и неожиданно для меня сказала:

— Поцелуй меня.

.....
.....
.....

•••

Утром я улетел в Москву.

ГЛАВА III

ШВЕЙЦАРИЯ

Наступил 1992 год. Я жил в Москве, перешел на работу в журнал «Окраина», вел рубрику «Светские рауты». Встречался с различными известными людьми. Перезванивался и переписывался с бывшей женой, дочкой, а также с Лерой.

Моя старинная знакомая Татьяна Эстонцева, которая в свое время определила меня на учебу на факультет журналистики ВКШ при ЦК ВЛКСМ, записала меня в Партию Христианских Демократов.

Татьяна испытывала ко мне симпатию (не более того) и все время куда-то пристраивала. Я ей полностью доверял.

Однажды по просьбе Татьяны я написал о знаменитом на Западе деятеле ХДС Антони де Сеусе. В своей заметке я назвал его великим подвижником. Прочитав журнал, он прослезился. И спросил меня:

— Что я могу для вас сделать?

— Да что вы! — удивился я. — Мне от вас ничего не нужно.

— А за границей вы не хотите поучиться? У меня есть друг — он ректор Университета христианского образования в Женеве. У него, я знаю, учатся русские студенты.

Я улыбнулся. Я знал, что людям нравится много обещать...

•••

Через месяц мне на работу позвонил из Брюсселя Антони де Сеус и сказал:

— Женя, я договорился. Вас зачислят в Университет.

•••

Третий месяц я жил и учился в Швейцарии, в Женеве, в Университете христианского образования и, если честно, не переставал удивляться этой стране...

•••

Разместили нас, группу русских студентов, в замке, в деревушке Селини, это примерно в пятнадцати километрах от Женевы.

Русских студентов было шесть человек. Маша, Настя, Женя, Даниил, Макс и я.

Маше 33 года, она работает в Библиотеке иностранной литературы, Насте и Жене по 19 лет, они студентки филфака МГУ, Даниил окончил ИСАА, Макс — МОПИ имени Крупской, занимается бизнесом, шьет куртки.

•••

Мы стали изучать философию, богословие, политологию, аспекты международного права. Тема моей дипломной работы — «Свобода выбора в произведениях Николая Лосского».

Другие студенты взялись за изучение трудов Владимира Соловьева, Николая Бердяева, Георгия Федотова, Сергея Франка и Михаила Гершензона.

•••

•••

В замке мне выделили отдельную уютную комнату. Двенадцать квадратных метров, кровать, шкаф, умывальник. Душ и туалет на этаже.

•••

Из иностранцев в группе оказалась швейцарка Валерия и француз Шарль. Валерия по совместительству — наш гид и водитель.

•••

Стипендия составляла 1200 швейцарских франков, т.е. примерно тысячу долларов.

•••

В Швейцарии удивляло буквально все.

В самой отдаленной деревушке полно всевозможных газетных киосков. Есть киоски весьма специфические. Газеты лежат в стеклянных коробочках, никаких продавцов рядом нет. Бери — не хочу. Но никто не возьмет бесплатно. Ни разу не видел. Обязательно заплатят. Столько, сколько написано на газете. Видел такую сцену: огромный, бородатый, похожий на Кинг-Конга швейцарец подходит к стеклянному киоску и... опускает в ящичек монетку. Только после этого берет газету.

•••

В выходной мы ездили в Берн. Лермонтов писал о Тамбове: «Здесь есть три улицы кривые». В Берне большая улица фактически одна. Правда, улочка замечательная. Все светится, дышит, живет! А посмотришь вверх — горы, горы, горы! Течет быстрая

и шумная, как глупость, речка — вода чистейшая. Рыбы полно. А вот ловить запрещено. И — правильно.

•••

Наш сокурсник Шарль, готовящийся стать священником (Шарль одновременно учится в Тулузской католической семинарии) рассказывал:

— Во Франции длительное время продолжалась энергичная дискуссия — какого пола ангелы?

Этот вопрос до сих пор остается открытым.

•••

Валерия (она швейцарка немецко-итальянского происхождения), разговаривая со своими друзьями, швейцарцами из Лугано (это итальянский кантон) часто употребляет такие слова как «анкоре» (вместо «анкор»), «Шарля» (вместо «Шарль»), «еко». Вот что такое «еко» мы, русские студенты, до сих пор не понимаем. Спросили у Валерки (мы ее так называем между собой), она отвечает: «Я и сама не знаю...».

•••

Данька Пошабо, выпускник ИСАА, тоже обучающийся вместе с нами, рассказывал:

— В ИСАА без блата никуда. Да, я поступил сам. Долго готовился. Но меня потом все-равно «ущемили» в правах. Принудили изучать тот язык, который мне нравится меньше других — вьетнамский. А «блатным» достались японский, арабский и т.д. Кому сейчас нужен вьетнамский — неизвестно.

Кстати говоря, после Швейцарии Данька поступает в Сорбонну. Молодец!

•••

По дороге из Берна у нас сломалась машина. Вызвали «гаражиста». Он приехал, но починить не смог. Уехал. Мы разозлились, пошли в ресторан, но там нас почему-то не обслужили. Мест у них, видите ли, нет. «Совок», да и только.

Забегали в магазинчик, купили жратвы на 60 франков, пошли в привокзальный буфет. Стали есть — нас выгнали, поскольку мы ничего не заказали. Тогда мы попытались заказать одну чашечку кофе на всех. Нас, разумеется, не поняли. Делать нечего — мы начали есть прямо возле входа. Очень, кстати, вкусно было. Йогурты, хлеб, сыр, печенье, чипсы.

•••

Вместе с нами в общежитии живет католический священник — пэр Фрост. По вечерам он ведет с нами занятия. Мы изучаем Библию. Как Данька сказал: «Третий класс, вторая четверть». Но, конечно, интересно. Мне очень даже нравится. После занятий читаем молитвы. В основном на русском языке. Я, кстати, подучил «Отче наш». Стыдно сказать — раньше знал не назубок.

Пэр Фрост очень добрый. Недавно дал нам видик. Чтобы мы смотрели различные религиозные фильмы.

•••

По вечерам в нашем замечательном общежитии мы смотрим разные фильмушки. Недавно, например, показывали «Сирано де Бержерак» с Депардье в главной роли. Фильм занимательный. Сюжет. Двое молодых людей любят одну девушку. Один — красавчик. Другой — сущий Квазимодо (Депардье). Депардье понимает, что его карта бита, что ему ничего не светит. Он помогает своему

товарищу. Пишет за него красивые письма их общей возлюбленной. Та — млеет. Назначает свидание красавчику. Он обнимает ее, целует. Восторг. И тут она произносит сакраментальную фразу:

— Говори!

Он:

— Еще поцелуй, еще один!

Она, разочарованная, убегает.

Смешно, забавно и поучительно. Женщина, в самом деле, любит ушами.

•••

Увы, нет ни магнитофона, ни проигрывателя. Нет музыки. Мне очень плохо.

•••

Рядом с нашим домом растет удивительная, усыпанная плодами яблонька. Яблоки — вкуснейшие. Но их никто не рвет (кроме русских, конечно). А в продаже яблоки весьма дорогие. По три франка за килограмм.

•••

На занятия мы добираемся то на автобусе (университетском), то на электричке. На электричке — десять минут езды. Билет — пять франков. Это где-то четыре доллара.

•••

На поле (колхозном, что ли?) набрал целую сумку кукурузы. Хорошая кукуруза. Правда, немного жестковатая. Ее надо варить.

•••

Мы, русские, на Западе осваиваемся молниеносно. А вот, если, скажем, нашего бедного Шарля отправить хотя бы на месячишко в Москву — он бы выжил навряд ли.

Сегодня он съел какие-то неправильные пирожные и — целый день жаловался на желудок. А пирожные здесь — будьте-нате, как говорит Михаил Трутнев из Филадельфии.

•••

Перезваниваемся с Лерой, связь, как ни странно, сохранилась. Лера даже пригласила в гости. Наверное, поеду.

•••

Получили стипендию. Пошли в кафе, на замечательную набережную озера. Кафе — очень дорогое, хоть и расположено под открытым небом. Взяли по бутылке пива на брата. С носа по три семьдесят, то есть по тысяче, если в «деревянных». Сидели, трепались. Думали о нашей будущей жизни. Вокруг сновали бесконечные туристы. Мы, слава Богу, не туристы. Нам эти лишние снимочки на память не особенно нужны. Мы — студенты. Мы здесь живем. И учимся. Вот жалко только, что денег не хватает. Ибо на стипендию надо не только пивка попить, но и в Париж, и в Москву позвонить, и отложить на жизнь в России, и на билет в Нью-Йорк (к Лере) сэкономить, да и жратвы (извините) купить.

Надо, впрочем, думать и про возвращение. Когда мы вернемся? Куда? Как нас встретят? Кому мы нужны? Уезжали из одной страны, возвратиться надо будет в другую. Прежней страны, в самом деле, уже нет. Да и нас — прежних — тоже нет.

...Дети кормят чаек и уток, бьет, как всегда, натренированный фонтан, мы сидим в кафе, пьем неразбавленное — даже противно! — буржуазное пиво и решаем извечные вопросы: что делать и как быть?

•••

Вчера по видеку смотрели фильм «Ленин в Париже» Сергея Юткевича — Настя Градова в каком-то комиссионном магазине купила.

Ну что сказать, ситуация похожая. Что-то у нас есть общее со старыми большевиками...

•••

В Берне Шарль нас угостил горячими жареными каштанами — изумительное лакомство. Кстати говоря, много каштанов валяется в Женеве в ботаническом саду. А напротив библиотеки университета растут *casis*. Это хурма. Правда, она еще не созрела. Мы пробовали.

•••

Вечером собирались в каминном зале. Я пел на гитаре и читал ребятам стихи. Блока и Хлебникова, Цветаевой и Владимира Соколова...

•••

В стихах я бы сказал об этом так.

*Мы жили в замке. Вечерами,
Когда горел наш камелек,
Стихами «О прекрасной Даме»
Я ублажал друзей, как мог.*

•••

Странный у меня получился 1992 год. Я провел его за границей почти полностью. В основном в Америке и Швейцарии. Кстати говоря, швейцарская деревушка Селини очень напоминает мое любимое латвийское местечко Дубулты. И — очень похожи поезда, идущие из Селини в Женеву, на поезда, следующие по маршруту: Дубулты — Рига. В общем, тот же комфорт и спокойствие, те же пейзажи из окна. Все очень чинно и красиво.

•••

Учил молитвы.

•••

Виделся с писателем и преподавателем Маркишем, он обещал дать интервью. Русская библиотека (заведующий Жорж Нива) Женевского университета, на мой взгляд, небогата. Однако фолианты в ней собраны очень интересные и редкие. Я впервые в этой библиотеке прочитал такие книги, как «Переписка Л. Брик и В. Маяковского, Э. Триоле и В. Маяковского», «Это я, Елена» Е. Шаповой, все тома «У голубой лагуны» К. Кузьминского, сборники И. Бродского, забавную книжку А. Мальгина о Р. Рождественском, замечательный роман «Ниоткуда с любовью» Дмитрия Савицкого, много философских книжек.

•••

Очень удобные в Швейцарии *carte ouverte* — проездные билеты. Прокомпостируешь их в специальном аппарате — на них автоматически выставляются время и дата. И в течение часа можно ездить на любом виде

городского транспорта (разумеется, кроме такси и поездов). Что же касается контроля на транспорте, то он очень и очень строгий. Контролеры всегда начеку.

•••

Однажды произошел такой случай. Мы ехали с Данькой, Настей и Женей из Селини в Женеву — на занятия. Контроль. У всех моих попутчиков проездные билеты оказались в порядке, а у меня, увы, не совсем. Грозные дяди почему-то затребовали паспорт. Я, как последний дурак, достал из широких штанин свой серпастый, молоткастый. Контролеры посмотрели в него сурово и бдительно. И... очень обрадовались. Поймали! Оказалось, мой тип проездного был рассчитан только на тех, кому еще нет двадцати пяти лет. А мне, мягко говоря, уже тогда набежало под тридцать.

— Но проездной этот покупал не я, мне его выдали в Университете, в котором учусь! — попытался я добиться справедливости.

Слушать меня, разумеется, не стали.

— Либо платите штраф пятьдесят франков, либо мы вас сдадим в полицию, — сказали, как отрезали, контролеры.

Денег у меня не оказалось. И пришлось потопать в участок.

•••

Станция близ Женевы. Меня грубо провели (втокнули) в камеру предварительного заключения. Обыскали. Я попытался пошутить:

— Ну что, поймали особо опасного рецидивиста-международника?

Шутку не поняли.

— Смейся, смейся, скоро окажешься в настоя-

шей тюрьме! — ответил какой-то остроумный блюститель порядка.

Что скажешь? Менты — они и в Африке менты.

•••

И вот я совсем один. В КПЗ. Осмотрел камеру. Решетка. Стол. Стулик.

Что делать? Я достал из сумки предусмотрительно припасенные яблоки и начал есть. В голове проносились тревожные кадры из бессмертного фильма «Семнадцать мгновений весны», печальная музыка из этой картины... Но я не заплакал.

•••

Минут через тридцать-сорок вошел полицейский.

— Собирайся, тут за тобой друзья пришли, выкуп принесли. Оказалось, Данька съездил в Селини и привез пятьдесят франков. Меня выпустили. Я кинулся Даньке на шею. Спасибо, спас.

В тот же день я купил в Женеве другой проездной, подороже. Но такой, какой полагается. Никаких инцидентов в швейцарском транспорте со мной больше не происходило, но тамошних контролеров я с тех пор не люблю.

•••

Опять ездили в Берн. Встречались там с представителем Партии Христианских Демократов, депутатом парламента. Дело происходило в Совете Федерации, смотрели, как их парламент работает. Хорошо работает. Без мордобоя, во всяком случае.

Потом нас усадили за круглый стол. Начали нам задавать вопросы. И депутаты старались, и журналисточка из «Трибюн де Женев». Я сказал, как всегда,

какую-то бессмыслицу. «Хоть я и состою в Партии Христианских Демократов, но политикой не интересуюсь».

Вместе с тем — это сущая правда.

•••

Вечером вернулись. Собрались в каминном зале. Пили чайк, пели песни. Я не большой мастер играть на гитаре и петь, но так получилось, что кроме меня и швейцарки Валерии играть больше никто не умеет. Приходится нам за всех отдуваться. Смешно: Валерка просит, чтобы я учил ее играть. Но, по-моему, она играет на гитаре гораздо лучше меня.

•••

В университетской библиотеке познакомился с одной русской девушкой. Зовут — Лена. Разговорились с ней. Она из Москвы. Родители работают в ООН. Она в Университете изучает французский язык. Зашел разговор об образовании. Девушка просветила меня относительно того — платное или бесплатное обучение в Швейцарии. Цены на обучение следующие. Швейцарцы платят только 50 франков в месяц, а все остальные — 550. Правда, есть еще одна группа людей, которая платит меньше — это дети сотрудников ООН. Они должны платить где-то 300 франков в месяц. Я начал считать. Самое дешевое жилье в Женеве — комнатку — можно снять франков за 300. На питание уходит никак не менее 500 франков. Если еще платить за обучение — недешево получается. Да и сам процесс обучения очень сложен. Например, на медицинском факультете существует такая практика: если ты — на любом курсе университета! — не сдал хотя бы один экзамен, то вынужден начинать учебу с самого начала, то есть автоматически переходишь на первый курс.

•••

Весьма забавные расклеены объявления в Женевском Университете. Например. «Организовывается хор русской народной песни. Руководитель — Таня Шухман».

Или — «Даю уроки русского языка. Ашот».

•••

Открылась выставка Брейгеля.

•••

Гуляя по городу, набрел на галерею, где продавали работы Шагала, Кандинского, Пикассо. Видел также магазин, где продают русский антик, иконы.

•••

По телевизору показывали, как действует русская мафия в Польше. Наши создали не просто криминальную обстановку, создали вторую (теневую) экономику. Поляки в ужасе.

•••

Жду письма от своей загадочной нью-йоркской музы Леры. Пишу стихи.

•••

*все на ходу — все впопыхах
дороги — странствия — годами
и сны — на разных языках —
о нереальной в общем даме
вот жизнь моя — и сны и явь
смешная жизнь — а сны тем паче
но знаешь — господи избавь —
чтоб было как-нибудь иначе*

•••

В альманахе «Часть речи» (его нью-йоркец Григорий Поляк издает) читал интересные воспоминания г-жи Чулковой, которая десять лет прожила с Ходасевичем. Перед отъездом на Запад Владислав Фелецианович ее бросил. Боже мой, как все-таки опасно женщинам иметь дело с творческими людьми. «Не верь, не верь поэту, дева. Его своим ты не зови. И пуще праведного гнева страшись поэтовой любви». Кажется, так писал Тютчев.

•••

Сочинил собственную молитву. Рискну ее воспроизвести.

*О, Господи, спаси и сохрани
Ребенка моего Анастасию,
О, Господи, спаси и сохрани
Моих родителей и брата,
О, Господи, спаси и сохрани
Жену мою бывшую Натали,
О, Господи, спаси и сохрани
Мою возлюбленную Леру!
О, Господи, спаси и сохрани
Племянника и Вериного сына.
И всех других людей мне дорогих.
И отведи от них напасти.
Пошли их лучше мне. Аминь.*

ИЗ НЕОТПРАВЛЕННОГО ПИСЬМА
ЛЕРЕ ГУСТАФСОН

Может быть, ты стоишь сейчас возле окна своей нью-йоркской студии и смотришь вглубь мрачного безотрадного двора. Может быть, ты сейчас слушаешь японскую музыку, а не у музыку. Может быть, ты думаешь о своей личной жизни, о том, как это важно — не умирать душой. А если и умирать, то непременно воскресать. И, может быть, ты даже думаешь обо мне. Хотя кто я такой? И кто я тебе? Я — странный человек, непонятно зачем разъезжающий по миру, нигде не задерживаясь надолго. И, если сказать по сути, то разве не я — бомж-международник? Я — человек, не понимающий сам себя... И все-таки, может быть, ты думаешь обо мне. Хотя бы потому, что я думаю о тебе, думаю всегда. Сиджу ли на семинаре или слушаю (не слушаю) мудрую лекцию (как меня еще не выгнали), хожу ли по земле или сплю. Вот поэтому я и говорю:

— Может быть, все же...

ПИСЬМО ЛЕРЕ ГУСТАФСОН

Женечка, дорогой мой, здравствуй!

Смотрю на твою фотографию, читаю твои стихи и думаю, а был ли ты? Один короткий вечер и одна коротко-длинная ночь вместе. А теперь лишь фотография в книге. И ты суров и грустен на ней, и выглядишь старше, много старше, чем я тебя знаю, особенно, когда ничего тебя не скрывает, ни одежда, ни отчужденная вежливость незнакомого или полужнакомого человека (таким как я тебя увидела в моем доме, может быть, это я была отчуждена ото всех и ото всего, мое восприятие). Вижу тебя, твое такое красивое, все удлиненное, тонкое

тело, твои руки глажу, ноги и пытаюсь посмотреть в глаза, но прячусь сама от непонятности, от неожиданности, от твоего чувственного натиска и в то же время боязни меня. Я не успела привыкнуть к тебе, запомнить, погрузившись в твое лицо, твой запах, в тебя, ты был близко и далеко, вот как сейчас, я думаю о тебе, но ты так бесконечно далеко, на другом материке, да и где же ты? Ты ушел, уехал. Исчез? Кому же я пишу? Пишу почти в никуда. Не знаю, нужно ли это тебе, сама тоже ни в чем не уверена, но с тобой я могла бы быть близка, хотела бы нежно к тебе прикасаться, т.к. чувствую твою душу и твое прикосновение ко мне, что еще важнее?

Но опять у меня наслоение одной разлуки — навечно — на другую разлуку — на сколько? Не получается побега от себя. Как тяжело, и горько, и в то же время радостно. Я тебя лучше понимаю, прочитав и читая твои стихи, они все — о тебе, у тебя очень чувствительно-ранимая, защищенно-незащищенная душа, пытаюсь понять, как ты живешь...

* * *

Продолжаю писать, ты уже позвонил, я была рада услышать твой голос, твои интонации, была рада, насколько я могу быть рада, принимая во внимание многое. Получила твое письмо и смеялась, особенно в конце, где ты пишешь о «диком» Степанове, никак не могу тебя таким представить, а когда пытаюсь — мне становится смешно. Спасибо за письмо, оно дает мне силы жить. Письмо мне принес твой знакомый Вениамин, и его реакция на меня была стандартной, можно подумать, что в России нет красивых женщин, ну это не важно.

Пиши мне, пиши обо всем, мне необходимы твои письма, иначе я просто пропадаю, конечно, не просто, а сложно пропадаю. Если я не могу тебя видеть, то я хочу все о тебе знать.

Моя жизнь весьма стабильна — работа, в основном, скоро начнется учеба, но не раньше чем в мае 1993, а

сейчас я должна сдать очень сложный экзамен, к которому и готовлюсь.

Спрашивай обо всем, что хочешь знать, сама я человек довольно скрытный и ничего никому не рассказываю, но если спрашивают, то — пожалуйста.

Пиши мне обо всем, хорошо?

Обнимаю,
Лера.

•••

Отношения с Лерой туманны. Конечно, я очень нежно к ней отношусь. Она красавица и умница. Но я-то ей зачем, нищий, бесперспективный вечный студент и литератор?

•••

Макс, наш экстравагантный и авантюрный студент, бывший российский бизнесмен, сегодня решил приобрести за тысячу франков БМВ. Но в русской Миссии его отговорили. Вообще, о Миссии нужно рассказать особо. Это, конечно, «совок» в чистом виде. Огромные здания, немерянные земли. И — жизнь весьма необычная. Даже цены в Миссии совсем другие нежели в городе. Например, в городе сигареты («Мальборо», например) стоят три пятьдесят, а в Миссии — франк тридцать. Медицинское обслуживание — бесплатное! И терапевты, и гинекологи, и — самое удивительное! — дантисты! Все здорово. Но вот лица, с позволения сказать, у всех наших какие-то одинаковые. Круглые, сытые, довольные. Все-таки мы, «совки», неистребимы.

•••

Как лечат в русской Миссии? Так же, как и везде в Союзе. Пришел я на прием к нашему дантисту, осмотрел он мои зубки и говорит до боли знакомое:

— Удалить!

А вообще на Западе зубы удаляют только в экстренных случаях. В самом деле, невыгодно же — удалишь, а что лечить будешь? Нет прибыли — нет бизнеса, а это не по-западному.

•••

Вчера возник конфликт с Лешкой Лазаревым, он тоже наш студент, в Москве он работает преподавателем философии в Университете. Мы с Данькой и Максом его не любим. А конфликт вышел из-за того, что те деньги, которые нам Патрик (ректор) выдал на всех — просто, чтобы мы купили себе все, что угодно, Лешка потратил на еду. Не только свои деньги потратил, но и все наши. Сегодня будем выяснять с ним отношения.

•••

Выясняли не долго. Сходили за бутылкой, выпили и помирились. А закуски Лешка и так накупил выше крыши.

•••

Нашей сокурснице и, по-совместительству шоферу, Валерке сегодня прислали на почтовый адрес штраф. За превышение скорости на машине. Никаких постовых в Швейцарии нет. Все срабатывает автоматически. Фантастика! Обмануть невидимую электронную полицию практически невозможно.

•••

...Нас пригласили на какую-то светскую вечеринку. Выступала молоденькая аспирантка из Сорбонны. Не помню точно, о чем был ее доклад. Но ужин потом состоялся хороший. С выпивкой. Я поддавал. Захотелось, как водится, поговорить. Но с кем? Напротив меня сидел весьма скромный, элегантный мужчина. Я как-то сразу проникся к нему симпатией. Его ненавязчивое достоинство очаровывало. Мы познакомились. Моего vis-a-vis звали Кристиан. Разговорились. Я сказал, что учусь в Университете у Патрика де Новье, но вообще-то приехал в Женеву из Москвы.

— А я — австро-венгерского происхождения, — сказал Кристиан.

— О, так вы почти из нашего социалистического лагеря, можно сказать земляк! — обрадовался я.

— Ну, не совсем, — вежливо ответил Кристиан, — но у Патрика де Новье в Университете я скоро буду читать лекции по международному праву.

— Что ж, тогда скоро увидимся, — сказал я, с грустью отдавая себе отчет в том, что несколько фамильярно разговаривал со своим будущим преподавателем.

Прошло недели две. И вот на одной лекции мы опять встретились. Уже как студент и преподаватель. После лекции наши заинтригованные девицы попросили элегантного Кристиана немножко рассказать о себе. Он и рассказал.

Оказалось, что Кристиан — внук последнего императора Австро-Венгрии. А фамилия у него — Габсбург!

Я, честно говоря, когда это услышал, чуть со стула от удивления не упал. С принцами я ранее не общался.

Судьба у Кристиана, да и у всех других представителей этой монаршей династии непростая.

Долгое время Габсбурги повсюду в Европе были

персонами нон-грата. И только Бельгия дала им приют. Именно в Бельгии Кристиан получил образование, потом работал в США в банках...

Женат Кристиан на представительнице королевской семьи государства Люксембург (если не путаю).

Я спросил:

— Есть ли у Габсбургов родственные отношения с русской царской династией?

— К сожалению, нет. — Ответил Кристиан. — Но это, я думаю, можно исправить.

Он улыбнулся.

Потом мы неоднократно общались с принцем. Он оказался необыкновенно скромным, я бы даже сказал простым человеком. Но при этом, конечно, всегда чувствовалось, что рядом с тобою человек с голубой кровью.

Узнав, что я работаю в России журналистом, Кристиан спросил меня:

— А вы не хотели бы получить журналистское образование в Европе?

— Почему бы и нет! — нагло ответил я.

— Хорошо, — сказал принц, — на нашу следующую встречу я постараюсь принести вам адрес одной журналистской школы в Бельгии.

И внук императора слово сдержал. Именно на следующую встречу он принес листочек с адресом и телефоном и сказал, к кому я должен обратиться.

— Вы сможете отрекомендоваться от принца Люксембургского (так он сказал, если не путаю), это мой родственник. Мы с ним договорились. Вам во всем помогут.

Я, конечно, по глупости и лени никуда не позвонил, никуда не поехал. Но с тех пор знаю хорошо, что люди с голубой кровью (в отличие от нас, простых смертных) слов на ветер не бросают.

А листочек с телефоном и адресом, куда мне сле-

довало обратиться, у меня хранится до сих пор. Берегу — принц писал!

•••

Наш ректор Патрик де Новье — по-совместительству декан в Женевском университете. На его лекциях мы, русские студенты, иногда выступаем, рассказываем о жизни в СССР.

•••

15 октября 1992 года. Выступали с Данькой перед студентами Женевского университета. У них немало иллюзий относительно социалистического строя.

Вопрос:

— Но разве это плохо — все общее, в том числе и собственность?

Мы пожимали плечами. И отвечали:

— Наверное, мы этого просто переели...

Патрик де Новье не унимался:

— Но что же хорошего в западном обществе? Здесь за все надо платить. К зубному пойдешь — отдашь огромное количество денег.

Мы отвечали:

— Да, но у вас хоть вылечат зубы. А у нас искалечат. Хоть и бесплатно.

Хотя заметим, справедливости ради, цены на медицинское обслуживание в Швейцарии просто запредельные. Макс однажды пошел на прием к врачу — почувствовал недомогание — с него только за осмотр содрали сто франков.

•••

Приезжал из Парижа Жюль, наш общий с Максом и Данькой приятель. Поделится интересными

наблюдениями. По его словам, в Женеве все раза в четыре дороже, чем в Париже, а вот аппарата (видики-шмидики) почему-то намного дешевле.

•••

Изумительны горы во французском кантоне. Вообще, горные места.

А фонтан на озере, увы, закрылся. Теперь будет работать только в феврале.

•••

Ездили на семинар в Ренар, это самое сердце Швейцарии, ее германская часть. В это время решался вопрос — быть Швейцарии в единой Европе или не быть. Я разговаривал с некоторыми местными жителями. Говорили по-немецки (который я знаю очень плохо), но все-таки понял, что далеко не все швейцарцы за объединение. И даже — наоборот. Одна женщина мне сказала:

— Это все происки Брюсселя. А мы не хотим, не хотим...

•••

Каждую пятницу по французскому каналу показывают различные игровые фильмы, в том числе и порнографические. Я не ханжа. Не прочь такие фильмы посмотреть. Но как же они однообразны.

•••

Недавно прочитал мудрое высказывание Абрама Терца:

— Если бы стать скопцом, как много можно было бы успеть...

•••

Много интересного происходит в столовой. Все студенты с других отделений говорят в основном по-английски, у них и обучение идет на-английском, мы говорим по-французски и по-русски. А на протестантском отделении учится один болгарин. Я обратился к нему однажды за какой-то безделицей.

Он:

— Не понимаю по-русски, говори только по-английски.

Пришлось говорить по-английски. Мне кажется, что со стороны болгарина это снобизм.

Как-то уж больно быстро он русский подзабыл, который в школе учил десять лет.

Вот если турки опять пойдут на болгар войной, все они быстро русский язык вспомнят. Сразу память лучше станет.

•••

Кардинал Чегерей, один из сподвижников Папы Иоанна Павла Второго, пригласил нас на рождественские каникулы в Рим. Поедем, наверное.

•••

Домой не звонил уже три месяца. Что там происходит — неизвестно. Если неприятности — чем я могу помочь? Если все в порядке — то и слава Богу. Мрачное ощущение — Родину я увижу не скоро, если вообще увижу. За что? Что у меня за судьба такая — все время куда-то ехать...

•••

Сегодня 16 ноября 1992 года. Получили официальные пропуска в русскую Миссию. Мы стали допущены к определенной кормушке. Один из крупных чиновников Миссии, когда нам вручили эти замечательные «корочки», хитровато так улыбнулся и спросил:

— Так на кого вы, ребяташки, учитесь?

— На богословов, theologов.

— Понятно, понятно... Ну, а с Русской Православной Церковью общаетесь? С Церковью Московского Патриархата?

— Конечно, мы — практиканты этого Храма.

— Хорошо. Это н а ш а Церковь.

Печально все-таки: есть Церковь наша, есть не наша.

На пропуске, кстати, написано: Постпредство СССР в Женеве.

•••

Все-таки знание иностранных языков — весьма полезная вещь. Летом в Берне пройдет большая международная конференция по литературе... Патрику нужно пригласить из России сорок человек. Он нам сегодня сказал:

— Найти специалистов очень трудно. Мало кто имеет отношение к литературе и вместе с тем владеет французским языком. А вас я знаю. Я думаю, вы и поедете...

•••

Ходили на Плен Пале. Здесь торгуют подержанными вещами. Всем, чем попало. Это типа нашего Птичьего рынка или блошиного рынка в Париже или фли маркета в Америке.

Мне здесь нравится. Чуть ли не каждую среду я сюда прихожу. А работает Плен Пале именно по средам. Есть здесь не только столы, где продают аудио и видео технику, монеты и значки, журналы и одежду, есть чисто «русские» столы. Тут продают вещи из России. Погоны и шинели, ордена и медали, матрешки и водку... Очень много вещей. Но к нашим я никогда не подхожу. От них так зловеще и угрожающе пахнет Родиной. Почему-то очень страшно.

•••

Замечательная в Женеве Русская Православная Церковь Московского Патриархата. Здесь я чувствую себя воистину как дома. Обстановка очень душевная. Проявляется это во всем. Например, по воскресеньям отец Георгий и его жена Таня всегда после службы устраивают посиделки за чаем. Таня всем уделяет внимание, заботится обо всех. И отец Георгий тоже. Общаясь с такими людьми, невозможно не быть христианином. Когда приеду в Москву, обязательно буду ходить в Церковь. И всегда буду помнить, что приобщение к Вере началось с него, отца Георгия. По большому счету мне все-равно, что пишут о святых отцах некоторые российские журналисты.

Сейчас модно заявлять, что все наши священнослужители, работающие за границей, — сотрудники спецслужб. Я в это не верю. Я знаю, что отец Георгий помог мне обрести Веру. А все остальное — не важно. Пусть говорят и пишут, что хотят.

Кстати говоря, и в моей журналистской деятельности отец Георгий принял самое активное участие. Он познакомил меня с большим количеством различных интересных людей, с которыми я делал интервью.

Спасибо!

•••

Подружился в Селини с обаятельным кубинским священником Даниелем Ортегой. Он вместе с женой живет в Швейцарии уже семь лет. Правда, по-французски говорит неважно, с очень сильным испанским акцентом, но мы понимаем друг друга.

Как-то возвращались вместе с ним из Женевы в Селини (случайно встретились на вокзале). Сели в поезд, разговорились. Я решил поделиться с Даниелем:

— Ты знаешь, мне вдруг стало страшно возвращаться, может быть, там вновь придут к власти военные. И что же тогда? Я никогда больше не уеду за границу?

Даниель меня грустно обнял. И признался:

— Мне тоже иногда страшновато.

Все-таки много у нас, братьев по соцлагерю, общего. В Селини мы сели в машину Даниеля (он ее обычно возле железнодорожной станции оставляет), он стал петь испанские песни. Я, как мог, подпевал. Вообще, мне очень нравятся латиноамериканцы.

•••

*Уехал. И баста. И точка.
И скоро забуду про всех.
Но дочка, прекрасная дочка
Оставлена. Тягостный грех.*

•••

Как же она там, моя Настюшка?

•••

Ходил на прием к врачу. Дело в том, что у меня на члене соскочила огромная ужастенная бородав-

ка. Доктор оказался, естественно, евреем. И — очень добродушным, разговорчивым человеком.

— Я к вам по рекомендации врача из русской Миссии, — начал я. — Он мне рекомендовал вас как лучшего доктора в Же... (Договорить я не успел, доктор меня подправил.)

— ...в мире!

— Да-да, конечно, в мире.

Я начал нервно объяснять, что и где у меня болит.

— Это не страшно! — успокоил доктор.

Затем я разделся, лег на кушеточку. И в течение двенадцати минут моя бородавка была удалена. Доктор улыбнулся, легонько хлопнул меня по члену и сказал:

— Ну вот, как новый теперь.

— Спасибо. Это вещь все-таки необходимая.

Теперь о ценах. Когда я пришел на прием к врачу, тут же заплатил медсестре залог. Сто франков. Это где-то восемьдесят «баксов». Это только за то, что меня приняли. А сам счет пришлют потом на почтовый адрес. Но это уже меня мало волнует, потому что у меня есть медицинская страховка. Если ее нет — лучше в Швейцарии не болеть.

•••

Приезжали в гости Валеркины друзья — тичины, это жители кантона Tession, швейцарцы итальянского происхождения. Приехали, зашли в каминный зал, попили чайку, расчехлили гитары — запели. У всех свои песенники, поют дружно, зычно. Спиртного — ни грамма. Попели — стали играть в какие-то детские, шумные игры. После помолились и уехали. Все. Разговоров было крайне мало. Пока это все происходило, мы тихонько болтали с женевской художницей Федрой. Она спрашивала, какая сейчас ситуация в России? Что

я мог ей ответить? К тому времени я уже плохо ориентировался в том, что происходит на Родине. Об этом я и сказал Федре. Она понимающе улыбнулась и предложила мне записать ее номер телефона.

•••

Ездили в какой-то маленький французский городок, в женский монастырь. Познакомились с восхитительными монашками, которые наперебой стали нам рассказывать, как они молятся за всех нас, за Россию. Патрик решил нам сделать подарки, раздал по восемьдесят франков каждому и сказал, чтобы мы купили себе сувениров на эту сумму в монастырской лавке. Но как только мы вошли в магазин, услышали дикие, непотребные крики на французском языке. На Патрика кричал Ленья. Несколько слов об этом человеке. Он — сотрудник консульства, то есть дипломат. И одноклассник Макса. Прибился к нам, везде с нами ездит. Выглядит он тоже любопытно. Пухленький, рыхленький молодой человек. На работе он занимается тем, что выдает визы, ставит печать. Чиновник самого низшего ранга, все его имеют, как хотят. Видимо, из-за этого Ленья иногда «взрывается», отводит душу на тех, кто от него хоть как-то зависит. А Патрик от него, наверное, все-таки зависит. Хотя на самом деле, конечно, нет — не поставит Ленья печать, поставит кто-то другой, но тем не менее...

В магазине Ленья произнес следующую тираду:

— Господин де Новье, демарш получился исключительно скучным. И я не понимаю, почему все молчат?

Мы чуть в обморок со страху не упали. А Ленья продолжал:

— Как я могу уехать назад, в Женеву?

— Я вас приглашаю в свою машину, — грустно, но вежливо отвечал Патрик.

— Нет, нет, нет! — кричал Ленья.

Тут подошел один французский священник, он тоже с нами участвовал в этом паломничестве, и спросил Ленью:

— Как дела? Какие у тебя проблемы?

Ленья не заставил себя долго ждать:

— Почему вы мне тыкаете? (Священник, надо заметить, имеет право говорить «ты» любому христианину, это нормально. — **Е.С.**) Мы на брудершафт с вами не пили. У нас в России так не принято.

Бедный священник так и не нашелся, что ответить. Мы с Данькой потом подошли к Патрику, извинились за нашего товарища. Патрик сказал:

— Ничего страшного. К тому же я завишу от него, ведь это он дает мне визы...

Вот такой милый Ленья. Без него Женева определенно потеряла бы девяносто процентов своего колорита.

•••

Сидел на лекции по философии. Читал, как всегда, Мюрель. Он — большой оригинал! — постоянно нас переспрашивал: «Вы понимаете? Вы понимаете?» Мы, конечно, как умные, кивали головами. Но сами не понимали, если честно, ни хрена.

•••

На вечерних занятиях с пэром Фростом по Библии почему-то возник странный вопрос: грешна ли мать Божья?

Мне кажется, еще месяцок — и мы окончательно одуреем от науки...

•••

Опять лекция. Данька положил часы на стол. Это значит, он уже устал слушать. И точно. Данька пишет в своей тетради — старый х... затрахал. Показывает мне. Я согласен. Улыбаюсь.

•••

Каждый день у нас в замке какие-то гости. Сегодня приезжали студенты Женевского университета, интересующиеся Россией. Не так давно они посетили Москву, жили в Институте Молодежи. Больше всего им понравился именно этот Институт; бассейн, корты, столовая, общежитие. Я объяснил глупеньким женецам, что этот Институт совсем не простой — это бывшая Высшая Комсомольская Школа при ЦК ВЛКСМ.

Каюсь, я эту Школу в свое время окончил. А в Институте Молодежи аж три года преподавал.

Ребята моей тираде весьма удивились. Потом все почему-то начали хаять «некультурную» Америку. Я возражал. И как раз в этот момент мне позвонила Лера из Нью-Йорка. Говорили минут десять. Она сказала, что ждет меня. Я очень обрадовался и пообещал приехать.

•••

Все поехали во Фрибург — я отказался. Слишком много красоты. Я, каюсь, ее уже не вполне воспринимаю.

•••

Зубрил English. Каждый Божий день. Болтал по-английски с гречанкой Анной, Данькой, Валеркой. Понемногу начало получаться.

•••

Читал конспекты по философии. Забавно — Мюрель говорит всегда одно и то же. Только разными словами.

•••

Ходил на свою любимую Плен Пале. Все-таки это дивное место. Видел печатные машинки по тридцать франков. Можно было бы и купить, кабы не ехать в Штаты.

•••

В городе начались приготовления к Новому году. Все светится, горит, везде объявления о скидках, распродажах. Девчонки сообщили, что видели женские курточки по сто франков. Обычно они стоят четыреста двадцать.

Девицы начали делать покупки. Женька купила пальто за сто франков, Настя — за пятьдесят. Хорошие вещи. Но мне они совершенно не нужны. А подарок Лере — ручку с золотым пером — я уже купил.

•••

За те несколько месяцев, что я живу в Швейцарии, я кое-что успел сделать. Подучил языки — французский и английский. Приобщился хоть немного к Церкви. Сделал кое-какие интервью. Подлечил зубы, удалил бородавку. Приобрел новых товарищей. Не приобрел врагов. Поел от души. Сэкономил деньги. Стал лучше играть на гитаре. Объездил всю Швейцарию. Приобрел много новых знаний по богословию и философии. Побывал во Франции.

•••

Скоро надо было ехать в Америку, к Лере. Я сэкономил деньги. Опять шел пешком из Селини в Женеву на занятия. Это как никак — двадцать километров. Прошел без особого труда, но, как всегда, натер ногу. Заработал при этом пять франков. Купил карт-оранж на месяц. Это очень выгодная штука. И очень нужная. С ней даже в аэропорт можно добраться.

Думал о Лере, о своей жизни. Писал стихи.

•••

*деревья снимают цветные кафтаны
бакланы кричат точно чувят беду
и падают падают наземь каштаны
а я постараюсь — и не упаду*

*я как подобает матерому зверю
все вытерплю — горечь в себе истребя
смотрю на женевское озеро — верю
что вскорости буду смотреть на тебя*

•••

На рю де Берн зашел в порно-магазин. Ничего нового в своей греховности человек изобрести не может. Рядом с порно-магазином стояла немислимо-красивая девушка. Неужели она — проститутка?

•••

На улицах — праздничные гулянья. Люди бегут коллективные кроссы, звучит громкая попсовая музыка, на Плен Пале вообще какой-то карнавал.

•••

Макс купил роскошнейшую БМВ. Заплатил сто (именно сто!) франков. Плюс шестьдесят франков стоит страховка. В общем, удивительно недорого. Машина отличная. Танк! Размером — намного больше нашей «Волги». Данька тоже хочет купить БМВ.

Молодцы ребята!

•••

Опять ходил к доктору Симону. Он мне назначил профилактический прием в пять вечера, но принял только в шесть.

Я ждал, нервничал. Наконец, меня пригласили. Доктор начал говорить почему-то по-английски.

— Ужасный день...

— Почему?..

— Слишком много посетителей.

— Но это неплохо. Ничего ужасного в этом нет.

— Да, спасибо, дела идут неплохо.

Потом успокоил меня. Заверил, что рака у меня нет. А бородавки на члене, мол, дело житейское. Был очень любезен. Хохотал, шутил (уже почему-то по-французски). Проводил меня аж до самых дверей. Помог мне надеть мою выдавшую виды, бедненькую курточку.

•••

Будущие пастыри (студенты протестантского отделения) сегодня в Petit Boset всю ночь гуляли. Танцы, питье и т.д. Бразилец хотел трахнуть голландку. Та визжала, как резаная. Не давала, но и с вечеринки не уходила. Угомонились только под утро. Я так и не спал всю ночь.

•••

Проспал завтрак. Обидно.

•••

Странно: здесь совсем немного людей, которые мне симпатичны. Но одного друга я приобрел точно. Я имею в виду Даньку Пошабо.

•••

Заказал билет в Нью-Йорк.

•••

Приезжал бывший сокурсник Шарль (он ушел из нашего Университета после первого семестра). Напились. Шарль сказал, что мой билет в Нью-Йорк стоит до смешного недорого. Убедил меня в этом.

•••

Из Парижа звонил Жан-Жак. Болтали полчаса. Он обещал приехать на выходные.

•••

Я начал окончательно терять ориентир, где я и что я? Домой я не звонил и не писал ни разу. Связи — никакой. Мне звонят из Нью-Йорка, Парижа... Из Москвы — нет.

Впрочем, никто и не знает моего телефона. Вот так я и стал безродным космополитом.

•••

Опять шел пешком из Селини в Женеву — зарабатывал пять франков. Вокруг — красота. Растут

розы, дикие сливы, шиповник. Еще не полностью убрана свекла, кукуруза. Никто не обрывает, не ворует. Фантастическая, конечно, страна.

•••

Патрик вчера собрал в ресторанчике, как сейчас говорят, тусовку. Были священники, ученые и мы, студенты.

Патрик сказал какие-то дежурные слова, потом вздохнул и почему-то высказал такое мнение:

— Жалко, что вы, мои русские друзья, не подружались с другими студентами.

Данька возразил:

— Почему же?! Мы подружились. Даже со студентами из Парижа.

И тут я почему-то вставил свою очередную неумную реплику:

— Наверное, скорее, со студент*ками*...

Длительная пауза. Патрик-то — монах в миру (в католицизме это возможно).

Мне стало не по себе.

Но выручил молодой человек из Парижа, Игорь Чекомаров, сын ректора Сорбонны-8.

Он как-то все превратил в шутку.

Инцидент замяли.

•••

Ходил в аптеку. Мне изготовили по рецепту лекарства против грибков на пальцах. Небольшенькую такую бутылочку. Отдал сорок девять пятнадцать.

•••

Данька тоже пригнал БМВ.

•••

Макс трахнул гречанку Анну. Как обидно. Она так мне улыбалась, так ласково называла «Эугениус...» А Макс трахнул. И где же справедливость?

•••

Данька продал Валерке две пары командирских часов. По сто франков за каждые.

В Валерке вдруг проснулась предпринимательская жилка. Она хочет открыть свой бизнес по торговле с Россией — часами, машинами. Думает и о туристической фирме.

Мы готовы с ней работать.

•••

Завтра едем во французский Тенен, а затем в Италию.

•••

Тоска по Родине. Давненько, сказать по правде, такого со мной не было. Вроде, все здорово. И сыт, и пьян, и нос в табаке. Но, Боже мой, как же хочется домой!

Никакими словами не передать это состояние.

•••

Читал «Контингент» (кстати сказать, Настюшка Градова — дочь главного редактора этого журнала).

•••

Хорошо, что Данька купил машину. С ним-то я и отправлю ненужные вещи в Москву. А сам приеду домой месяца через три.

•••

Валерка здорово изменилась за те месяцы, что провела вместе с нами. Стала краситься, пользоваться духами, даже улыбаться начала. Раньше была совершенно мрачной — настолько замучилась со своим женихом Марио, который, как выясняется, ее не любит.

А мы ее любим. И поддерживаем, говорим комплименты. Она этим очень удивлена. Она не ожидала. Говорит:

— Русские мужчины — это сама любезность, сама галантность.

Тайна, загадка. Неужели это относится и ко мне?

•••

Писал шпаргалки, готовился к экзаменам. Читал толстенную книгу Патрика «Pour une civilisation de L'ame». Книга, кстати, весьма интересная. По ней, как выясняется, Патрик и читал нам свои лекции.

•••

Общался с Игорем Александровичем Градовым.

•••

Мы задумали поехать в Италию, пришли в итальянское консульство в Женеве. Там чиновники начали выпендриваться. Сказали, что виза будет готова через полтора месяца. Мы тогда поехали без всяких виз. И — ничего. Границы на Западе все пересекают, как хотят.

•••

12-15 декабря были в Италии, в Римини.

•••

Ехали в Италию на автобусе через всю Швейцарию. Вокруг — ухоженные дома, все чинно и пристойно. И вдруг — какие-то лачуги подпирают друг друга, трущобы, свалки. Что такое? А это уже в Италию въехали. Впрочем, Италия мне тоже нравится. Итальянцы чрезвычайно похожи на грузинов. И те, и другие гоняют на машинах, как бешеные. Единственный регулятор уличного движения — клаксон. Сигналят — как иерихонские трубы. Страна весьма отсталая, бедная. Но веселая. Лира падает, народ смеется. Макароны хорошие. Бене, бене, мульти бене.

•••

В столовой сидели вместе с Марком, знакомым Валерки, поляком, живущим в итальянской Швейцарии много лет. Разговорились с официанткой.

Марк:

— Ты знаешь, а мы-то русские.

Она засмеялась.

— Не врите! Если вы русские, тогда я — шведка!

•••

Впервые в мире увидел у к а з а т е л ь — «В секс-шоп».

•••

В Римини проходила конференция молодых католиков. И хотя я православный, участие в конференции принял. Просто как слушатель. Когда подошел к регистрационному столу, у меня спросили:

— Из какой страны прибыл?

Я машинально ответил:

— Из Швейцарии.

•••

Адриатика зимой. На пляже никого. Но так оно и лучше.

•••

На конференции молодых католиков встретил двух русских (где их только нет!). Один учится в Университете, уже девять месяцев в Италии. Говорит блестяще. (Валерка утверждает, что без акцента.) А поступил на учебу с бухты-барухты, языка толком не знал. Парень весьма энергичный. Рассказывает:

— С учебной проблем никаких, но вот зарабатывать необходимо. Приходится непросто. Например, летом я три месяца работал продавцом. Измучился.

Другой парень приехал в Римини полтора месяца назад, не учится, не работает. Ждет работу. Якобы к маю она должна появиться. На что сейчас живет — не сказал. Но потом обмолвился, что у него здесь богатая невеста.

•••

В Италии спал в одном номере с Лешкой Лазаревым. Он, откровенно говоря, не приятель мне. Но и к нему я отношусь с симпатией. Любить надо всех.

Непростые отношения и с Женькой. Но вот сегодня приобнял ее, сказал что-то хорошее, она была рада. Несомненно, и Женька — человек! Хотя самовлюбленна, кокетлива, все это есть. Она, например, обожает сказать детским невинным голосочком такие фразы:

— А где мой самый большой кусочек?

Или:

— А меня сфотографировал? (Когда я фотографирую, например, Настю.)

К месту и не к месту употребляет французское tout ça. Но все это, конечно, ерунда.

•••

В Белинцоне разговорились со зрителем Храма. Он, узнав, что мы русские, стал выдавать на-гора этнографические теории. Вот одна из них:

— Вы, русские, как и все другие славяне, прямые потомки, а, следовательно, и ближайшие родственники немцев.

Я не возражал. Я имею свою этнографическую теорию. Мне кажется, что итальянцы и грузины — это не просто родственники, это близнецы-братья, как Ленин и партия. Гостеприимные, говорливые. А зритель Храма тем временем не унимался. Говорил, говорил. Потом подарил нам какие-то старые огромные гвозди, по его уверениям, двухвековой давности. Мы от него потихонечку — бочком, бочком. Он — за нами. Принес еще какие-то карты, начал объяснять, как мигрировали народы... Потом признался, что готов сделать для людей все, лишь бы его с л у ш а л и. Чудный старик.

•••

Архиепископ Луганского кантона Отец Евгений принял нас у себя очень радушно. Долго рассказывал о себе, спрашивал о нас. Вручил каждому по сто тысяч итальянских лир, это, ни много ни мало — сто двадцать швейцарских франков. Подарил различные сувениры, религиозные книги. Вообще, в итальянской Швейцарии все что-то хотят вам подарить. Ибо итальянская Швейцария — это уже Италия, точнее говоря — Грузия.

•••

Во время встречи с Архиепископом произошла любопытная история. Он попросил нас рассказать о себе. Ребята наши и начали. Образование все получили очень солидное — Институт стран Азии и Африки, филфак и философский факультеты МГУ.

Когда речь дошла до меня, мне стало немного не по себе. Ну что сказать патриарху? Что я закончил, в частности, отделение журналистики ВКШ при ЦК ВЛКСМ? Могут не понять. Но врать все-таки не стал. Сказал правду. И замер в ожидании реакции Его Святейшества. Архиепископ отреагировал очень для меня неожиданно:

— А вы знаете, я тоже к вере пришел не сразу, воспитывался в атеистической среде. Но мать мне всегда говорила: «Бог есть!»

•••

Назад ехал в автобусе вместе с Джефом, американцем, обучающемся в Италии. Играли в шахматы. Говорили по-английски.

•••

Мы, русские студенты, выступали в Женевском университете на вечере «L'esperance de la Russie». Все говорили довольно долго. Я тоже болтал минут двадцать. Настюшка Градова, студентка филфака МГУ, удивилась:

— Ты шпарил по-французски так же, как по-русски. Мне стало приятно. Значит, прогресс есть.

Но сказать по правде, перед выступлением я принял немного вина. Может быть, поэтому и говорил лучше. Публика слушала очень внимательно. А мы — в микрофон, в микрофон.

•••

Сделал интервью с И.А. Градовым. И поймал себя на мысли, что, прежде всего, он не критик «Нового мира» эпохи А.Т. Твардовского, не главный редактор «Контингента», но отец замечательной дочери.

•••

Валерка сегодня меня подстригла. Все заметили, что я помолодел.

•••

Тоска по дому страшная. Прежде всего, по жене (бывшей, не бывшей?) и дочке. По машинке печатной. По родителям. По Кускову. По центру Москвы. По работе. По русскому языку. По комфорту (!). По свободе.

Скажу даже больше — я стал считать дни — сколько осталось до возвращения. Это я-то, человек, который всю жизнь так страстно мечтал о Западе. Считаю дни, правда. И пишу эти заметки, находясь в полном здравии и рассудке. Пишу на лекции по международной политике, я, преуспевающий студент из Женевы. Я думаю, осталось мне страдать месяца четыре. Да, страдать. Это несмотря на то, что в Нью-Йорке меня ждет прекрасная женщина. Несмотря на то, что в Женеве я никогда не голодал, да и вообще условия жизни здесь гораздо лучше, чем в Москве.

Вот такие мучительные приступы ностальгии. Слава Богу, они хотя бы не ежедневные.

•••

Сидел в своей комнатке и печально думал: неужели настанет такой момент, когда я вернусь, об-

нему жену и дочку, на работе в буфете возьму чашечку кофе (чая) с нашими конфетками, потом дома посмотрю советские фильмушки. Фильмов наших, кстати говоря, здесь не хватает катастрофически. «Джентльмены удачи», «Гараж», «Ирония судьбы», «Белое солнце пустыни», «Осенний марафон» — это шедевры, настоящие шедевры. Для русского человека. А все местные фильмы такие не наши, такие незамысловатые. Одним словом, как сказал бы русский женевец Лев Евграфович Филаметов, дерьмо.

•••

Как ни странно, Родина — это для меня, прежде всего, моя бывшая жена Наташа. Раньше я любил ее очень страстно, потом сильно ненавидел. А сейчас только люблю. Нежно, одухотворенно, спокойно. И — сознательно. Не как восемнадцатилетний мальчик. Я уже не разделяю Наташу с дочкой. И я вернусь к ним. Вот только вернуться ли они ко мне? Это весьма большой вопрос. Я как-то еще до конца не отдаю себе отчета в том, что Наташа теперь замужем за другим.

•••

Напечатал сегодня доверенность для родителей (пусть получают деньги за мой авиабилет до Москвы. Я-то улетаю в Нью-Йорк). Печатал на машинке Игоря Александровича Градова. У него есть машинка с русским шрифтом. Пальцы почувствовали кириллицу. Блаженство.

•••

Валерка ходила вся поникшая, грустная. Не ладилось у нее с ее Марио. Бедная девчонка.

•••

На одной из богословских лекций услышал:

— Мы как христиане знаем — откуда мы. И куда — мы. Мы знаем, что мы бессмертны. У каждого из нас — своя миссия.

Неужели это в самом деле так? Неужели у всех в самом деле есть своя программа? И у меня? Но в чем она? В том, чтобы писать стихи, рассказы, делать интервью, вести светскую хронику? Нужно ли это еще кому-то кроме меня? Не уверен. Но знаю точно, что не писать я не могу. Мой графоманский мозг так устроен. Когда пишу — лучше соображаю.

•••

Вчера опять было вечернее занятие у пэра Фроста. Проходило, как всегда, чрезвычайно поздно, да и после довольно утомительного дня. Я сидел на семинаре, честно говоря, дремля. И вдруг меня как током прошибло. Я услышал такую фразу: «Merde Dieu...» Мне стало не по себе. «Д. — Бог». Это говорила Мартина, немка.

Я понял, что наши окончательно заучились. Но потом до меня дошло — «Mere de Dieu» (Мать Бога). Я успокоился. И прости, Господи, что я вспомнил эту историю, просто пишу все, что было. Каюсь. А Мартина, участница наших семинаров, говорит, конечно, с весьма разительным акцентом. Что делать? Она — немка, к тому же учится сейчас не в Женеве (франкоязычной), а во Фрибурге (немецкоязычном).

•••

Вчера сдавали экзамены. Кое-что списал, кое-что написал сам. «Шпоры», конечно, помогли. Я их готовил три недели. Не зря. Пока готовился к ответу — все выучил.

•••

Валерка купила сегодня огромную шоколадку за три сорок. Угостила нас всех. «Разврат страшный...», как однажды охарактеризовал швейцарский шоколад парижский журналист Саша Пуришкевич.

•••

Леня, сотрудник Консульства, сообщил «радостную» новость, что за доверенность (любую) надо заплатить двенадцать пятьдесят. Эта сумма, увы, превышает стоимость билета. Так что мне можно и без доверенности обойтись.

•••

Вчера взял у Валерки гитару. Запел славную грустную песенку — «Я менял города, я менял имена ...Зачеркнуть бы всю жизнь, да сначала начать. Да не знаю — узнает ли Родина-Мать одного из пропащих своих сыновей».

Eugene, Evgenie, Eugenius... Как же меня будут называть завтра? Видимо, Юджином или Джинном... Лера меня называет Джинном.

•••

Валерка опять меня постригла.

•••

Получил билет в Штаты. Спросил еврея-продавца: — Теоретически могу ли я в крайнем случае вернуть билет? Да, я лечу, нет вопросов, но все же...

Еврей даже обиделся:

— Билет обычно стоит две тысячи. Я достал вам

самый дешевый тариф, даже более дешевый, чем молодежный.

Я не стал этому доброму продавцу рассказывать свою ситуацию. Ну, как ему объяснить, что я толком до сих пор не знаю, ждут ли меня в Штатах или нет?

Кстати говоря, в Москве билеты дешевле. За ту же сумму, за которую я купил билет до Нью-Йорка (в одну сторону), в России можно приобрести билет туда-обратно. Я в Москве узнавал. А вот, например, в Женевском отделении Аэрофлота самый дешевый билет до Москвы стоит сто семьдесят долларов. Двести пятьдесят — бизнес-класс. Полный тариф — тысяча семьсот. Это многовато.

•••

На Родине человека по фамилии Ч е р н о м ы р д и н избрали главой правительства. Филологического образования явно не хватает нашим президенту и парламенту.

•••

Маша в который раз говорит мне следующую фразу: — От тебя-то Патрик этого не ожидал. Это все относительно студенток.

•••

На лекции выступил один из главных спонсоров нашего Университета. Забыл, как его зовут. Он — немец, производитель одежды. Магнат. Говорил по-французски очень здорово. Мы его спросили: «Где вы учились?»

Ответил: «Все время учился и учусь только у жизни. Университетов не заканчивал».

•••

Всем выдали дипломы. В отдельной папочке. Аккуратно отпечатанные.

•••

Сегодня был праздничный ужин. Давно я так не ел. Картошечка, курочка, сосиски, соки, пирожные. Мороженое!

•••

Еще несколько слов о нашем немецком спонсоре. Он потерял отца, когда ему было два месяца. Вырастал в непростых материальных условиях. Сейчас богат сказочно. У него в фирме работает более тысячи человек. Живет в разных странах, говорит на многих языках. Перед нами выступал по бумажке. Это здорово! Значит, готовился. К любому делу относится ответственно. Он содержал нас несколько месяцев. Ни разу об этом не вспомнил.

•••

Валерка сказала, что я говорю по-английски с французским акцентом. Обидела. А сама, между прочим, говорит с итальянским акцентом.

•••

Постирал в стиральной машине свою задрипанную, грязненькую курточку. Стала как новая. Анна, гречанка, подшила ее. Потом долго с ней разговаривали. В Греции, оказывается, тоже масса этнических проблем. Ситуация беспокойная. Я очень люблю Анну. Тихо и нежно. Спит она, конечно, с другим. Но это неважно. Я знаю точно, что и ко мне она относится хорошо.

•••

В подвале замка нашел французский словарик. Пригодится.

•••

Опять вспоминал выступления спонсоров. Другой магнат тоже здорово говорил.

— Россия — ваш дом. Почувствуйте себя хозяевами. И ничего не бойтесь. Делайте то, что считаете нужным. И то, что угодно Богу. Я вам дал немного денег. Вы учились. Но я не могу научить вас искусству жить. Могу дать совет — не бойтесь. Жизнь дарует вам то, на что у вас хватает храбрости.

Этот меценат — с юга, родился недалеко от Марсея.

Энергия у него мощнейшая. А ведь ему шестьдесят пять. Каким же он был в юности и молодости?! Встреча с этими двумя меценатами меня потрясла. Я осознал — надо действовать. И как можно решительнее.

•••

И еще одна ремарка о меценате-французе. Он сказал:

— Евреи дают деньги только евреям. Католики дают всем.

Я бы поправил:

— Христиане дают всем.

ПРОЩАНИЕ С PETIE BOSET

Прощай, наш маленький уютненький домик. Здесь я провел как-никак несколько месяцев. Прощай, прекрасная итальянка Валерка, такая глазастая, такая лохматая, такая русская... Зачем же ты так долго притворялась строгой и суровой, когда ты сама душевность и сама духовность?!

Прощай, драгоценная гречанка Анна, прости меня за все, особенно за мой нескладный английский. Но все-таки ты меня понимала. Прощай, Данька, мой прекрасный айсор, человек, знающий буквально ВСЕ на свете. Прощай, русская татарка Настюшка, драгоценная девочка. Ты тоже навсегда осталась в моем сердце. Скоро вы все возвратитесь в Москву, у вас начнется новая жизнь. Я не возвращаюсь домой. Я опять еду в неизвестность. На сей раз она имеет название — город Нью-Йорк. Я не знаю, что меня там ждет. Счастье? Смерть? Говорю сейчас и о душе, и о теле.

•••

Данька с Максом уехали на машинах в Москву, Настя улетела в Париж. Все остальные поехали на Рождество в Лозанну. Отец Филипп Бо, университетский священник, принял нас как родных. Пробыли в Лозанне несколько дней. Потом на поезде поехали в Женевский аэропорт. Ребята улетели в Москву. А я остался. Сутки ждал своего рейса в Нью-Йорк. И дождался. Таможенница расспрашивала меня минут сорок, кто я, что я? Говорили то по-английски, то по-французски. Вылет мне разрешили. Первая остановка была в Лондоне. А потом я приземлился в Нью-Йорке.

ГЛАВА IV

НЬЮ-ЙОРК

В аэропорту меня встретила Лера. Белокурая, голубоглазая, длинноногая...

Мы сели в автобус и поехали к ней домой.

Я гладил ее по руке и не верил, что я уже рядом с ней и на другом континенте.

•••

Нью-Йорк в очередной раз поражал меня буйством красок — желтый цвет перемешивался с красным, зеленый с голубым...

Я понимал: Нью-Йорк — это город-колор, город-акселерат, город-Гулливер, город-запах.

Когда мы вышли из автобуса в Манхэттене, мегаполис ворвался в мои ноздри запахом разнообразных терпких яств. Сразу же захотелось есть. Но есть мы стали не сразу.

•••

В маленькой, но замечательно уютной лериной студии мы почему-то сразу легли на полу...

•••

Лера занимала в банке не последнюю должность, в ее подчинении было двадцать человек. Она анализировала ситуацию на финансовом рынке, искала небольшие, но перспективные банки с целью их поглощения.

Она уходила на работу в 7 утра, а приходила в 7 вечера. Иногда она забегала домой на ланч, снимала с меня одежду и, весело улыбаясь, говорила:

— Quickly, quickly!

Мы занимались быстрым сексом, потом я кормил ее пожаренной мной картошкой с ветчиной, заказанным чау-фаном, нарезанными ананасами и поил чаем с русскими конфетами, которые покупал на Брайтоне.

Вечерами мы гуляли по городу (часто заходили в Центральный парк), сидели в ресторанчиках или в Нью-Йоркской публичной библиотеке...

И, конечно.....

.....

.....

.....

В интимной жизни Лера была неутомима и неожиданна. То, что она делала, было для меня внове.

Она — божественная и совершенная — говорила:

— Используй меня, как вещь. Ты почему-то робеешь.

Запомни: женщина — это всего лишь инструмент для получения удовольствия.

•••

Мне было многое непонятно. Я считал, что мы с Лерой тратим уйму времени вхолостую...

У меня еще много лет назад сложилось убеждение, что семья — это не только чувственная любовь, это, прежде всего, производственные отношения. Секс — производство детей.

Впрочем, Лере об этом я не говорил.

•••

Сказать, что жить с Лерой, американкой до моз-

га костей, было непросто — значит, ничего не сказать. Это было очень непросто. Собственно говоря, даже вступить с ней в отношения мне удалось по воле слепой и неразборчивой фортуны. Во-первых, в Штатах за женщинами принято ухаживать. Случайные связи практически исключены. Прежде чем начать совместное проживание, парень оказывает знаки внимания девушке не менее полугода. Приглашает в рестораны, дарит подарочки и т.д. Только спустя несколько месяцев предлагает своей избраннице стать его герл-френд. Если девушка соглашается, молодые люди приносят друг другу справки о состоянии здоровья, в частности, о том, нет ли у них СПИДа.

Только после этого начинается совместное проживание. Говорю сейчас, конечно, о коренных американцах, а не о родной брайтонской публике.

•••

Наш случай с Лерой был исключением из правил. И, может быть, поэтому она комплексовала, иногда закатывала мне истерики... Мы ссорились из-за пустяков... Но мудрая постель нас примиряла.

•••

Смотрел телек и удивлялся. Я ни разу не видел по американскому ТВ обнаженной женщины. Ни одной. Правда, иногда мы заказывали с Лерой по кабельному нью-йоркскому ТВ шестьдесят второй канал и смотрели эротические фильмы.

•••

Днем я спал, ходил по магазинам. В супермаркетах покупал самые разнообразные продукты — все хотелось попробовать. Как-то раз купил дешевень-

ких мармеладок — тут же их выбросил. Сплошная химия. В Америке, как нигде, срabатывает русская поговорка: дорого да мило, дешево да гнило.

•••

В уикенд ходили в Сохо. Вечер, небоскребы, рекламные огни города, легкий туман, за окном дождь, мы сидели с Лерой в китайском ресторанчике и разговаривали о смысле жизни. Боже мой, что еще (кроме здоровья и денег) нужно для счастья?

•••

В ресторане мне многое было в диковинку. Официант принес меню буквально через секунду. Лера обстоятельно его изучила. Официант стоял в сторонке и ждал, пока мы что-то выберем. Заказали салаты, мясо с семечками, чау-фан, какие-то еще немыслимые блюда, вина не брали — зачем пить, когда вполне можно опьянеть без алкоголя. Через минуту (не позднее!) стол был накрыт. Еды столько, сколько я не ел, наверное, за всю свою предыдущую жизнь. Ели, разговаривали. А еды все не уменьшалось. Что делать? Желудок был полон. Но и оставлять пищу не хотелось. Зачем добро выбрасывать? Я начал ерзать на стуле. Лера каким-то шестым чувством поняла в чем причина моего советского беспокойства и сказала: «Нет проблем!» Подозвала официанта и попросила его завернуть оставшиеся продукты с собой. И он, послушный, как бандерлог, все это сделал. Завернул продукты в маленькие изящные бумажные коробочки, положил их в фирменные целлофановые пакетики. Отдал нам. Чудеса! И пицца эта, надо сказать, нам потом очень пригодилась.

•••

Утром гулял по городу. Прихватило по малой нужде. Туалетов нет. Все красоты Нью-Йорка мне тут же разонравились. Обежал полгорода. Нет туалетов. И кустиков никаких нет. Совершенно не зная, что делать — не писать же, в конце концов, на 42-ой стрит, рискнул зайти в какую-то роскошную гостиницу. Поговорил со швейцаром. Он сказал, что сделает для меня исключение. Вот это был кайф...

•••

Мое любимое место в Нью-Йорке — Центральный парк. Полюбил его сразу, как только там оказался. А сколько о нем в годы застоя было написано разных гадостей. Мол, и убивают там каждую секунду, и развратничают... Злачное место, да и только. Парк же на самом деле совершенно волшебный. Вокруг манхэттенские каменные джунгли — бетон, стекло, ни клочка почвы — а тут и земля, и озерцо, и лошади, и даже лошадиный навоз, прямо, как у нас в Кубиково. Все такое живое, родное.

•••

Однажды мы с Лерой сильно поссорились, и я ушел на улицу. Я был один на всем белом свете и не знал что делать. Сидел на полу на вокзале (рядом со мной играли кантри-песни бродячие музыканты), потом стал шляться по злачным местам 42-ой улицы, где находятся многочисленные порно-шопы.

•••

По-моему, люди в разных городах мира похожи на свои порно-шопы. Например, в Женеве подоб-

ные заведения, как местные жители, несколько флегматичны, холодноваты. Журналы (они на витринах) завернуты в полиэтилен, так просто не поглазеешь — сначала нужно купить. На прилавках — только обложки от порнофильмов, сами кассеты у продавца — это чтобы воровства поменьше было, зал для гомосексуальных видеолент скромненько находится в самом углу магазина.

В Париже (особливо на Пляс Пигаль или на Сен-Дени) порно-шопы весьма раскованные, изысканные, там можно купить такие приспособления для секса, которые описать даже не рискну.

Нью-Йоркские порно-магазины самые демократичные. Держат их в основном индусы. Магазинов много. Все эти лавки — светящиеся яркими неоновыми огнями — прилегают друг к другу. Продают в этих магазинах всякую эротическо-порнографическую периодику, литературу — от скромненьких (в плане полиграфии) газетенки и книжонок до толстенных журналов и каталогов.

Журналы продаются как новые, так и подержанные. Подержанные (цветные, довольно объемные) можно купить даже за два бакса. Новые стоят дороже. Пять, десять, пятнадцать долларов. В целлофан они не завернуты — смотри, выбирай по своему вкусу.

В любом порно-шопе изобилие фильмов. На любой лад. Для гетеросексуалов, гомосексуалистов, толстых и тонких, молодых и старых, для тех, кто любит сцены насилия, зоофилию... Цены кассет колеблются от пятерки до сотни. В зависимости от того, сколько времени идет фильм, от качества пленки и т.д. Гомосексуальные фильмы стоят гораздо дороже, чем «простые». Примерно — двадцать четыре, двадцать пять долларов и выше. Гетеросексуальные можно купить совсем за бесценок. За двенадцать долларов, например, дают три штуки. В любом нью-йоркском секс-шопе огромный выбор мужских и женских искусственных (каучуковых,

пластмассовых...) гениталий. Любопытно: чем меньше мужской член, тем он дороже. Огромные же можно купить относительно дешево. За четыре-пять-шесть долларов. Есть и более дорогие. Цена секс-кукол значительно выше. Пятнадцать-пятьдесят-сто десять...

Практически в каждом секс-шопе есть смотровые кабинки, где за двадцать пять центов можно посмотреть минутный фильм. Понравилось — бросай еще двадцать пять центов, фильм продлится.

В основном в магазинах толпились одинокие мужчины, но я видел немало и семейных (в том числе, пожилых) пар. Было интересно наблюдать, как они обстоятельно, с толком выбирали тот или иной фильм, советовались друг с другом и с продавцом.

•••

Я вышел из порно-лавки и, мрачный, пошел на вокзал. Навстречу мне шла Лера.

Она сказала:

— Пошли домой.

•••

На улице мы целовались, разговаривали на самые разные темы.

Она предложила:

— Давай поклянемся, что никогда не бросим друг друга. И создадим масонскую ложу. Для двоих. А кто предаст — тому смерть.

Я согласился.

Мы поцеловали друг друга в губы. До крови.

•••

заказали по телефону чау-фан, ананасы и бутылку смирновской водки.

Выпили. Я стал читать Лере свои стихи, которые сложились в моей голове за двадцать минут, пока мы шли домой.

•••

*я гляжу на тебя ангелок
не дыша
гениальны твой лоб и лобок
и душа
что нас ждет впереди — догадайся поди
что нас ждет впереди
только не уходи только не уходи
только не уходи*

Она обняла меня, заплакала и сказала:
— Это ты не уходи. Я без тебя не смогу.

•••

Иногда к Лере приезжал из Филадельфии ее муж (бывший, не бывший?) Семен.

Лера не хотела меня ему показывать и отправляла либо на Брайтон, к моему приятелю Кузьменкову, либо к нашему общему другу переводчику Мише Синявину.

Через два-три дня я возвращался.
Лишних вопросов Лере не задавал.

•••

Дома у Миши Синявина болтали на разные темы.
Миша почему-то начал рассуждать о супружеской неверности...

— Адюльтер в Америке — это ЧП, небывалая

редкость. Даже если муж проводит отпуск один, без жены, это может вызвать толки на работе, а, следовательно, отразиться на его карьере. А уж если мужчина изменил жене, это может привести к разводу, серьезным неприятностям по службе. Знаю множество тому примеров.

Я никак это не мог прокомментировать.

•••

Жизнь продолжалась. Я отнес несколько статей в газету «Новая Россия». Их напечатали. Я стал автором этого издания. За статью мне платили пятьдесят долларов.

Иногда я выступал на квартирах своих знакомых, где читал стихи и рассказывал разные байки из жизни советских (российских) «звезд» эстрады. За вечер я зарабатывал 100-150 долларов.

Все деньги отдавал Лере.

•••

В Москву, на работу, я написал письмо на имя главного редактора. В очередной раз попросил меня не увольнять и дать творческий отпуск. Добрый Малышкин почему-то не возражал.

•••

Мы прожили вместе с Лерой в Нью-Йорке полгода.

Мои обязанности были простые — любить Леру, писать статьи, жарить картошку... По магазинам мы ходили по очереди. Я любил ходить в Чайна-таун, где на доллар тогда, в начале девяностых, давали по пять апельсинов, где на пятнадцать «баксов» можно было роскошно пообедать вдвоем, где редкий прохожий мог ответить что-либо по-английски.

•••

Однажды, возвращаясь домой из Чайна-таун, я увидел знакомое лицо...

— Я не могу в это поверить! — закричал Игорь по-английски. — Женя, неужели это ты?

Мы обнялись. Это был мой кубиковский приятель Игорь Чубатов, наверное, единственный иудей города.

Как выяснилось, Игорь жил в Штатах уже пять лет, работал в ХИАСе. Он был с девушкой, американкой еврейского разлива.

Он пригласил меня к себе на работу, в гости. Я пришел. Чубатов в ХИАСе работал мелким клерком, фотографировал вновь прибывших семитов из разных стран мира, составлял на них картотеку. Он казался очень довольным жизнью.

— Денежек я за это время скопил довольно много! — признался он мне. — Выбор в свое время сделал правильный. Нью-Йорк — мой город!

— А откуда прибывают к вам, в ХИАС, евреи? — любопытствовал я.

— Да отовсюду! — улыбнулся Игорь. — Есть даже из Африки. Представляешь, черные евреи.

— Это как?

— Дело в том, что они — иудаисты, религия у них наша. Следовательно, и считаются евреями.

— А знаешь, — продолжил Игорь, — какие фамилии у нас, евреев, самые распространенные?

— Какие?

— Рабинович и Иванов! Полно евреев носит русские фамилии.

Так что в случае чего и тебя по старой дружбе поддержим!

Я поблагодарил за доверие, но от услуг своего кубиковско-нью-йоркского приятеля отказался.

•••

Вечером, когда Игорь освободился, пошли с ним в бар. Разговорились с официантом. Игорь начал свою еврейскую пропаганду:

— Евреи — главная сила Штатов. Все здесь в наших руках.

Официант (как выяснилось, итальянец) возразил:

— Нет, самые главные — это мы, итальянцы. А евреи — это сок*. Просто сок.

•••

Как-то раз мы еще раз поссорились с Лерой. Она убиралась в квартире и выбросила все мои газеты и рукописи. Я обиделся. Опять ушел из дома. И — уже не вернулся. Переночевал у переводчика Миши Синявина и купил билет в Москву. Вере написал письмо. Сказал, что уезжаю на неопределенный срок.

•••

Приехал в аэропорт заранее. Миша меня подвез. Если бы добирался на «тачке», то выложил бы не менее тридцати-сорока долларов.

Аэропорт. Фирма «Альфа». Скромненькое, серенькое помещеньеце. Тут же увидел родные советские лица. Сразу и познакомился со многими.

Разговорился с Ваником, армянином 54 лет. Он не был на родине (он из Казахстана) семь месяцев, жил в основном в Лос-Анджелесе, играл в рулетку в Лас-Вегасе, выиграл в общей сложности четыре тысячи «баксов», вообще оставил в Америке около семи.

— Не понравилось мне здесь, — пожаловался

мне Ваник, — люди недружные. Да, в Калифорнии много армян, но они совсем не такие, как у нас в Союзе (Ваник, по-моему, и не слышал, что СССР больше нет).

— Я жил не у знакомых, в гостинице. — Продолжил рассказ Ваник. — В гости никто особенно не приглашал. Представляешь! Ну, ничего, деньжонки-то у меня были. Часики продал, колечко золотое (я мысленно представил, какого размера было «колечко» у Ваника, памятуя о том, что золото в Штатах стоит сущие гроши, дешевле, чем в «Совке». — **Е.С.**) Да и с бабами — напярк. У них здесь секс только в браке.

Тут как раз и женщины в аэропорту стали появляться. Наши женщины.

— Ну, ты посмотри, как русские бабы ходят, это же само изящество. — Не унимался Ваник. — Хочу, хочу на Родину.

— Да-да, — поддержал разговор Эдик, мужчина, одетый, как самый натуральный советский бомж, — умеют наши подать себя. С ними и пообщаться не грех. А эти американки так одеваются безвкусно, что на них без слез не взглянешь...

56-летний Эдик оказался баптистом из Костромы. Получил статус беженца как представитель религиозного меньшинства. Пробыл в Штатах в общей сложности 11 месяцев. Полгода получал пособие, потом платить перестали — живи и спасайся, как хочешь. Остался Эдик никому не нужным. До пенсии (американской, разумеется) еще шесть лет, на работу не берут, хотя, вроде, и есть право трудиться. Слишком стар. Жил Эдик сначала в подвале у знакомых баптистов, потом оказался в ночлежке. В шелторе Эдику совсем не понравилось.

— Обитают там в основном негры, всю ночь болтают, не поспишь. А права качать нельзя — это же не Россия. Изнасиловать могут запросто. Правда, в

ночлежке всегда дают чистенькое бельишко, есть телевизор, душ, его обязательно надо принимать, ну и покормят. Днем оставаться нельзя, но когда очень холодно, то можно уйти попозже, а не рано утром.

Не прижился Эдик и в ночлежке. Выбросила его жизнь на улицу. Питался с помойки.

Рассказал:

— Еды выбрасывают огромное количество, в каждой лавчонке есть бак для отходов, я там находил очень хорошие продукты.

Пока мы трепались с Эдуардом, к нам подошла толстая и пожилая тетка-украинка. Привезла на тележке пять-шесть чемоданов, да и ручной клади — несколько громадных сумок. Я как бывалый путешественник проинформировал:

— Можно провозить только сто паундов, то есть сорок шесть килограммов, по двадцать три — в каждом чемодане. А всего чемоданов должно быть два.

Тетка:

— Так ведь у меня одни только вещи, пусть смотрят, я ничего такого не везу, ни порнухи, ни оружия...

Стало понятно, что случай тяжелый, объяснить ничего не удастся. Начали думать, как помочь пожилой и запасливой экс-землячке провезти все ее вещи в заграничную и вольную Украину. Часть вещей с одним пассажиром пристроили, часть — с другим, постепенно все рассовали, проводили и хозяйку. Она нас очень благодарила. Сопровождающий ее американец — тоже. Общались они очень странно. Тетка ему по-русски, тот ей — по-английски. В общем, не понимали они друг друга абсолютно. Но все-таки как-то договаривались. Тетка прожила в Штатах два месяца — ездила на похороны сестры. Могла бы и насовсем остаться — из Америки, надо заметить, никого не депортируют, страна в этом смысле уникальная.

Вообще, я должен сделать очередную нравоучительную ремарку — чтобы понять, как наши живут в Штатах, не надо читать сочинения каких-то мудреных публицистов типа Кондрашова или Никитинского, ни тем более мои сочинения, нужно лишь освежить в памяти рассказ «Без языка», написанный аж в 1895-ом году, более ста лет назад великим бытописателем В. Короленко. Изменилось с тех пор очень мало. Разве что курс рубля по отношению к доллару. Тогда за один «зеленый» давали лишь два целковых. Приведу цитату из этого рассказа, одну, не более. «...Какая там у них, люди говорят, свобода? — А! Рвут друг другу горла, — вот и свобода... А впрочем... и у нас это делают как не надо лучше. Поэтому я, признаться, не могу понять, зачем это иным простакам хочется, чтобы их ободрали непременно в Америке, а не дома...»

Сели в самолет. Мы оказались рядом с Эдиком. Потом к нам подошел незнакомый пожилой человек лет семидесяти. Сел с нами, тут же достал из кейса какие-то бумаги, ноутбук, стал работать. Я пытался заснуть, но не мог. Познакомились с этим человеком.

— Володя, — он представился очень скромно.

Разговорились.

Оказалось, что это крупнейший российский импресарио Владимир Хлоркин. Во время войны «Володя» был летчиком, потом всю в жизнь — в искусстве, трудился директором театров, мюзик-холла, в последнее время возглавляет собственную фирму. Мы весело и непридуманно потрепались о том, о сем. Он показал мне свои документы по концертной деятельности. Некоторые цифирьки привлекли мое внимание. Только один проект требует вложений в размере полутора миллионов долларов! А фирма у «Володи» — частная. Платит он сам. И вот даже с такими деньжищами живет этот человек в России.

— Почему же, Владимир? — задал я сакраментальный вопрос.

— А вы знаете, товарищ Степанов, — ухмыльнулся крутой импресарио. — Я здесь всем НУЖЕН! Кому-то необходимо помочь с билетами, кому-то нужно достать лекарства!.. А на Западе — что? Есть деньги — все будет. У нас же бесконечные сложности, а я люблю их преодолевать!

Тут, кстати, к нам подошел менеджер Филиппа Киророва (он вместе со «звездой» эстрады тоже летел этим рейсом).

— Володенька, — попросил менеджер, — помогите с русскими кокошниками, нам позарез нужно!

«Володенька» полез в записную книжку.

ГЛАВА Ч

МОСКВА

Когда я вернулся в Москву, то с удивлением обнаружил странную вещь: меня не уволили из журнала «Окраина». Правда, перевели на полставки. На другие полставки главный редактор Малышкин назначил своего протеже, шестнадцатилетнего школьника Эдика Тропинкина.

Эдик обладал многими отличительными чертами. Одна из них заключалась в том, что он был предельно откровенен. Практически со всеми.

— Степнов, ты и не знаешь, какие бури пронеслись в последние полгода над твоей головой. — Начал он как-то откровенничать со мной, когда мы оказались с ним за одним столиком в редакционном баре. — Тебя и вовсе могли уволить. Я, во всяком случае, этого добивался. Ну, я, конечно, не хотел, чтобы тебя выбросили на улицу, как щенка. Я говорил Андрюшке Малышкину, чтобы он тебя перевел из отдела информации в отдел культуры. Но Андрюшка считает, что в «культуре» ты не потянешь. Но и я не сдавался. Лежали мы с ним в кровати как-то в Берлине, в отеле, и я поставил вопрос ребром: «Либо его увольняй, либо меня». Андрюшка сначала сопротивлялся. А потом, извини за каламбур и прозу жизни, поставил меня раком и во время процесса пообещал: Решу твой вопрос, Эдичка. Не переживай!

•••

Малышкин выкрутился. Разбил ставку на две части.

•••

Вообще, журнал «Окраина» в ту пору стал центром «голубой» жизни. На многих ключевых позициях оказались проверенные соратники Андрея Вадимовича — Шура Дорофеевский, Сережа Щупленький, Антон Кобылкин.

•••

Делить ставку с Тропинкиным я не захотел. Во-первых, я терял в деньгах, во-вторых, не хотел позориться — ведь я на десять с лишним лет старше Эдика. Я пошел к Малышкину и, объяснив ему все это, спросил:

— Андрей Вадимович, а вы не могли бы назначить меня начальником отдела рекламы? Ведь эта ставка не занята.

Малышкин удивился:

— А ты разве в этом что-то понимаешь?

— Пойму, — решительно ответил я.

— Ну что ж, попробуй, — сказал добрый начальник.

И дал команду своей секретарше подготовить приказ о моем назначении.

•••

Шел девяносто четвертый год. Бизнес развивался семимильными шагами. Москва хорошела день ото дня. В городе бурлили казино и ночные бары, появлялись все новые и новые миллионеры.

Я обзванивал своих разбогатевших приятелей и, суля им невиданные скидки, предлагал разместить рекламу в нашем прогрессивном демократическом издании.

Размещали. Не часто, но все же. В журнале радовались любым моим успехам. Рекламодателей я тоже устраивал. Не контролировал меня никто. Зача-

стую я брал деньги с рекламодателей по факту выхода материала, устраивал бесконечные бартерные сделки, отправлял сотрудников на отдых, «выбивал» медикаменты, предметы быта...

В штате у меня работало пять менеджеров, десятки сотрудников были на договоре.

Дела у меня шли прекрасно. Правда, чем богаче становился я сам, тем почему-то печальнее шли дела у журнала...

Моим начальником в ту пору был коммерческий директор издания Юрий Николаевич Томатов. Когда я сдавал ему ежедневную выручку, он традиционно спрашивал у меня:

— Женек, а почему себе-то мало берешь? Себе надо брать побольше...

Поначалу я вовсе ничего не брал, мне и в голову это не могло прийти. Потом я стал потихоньку перестраиваться... Бытие определяет сознание.

•••

Через полгода я купил двухкомнатную квартиру в центре Москвы, на 3-й Тверской-Ямской улице.

•••

Чтобы активизировать деятельность отдела, я набирал огромный штат рекламных агентов. Если они выработывали свою норму — я платил им еще и небольшую зарплату. Выработывали норму очень немногие. Поэтому работать с агентами было достаточно выгодно.

В это время у известного поэта и журналиста Олега Булочкина сложилась весьма сложная жизненная ситуация. Его журнал «Русская муза» разорился, поэт сидел на мели. Олег частенько забегал ко мне

в редакцию, денег подзанять, на жизнь пожаловаться. И вот почти пятидесятилетнему Булочкину — члену Союза писателей с двадцати двух лет — я предложил поработать рекламным агентом. Больше, увы, я предложить ему ничего не мог.

Олег с радостью согласился.

Я пошел к Малышкину и стал хлопотать за кандидатуру Олега — мы тогда как раз надумали расширять штат рекламных агентов и менеджеров.

Неожиданно для меня Малышкин сурово произнес: — Булочкина не бери!

Я говорил, что поэту надо помочь, что он в непростой ситуации. То есть напирал на чувства.

Однако Малышкин был непреклонен, доказывая мне (как я сейчас понимаю, совершенно справедливо!), что каждый должен заниматься своим делом. Так Малышкин Булочкина на работу в отдел рекламы и не принял. Это притом что именно Андрей одним из первых стал поднимать на щит Олега как поэта, написал о нем в еженедельнике «Юниор» огромную хвалебную статью, печатал рецензии на его журнал в «Окраине»...

Позднее я стал понимать, что, видимо, Малышкин и есть настоящий герой нашего времени. Он всегда четко знает, кто на что способен. И никогда не путает Божий дар с яичницей. Интересы дела для него превыше любых человеческих отношений. К сожалению, надо признать, что с точки зрения бизнесмена это совершенно правильно.

•••

Женщин вокруг было много. Но я никого из них не любил. Сексуальную напряженность мне ежедневно помогала снимать моя сотрудница Неля Ардамацкая, которая почему-то хотела за меня замуж.

Я любил по-прежнему Леру. И она, кажется, тоже ко мне хорошо относилась.

ПИСЬМО ЛЕРЫ ГУСТАФСОН

Мой дорогой и любимый Джин!

Ты как волшебник, который появился из ниоткуда в мой горестный час, когда я превратилась в прах, и руку протянул, и волшебной палочкой коснулся, и я снова восстала, как птица Феникс из пепла, и вознеслась с тобой, и тебя за собой потянула вверх, вверх... И мы улетели и летали мечтой, чувствуя друг друга глубоко и близко, как только могут прилетевшие из космоса близкие души, и мы узнали и пережили наше прошлое вместе, прожили такое мгновенье и прекрасное настоящее вместе, а что готовит нам будущее — знает только наш Бог, и, может быть, Шагал? (Письмо было написано на открытке с картиной Шагала. — Е.С.) Храню тебя и душу твою, и храни тебя Господь, мой драгоценный Женечка.

Твоя Лера.

*«Ты — чудо горестного шага,
Когда житье тошней недуга
А корень красоты — отвага.
И это тянет нас друг к другу».*

Б. П.

P.S.

*Смотри на образа на обороте, и мной, и небом вознесись!
Почему же ты уехал, так неожиданно сбежал, даже не предупредив меня, ничего толком не объяснив? Возвращайся!*

L. G.

•••

Возвращаться я не думал. Но и терять Леру не хотел. Все-таки никто так, как она, меня не понимал.

Мы стали очень активно переписываться. Я посылаю ей десятки писем, где рассказывал почти обо всем всем, что со мной происходило.

Про Нельку и другие свои сексуальные увлечения я, разумеется, не писал.

ПИСЬМО ЛЕРЫ ГУСТАФСОН

Женечка, дорогой, здравствуй!

Спасибо за твои 5 писем и журналы, за все, все. Читаю и перечитываю, жива воспоминаниями, иногда очень остро ощущаю тебя, твое присутствие и тогда очень остро скучаю по тебе, так хочется, чтобы ты был рядом, близко, со мной. Ну, как же ты далеко, иногда я отчаиваюсь и думаю всякие неутешающие вещи и про то, что у тебя так жена близко, и, может быть, кто-то еще и еще ближе? И что ты больше меня не любишь, не хочешь, да и вообще всякую ерунду, и это все оттого, что тебя нет, нет со мной рядом. Я очень, очень скучаю по тебе, так хочется тебя видеть, говорить, просто быть с тобой. Я очень боюсь, что мои эмоции могут умереть, поэтому заклинаю тебя, пиши мне, мне это нужно как воздух, как никогда. Ты, ты мне так нужен и никто еще. Почему тебя нет рядом и будешь ли когда? Меня все наперебой стараются познакомить с кем-то, была на вечере у Игоря Палкина в эту пятницу — он устроил вечер в честь масленицы, с блинами, песнопениями, чтением стихов. Я познакомилась с одним приятным человеком (моего возраста — 39-40 лет), он сейчас работает в 4 часа езды от Филадельфии, и он не отходил от меня весь вечер, и говорил, говорил, ну а когда я ушла, сразу же начал приставать с расспросами к Игорю (бедный Игорь!).

Но, представь себе, что я с ним разговаривала, а думала только о тебе (а этот человек во всех отношениях хорош — красив, высок, строен, умен, обаятелен и т.п.), но, Женечка, это все не то, как бы он ни был хорош, он не мой, и я это сразу же поняла и почувствовала. А вот ты — мой, даже независимо от тебя самого, да и от меня уже тоже, я думаю, что ты заметил перемену в моем отношении к тебе — я могу сказать, что я тебя люблю, я даже это себе могу сказать, ты у меня глубоко внутри, в моем сердце. Странное объяснение в любви — почти от противоположного, отталкиваясь от минуса, прихожу к плюсу.

Да, Женечка, я тебя люблю, независимо ни от чего, зная тебя и не зная, чувствуя и не чувствуя, веря тебе и не веря. Не знаю, до какой степени люблю (ты знаешь, что любовь бывает в разной степени, да?), просто еще не проверяла, наверное, это от степени того, чего могу от тебя принять и чего не могу — зависит. Наверное, полная любовь — это когда принимаешь все, даже смерть, не так ли? Но люблю, люблю тебя, скучаю, хочу, боюсь за тебя, молюсь, храню, ласкаю, утешаю, переживаю, ревную и хочу с тобой быть. А ты? ...но вы в моей несчастной доле, хоть каплю жалости храня, вы не оставите меня» — помнишь? (Это мое любимое письмо, и когда я чувствую как Татьяна — высоко и прекрасно, словно полет — я понимаю, что люблю.)

Остается только красота, чистота и высота чувств. Может быть, я больна и так нельзя? Особенно с тобой? Но сегодня и сейчас я так чувствую и я такая, ОК? Вот такое письмо, «я вас люблю, чего же боле, что я могу еще сказать?»

Женечка! Будь рядом, а?

Когда? Целую, мучаюсь, за что???

Лера

•••

Получив очередное лирическое письмо от Леры, я опять стал собираться в Америку. Попросил своего вечного друга Игоря Палкина, чтобы он прислал мне приглашение. Игорь сработал четко и оперативно. Я отпросился на месяц у милосердного Малышкина и через две недели опять был в Нью-Йорке.

ГЛАВА ЧІ

НЬЮ-ЙОРК

Мы опять гуляли с Лерой по городу, строили планы на будущее, искали мне работу. Мои рукописи и газеты Лера больше не выбрасывала.

•••

Однажды мы пошли в Манхэттене к ее подруге Таньке, которая перебралась в Штаты из Ленинграда двадцать лет назад и работала парикмахершей.

Танька сказала:

— Надо парня оставлять здесь. Работу найдем. Будет говно за собаками собирать. Знаешь, Лерка, это классный бизнес. Думать не надо, а профит большой. Мой один бывший бой-френд этим занимается. Уже однобедренную квартиру на моргич купил. Я с ним недавно на викингах виделась — он мне хвастался.

Я возражал:

— Я, между прочим, два института окончил. Один даже номенклатурный. Что это я говно буду собирать? Уж лучше пусть Лера переезжает в Москву. Там она еще больше, чем здесь, сможет зарабатывать.

Лера активизировалась. Искала работу мне в Нью-Йорке, а себе — в Москве и Питере.

А вечерами мы сидели в нашей маленькой студии за круглым мраморным столом, вели роскошные беседы на всевозможные темы, ели утку с мастер-соус и запивали вредной, но такой вкусной и привычной кока-колой.

•••

Мы перестали предохраняться. И очень надеялись, что Господь пошлет нам дочку.

•••

Виза у меня была на месяц. Продлить ее Лера не предложила. И ровно через месяц я возвратился домой — мы договорились, что она прилетит в Москву через две недели, и мы будем уже в Москве искать ей работу, либо поедем отдыхать на Кавказ или в Крым.

•••

Лера прилетела ровно через две недели. Через своего товарища, журналиста Серегу Татаровича, я «организовал» черную «Волгу», подал ее в Шереметьево-2.

Школьный друг — святой человек! — Юрка Саитов уступил свое жилье.

Мы стали жить с Лерой в Москве. Встречались с моими знакомыми, искали ей работу, ходили в гости.

Мы прожили в Москве неделю, потом я купил путевки в Лазаревское.

Сервис был ненавязчивый, но — трехразовое питание, горячая, холодная вода и... большая кровать.

Впрочем, кровать была не особенно нужна...

Однажды мы использовали в качестве постели даже ночное море. Звезды, теплая вода, родное тело...

•••

Отдыхать — не работать. Все было замечательно. Утром мы валялись на пляже, играли в карты (в дурака), строили планы, иногда ездили на экскурсии в

близлежащие городки, вечерами гуляли вдоль моря. И говорили, говорили.

— Теперь я поняла: ты мой самый близкий человек, — говорила Лера. — Мы с тобой единый организм. И мы должны быть вместе.

— Я это давно осознал.

— Я поняла, что работу в Москве не найти. Видимо, тебе придется переезжать в Штаты.

— А что я там буду делать?

— Не знаю. Но я-то работаю. Я тебя прокормлю.

— Нет, это меня не устраивает. Я не могу и не хочу быть альфонсом.

— Но ты же им был много месяцев.

— Больше не смогу. Да и потом я здесь хорошо зарабатываю. Лучше я здесь подкоплю денег, возьмем «моргич» в Нью-Йорке и купим квартиру. Можно даже на Брайтоне, мне там нравится.

— Да, это хорошая идея. Я тогда тоже буду копить.

— Давай, договоримся так: ты поедешь домой, а я приеду в марте, через три месяца. Приеду с деньгами, тогда все решим.

На том и договорились.

•••

Вечерами мы сидели на балконе и ели черный хлеб с солью и помидорами. Это очень, очень вкусно. Особенно, если рядом любимый человек.

•••

В Лазаревском мы несколько раз поссорились. Но быстро помирились.

В самолете, когда летели в Москву, Лера протянула мне мизинец и по-детски сказала:

— Мирись, мирись и больше не дерись. А если будешь драться, то я начну кусаться.

•••

Через неделю ей надо было улетать домой. Мы ехали на такси в аэропорт, и я не мог скрыть слез.

ГЛАВА VII

СПОКГОЛЬМ – МОСКВА

Я возобновил свою бурную предпринимательскую деятельность. Помимо работы в журнале я проводил бесчисленные рекламные кампании, делая паблисити и артистам, и кандидатам в депутаты, и крупным финансово-промышленным структурам.

Однажды мой приятель Колька Кудряшов предложил мне помочь шведско-эстонской фирме «AS», попавшей в Россию в затруднительную ситуацию.

— Я им дам твой телефон, они тебе позвонят, сделай, что можешь. И не забудь про меня... Но помни, что люди они серьезные, даже коварные. Короче говоря, сволочи.

•••

Позвонили мне буквально на следующий день.

— Евгений, это Саша из Таллинна, — сказал мне на чистом русском языке незнакомый человек. — Коля нам рассказывал о вас много хорошего. Я надеюсь, что на этой неделе вы с группой журналистов сможете вылететь в Таллинн. О цене за работу не беспокойтесь — вы останетесь довольны. Проезд, разумеется, тоже за наш счет.

Я ответил, что вылететь, конечно, можно, однако сейчас много дел. Если бы, мол, недельки через три.

Саша не возражал.

Но через двадцать минут позвонил еще один персонаж. И уже с колоритным эстонским акцентом проговорил:

— Господин Степанов, меня зовут Петер Швиндер, надо вылететь к нам через две недели. Может быть, в Стокгольм? Вы не против?

Я согласился. И потихоньку начал готовиться к поездке.

•••

Лера прислала письмо.

ПИСЬМО ЛЕРЫ ГУСТАФССОН

Женечка, привет!

Посылаю тебе фотографии из Лазаревского, все, которые у меня есть. Некоторые очень хорошие. Я смотрю на них и думаю, как же давно это все было, а сейчас — масса проблем, которые на меня продолжают валиться. Стараюсь отбиваться, как могу, но настроение катастрофически падает, падает. Не думаю ни о чем, только бы выжить. Вот так, что-то очень трудновато, да и проблемы-то капитальные: работа, жилье и т.д. Надеюсь, что следующий год будет для меня лучше, скорее бы уж этот закончился. Как видишь, писать ни о чем не могу. Когда смогу — напишу. Иногда думаю, большей частью нет — очень устаю ото всего. В Союзе мне было хорошо, может быть, потому что я отдыхала, да и ты был рядом, не знаю. Все заметили, какое у меня там счастливое лицо, которого здесь уже нет.

Целую L.G.

•••

Стало понятно, что Лерины планы (и в целом, и в отношении нашей совместной жизни) изменились. А буквально на следующий день позвонил с Ямайки наш общий приятель, переводчик Миша Синявин и «стукнул», что Лера говорила ему, что я ее больше не интересую.

•••

Я ничего не понимал. Я пытался до нее дозвониться, но она не брала трубку. Я писал ей письма, она не отвечала. Что делать? Я решил погадать по своей старенькой книжке верлибров. Открыл ее наугад. И прочитал.

•••

Я никого не держал. И никто не держался за меня. И если бы не было Бога, я был бы совсем один.

•••

Я мог бы ужиться, наверно, с любой, но даже не хотел пытаться почему-то.

•••

В душу я уже не запускал никого. Замкнулся в работе.

•••

Задружился с Вадиком Даевым. Он — мой заместитель в рекламном бюро «Окраины». Мы очень много работаем. Даже в выходные, тем более что грядет Новый год. В субботу готовили новогоднюю обложку журнала. Подготовили быстро. А потом долго разговаривали. Мы сошлись с Вадиком в том, что

человек — это мужчина и женщина вкупе. Порознь нас нет, просто физически не существует. Кстати, мой учитель, профессор из Женевского университета христианского образования Мюрель говорил нам, студентам:

— Людей вообще нет, если они не отражаются (фигурально) в глазах других!

Но «отражаться» мы можем в глазах только тех людей, которые суть мы сами.

•••

Есть мужчины-женщины. Есть мужчины-мужчины, женщины-женщины, женщины-мужчины. Просто женщин и мужчин давно нет.

•••

Вадик Даев сказал:

— Балансирующие (на грани разрыва!) отношения и есть, наверное, самые прочные. Особенно у людей определенного свойства. И дело даже не в том, что они находятся за тысячи километров друг от друга. Главное, что они думают друг о друге. Они будут жить во снах, в письмах, в телефонных звонках, в ревности, в ненависти, в секундной близости, как угодно, но останутся **ВМЕСТЕ**. Это точно. Даже если она выйдет замуж за другого, даже если он когда-нибудь женится, они — небесные муж и жена, они едины. Они — просто один человек. Ты понял, Жэка, о чем я?

— Понял. Но, может быть, ты преувеличиваешь?

— Нет.

•••

Еще мы с Вадиком частенько разговаривали о том, что, может быть, вообще все мироздание еди-

но. И нет ни деревьев, ни птиц, ни людей, есть просто одна ЖИЗНЬ. Цельная. А, следовательно, и смерти нет. Ахматова писала: «Но еще ни один не сказал поэт, что смерти нет...»

Смерть — это другая форма жизни.

•••

Вечером читал «Хроники Харона» (Энциклопедию смерти) Александра Лаврина. Очень ценная книга, объясняющая, что вся жизнь в конечном итоге — это подготовка к смерти (бессмертию).

•••

Неожиданно в Москву прилетел Лерин муж Семен. Начал налаживать бизнес-отношения с бывшей родиной. Я стал ему помогать. Он постоянно сидел у меня в бюро. И удивлялся, как мне все (должники и сослуживцы — знакомые, рекламные агенты и менеджеры) приносили доллары, как вокруг меня кипела коммерческая жизнь. Он то и дело приговаривал:

—Ну ты, Женя, изменился. Год назад, в Америке, ты был совсем другим.

Я действительно стал другим. Довольно жестким бизнесменом. Иначе здесь нельзя.

•••

Гулял по улицам, смотрел по сторонам. Падал снег, деревья стояли такие красивые, такие хорошенькие, воистину новогодние. И на душе моей было все-таки спокойно и счастливо.

Я не виноват перед Лерой (сиречь, ЛЮБОВЬЮ!) моя совесть чиста. А если я и виноват перед кем-то смертельно, так, прежде всего, перед самим собой. И — счастье, счастье!

•••

Евгений Евтушенко однажды в молодости здорово написал.

*«И спасибо самым черным кошкам,
на которых покосился ты.
И спасибо всем арбузным коркам,
на которых поскользнулся ты.
И спасибо самой сильной боли,
ибо что-то все-таки дала,
и спасибо самой сирой доле,
ибо доля все-таки была».*

Вот и у меня доля все-таки была.

•••

Писать дневниковый роман — это, по сути, говорить с самим собой. Так я привык воспринимать действительность.

•••

Смотрел по видео гениальный фильм «Человек дождя». Хорошо, что герои этой ленты нашли подход друг к другу. Точнее — они просто полюбили друг друга как себя самое.

•••

Ходил к психоаналитику. Хотел избавиться (внутренне) от Леры. Заплатил большие деньги. Он начал освобождать меня от боли (от Леры), приводить в чувство. Мне поначалу стало легче. А потом я вдруг понял, что если у меня забрать мою БОЛЬ, то меня

вообще не станет. Степень боли равняется степени счастья, которое было прежде.

•••

О! Нелька на полированном столе, Нелька, когда я говорю по телефону по делу... Нелька, Нелечка, Элеонора...

Она, конечно, знала о Лере, знала, что я по-прежнему ее любил. Может быть, именно инстинкт соревновательности заставлял ее бороться за меня?

•••

Пригласил Нельку в Египет. Она очень обрадовалась. Сама стала искать путевки. Нашла недорогой трехзвездочный отель. И мы в начале января на недельку улетели в Хургаду. До поездки в Стокгольм у меня еще осталось немного времени.

Хургада — универсальный город для русских туристов. Хочешь отдыха — нет проблем. Не вылезай из отеля, купайся, загорай на пляже (это зимой-то!), ешь до отвала, выезжай на коралловые острова. Хочешь экзотики — ее тоже хоть отбавляй. Как только выходишь из отеля, сразу узнаешь, что такое навязчивый местный сервис. Египтяне хватают за рукава, тащат в свои лавки, вокруг мусор и дерьмо, повсюду надписи на русском языке, песни Аллы Пугачевой раздаются из каждой подворотни. Сказать, что египтяне — наглые люди, нельзя. Если все вокруг ведут себя нагло, это уже не наглость, а особенность национального менталитета. Очень, кстати, толкового менталитета. Идешь вдоль торговой улицы — значит, ты потенциальный покупатель. Ну, вот мы тебя и обслужим. А не хочешь — заставим. Прямо как раньше в Комсомоле.

Подобная тактика работы с клиентом встреча-

ется повсеместно — и в Париже, и в Нью-Йорке. Выходит, она оправдывает себя.

•••

Лежать на пляже надоело через день, читать детективы еще раньше. Мы поехали в Каир.

В Каире поразил национальный Египетский музей. Еще точнее — папирусы. Некоторым из них три с половиной, четыре тысячи лет. Иероглифы, картинки. Самая настоящая смешанная техника.

•••

Заезжали к бедуинам в Аравийскую пустыню. Это, уверен, никакие не бедуины, а профессиональные артисты, которые делают свой нехитрый бизнес — танцуют, поют национальные песни, возят всех желающих на верблюдах. В общем, зарабатывают деньги.

А пустыня запала в душу! Красивая, величественная! Даже пирамиды поражают меньше — мне почему-то всегда казалось, что они намного больше, огромнее.

А в целом, впечатления Египет оставил, конечно, хорошие. Разве не удивительно, взять билет на самолет (виза не требуется), прилететь среди московской зимы в солнечную страну, купаться и загорать, рассматривать через маску кораллы и рыбок, медитировать в пустыне и хотя бы на время отрешиться от разных производственных и личных проблем?!

•••

Нельке в Хургаде тоже понравилось. Особенно ей там понравилось подтрунивать надо мной. Она даже написала юмористический рассказ:

Рекомендация

Во-первых, это мой знакомый. Во-вторых, близкий друг моей жены. Поэт и писатель. Не пугайся — это раньше. Сейчас — директор рекламного агентства. Одна жена в Америке. Другая — в Германии. Подруга — во Франции. Всех трех любит, всем верен, в России живет в основном по телефону. Кроме того, владеет языком. Кажется, неплохо. Кажется даже — не одним языком. В прошлой жизни окончил ВКШ, где и преподавал. В Швейцарии получил степень богослова, но, слава Богу, богословие не преподавал. В общении довольно скользкий, потому и приятный. Ты затащишься, я обещаю. Все, что говорит, — истинная правда, так как сам свято верит в то, что говорит (пока говорит).

Ты не смотри, что пиджак драный — причуда миллионера. Ведь не только у тебя сейчас квартиру покупает — еще дома под Новгородом, Тверью и виллу в Испании. Вообще — человек очень деловой. Весь день расписан буквально по минутам. Если завтра вдруг окажется в Японии, значит, точно — вчера запланировал. Серьезный мужчина. Надежный. Не подведет. Ты, главное, ничего не бойся — иди с ним на любой контакт и потом не жалуйся!

•••

Когда Нелька прочитала мне этот рассказик, я долго смеялся. Тут все правда.

Потом мы с ней разговорились о мужчинах и женщинах.

•••

— Лично меня ситуация с мужчинами в России очень радует. — Сказал я. — Любой самый плохонький, невзрачный пьянчужка в России навряде Бонапарта, который приглашал женщин для любовных

утех минут эдак на пятнадцать (не более) и даже шпагу при этом не снимал. Все мы — Бонапарты. У нас все тоже на ходу, быстренько, мимолетом.

— Странно, что ты это понимаешь. — Удивлялась Нелька. — При этом советский мужчина еще хочет, чтобы его покормили, полечили его израненную душу (послушали, пожалели) и т.д. И — НИЧЕГО ВЗАМЕН!

— Мда. В Америке такие номера, к сожалению, проходят крайне редко. Женщину действительно нужно заслужить. Не случайно браки между американками и русскими мужчинами крайне недолговечны. Что значит, жить с русским — предельно ясно описала вредная актриса Ширли Маклейн, которая некоторое время делила кров с режиссером и героем-любовником Андроном Кончаловским.

— Так что, Степнов, если ты всерьез надумал удрать из России посредством честной женитьбы на американке Лере — бросай это пустое дело. Фиктивный брак — куда более удобный путь. Дороговато, конечно, (пять-десять тысяч долларов), но зато спокойнее.

— А я, может быть, и не хочу больше никуда уезжать.

— Вот и молодец, вот и умница.

•••

Но уехать все-таки пришлось. Правда, не в Америку. Когда мы с Нелькой вернулись из Египта, мне позвонил Швиндер и требовательно напомнил, что пора лететь в Стокгольм.

ГЛАВА ЧТИ

СТОКГОЛЬМ

Прилетел в Стокгольм. В аэропорте «Арландо» меня уже ждали Швиндер и еще один сотрудник фирмы «AS», представитель стокгольмского отделения.

Устроились в довольно уютном трехзвездочном отеле. Небольшой отдельный номер. Телевизор над кроватью — на специальной, прикрученной к стене подставке.

На следующий день состоялась встреча в офисе. В огромной, многокомнатной конторе работал один человек. Он служил и управляющим, и секретаршей, и делопроизводителем. Его звали Рауль. Он был племянником хозяина «AS». Говорил на пяти языках — на шведском, эстонском, английском, французском и немецком.

Вообще, в этой фирме работали только эстонцы — из разных стран мира.

Помимо Рауля в офисе находились господин Тынис и какой-то невзрачный старичок. Его звали Хельдур. Вот этот старичок и оказался главой компании, мультимиллионером эстонского происхождения, постоянно проживающим в Швейцарии.

Меня представили. После этого Хельдур сказал что-то по-эстонски. Швиндер объяснил мне, что шеф просит Тыниса ввести меня в курс дела.

Тынис вышел из-за стола, подошел к грифельной доске, взял в руки указку. И начал рассказывать:

— Мы — крупная шведско-швейцарско-эстонская фирма. Практически первыми начали работать с новой Россией. Поставляли нефтяное оборудование для крупнейшей русской компании «Ойл».

Поначалу все шло нормально, но потом они нас обманули на триста миллионов долларов. Сейчас мы подали заявление в международный суд и начинаем кампанию в прессе против «Ойла», точнее — против руководителей этой фирмы.

Он показал мне журнал «Штерн», где красовались портреты этих обаятельных монстров-мутантов.

— Мы обращались, — продолжил Тынис, — в ряд рекламных и пиаровских агентств России с просьбой помочь нам в этом деле. Они отказались. Боятся. Может быть, попробуете вы? Мы хорошо заплатим. Подумайте неделю. Мы понимаем всю опасность этой работы.

Я ответил:

— Согласен. Я уже подумал.

•••

Мне положили невероятную зарплату и выдали карточку «Америкэн-экспресс». Я мог с нее снимать столько, сколько нужно для дела, т.е., ограничений не было.

Я улетел в Москву, переговорил с рядом журналистов. Большинство из них согласилось проявить свою геройскую гражданскую позицию и послужить правде. За деньги.

Я дал журналистам фактуру, они написали статьи. Завизировал их по факсу у эстонцев. Статьи вышли. В самых престижных изданиях, в том числе, в правительственных.

Потом я еще несколько раз летал в Стокгольм, уже с телевизионщиками. Они подготовили ряд заказных сюжетов. Эстонцы выдали мне для работы с ТВ уйму денег.

•••

После пятой публикации в моей квартиршке раздался красноречивый телефонный звонок:

— Все пишешь, Степнов. Заканчивай. Считай, что это первое и последнее предупреждение. Нефть — дело серьезное.

Трубку положили.

Я понял, что дальше шутить плохо.

Позвонил Швиндеру и рассказал ему о звонке.

Петер был краток:

— Понятно. В одного из нас уже стреляли... Выбери любую страну и уезжай. Денег дадим. Подготовленные телевизионные сюжеты не размещай. Полученные на работу доллары оставь себе.

Так за минутный разговор я обеспечил себе старость. Правда, получил реальный шанс не дожить до нее.

•••

В очередной раз отпросившись у великодушного редактора Малышкина, я улетел в Стокгольм. Поселился в отеле. Рауль устраивал мне культурную программу. Водил по художественным галереям и выставкам, знакомил с друзьями. Мы ужинали в королевском ресторане, где за стеклянными стенами бегали нежные оленята, ходили в японские заведения, где можно было есть только палочками, осваивали технику фондю.

Как-то раз мы ехали с Раулем по ночному городу и вдруг я увидел очередь.

— Что такое? — спросил я товарища.

— Очередь за книгами. Дешевая распродажа, — ответил мне Рауль, житель тлетворного, бездуховного Запада.

•••

Через неделю я стал дичать в Стокгольме, делать было нечего. Я стал пить. И спиваться. Чтобы как-то взбодриться и выйти из тупика, я решил

вернуться домой — там хотя бы не было скучно. Мои работодатели не возражали.

— Там тебя будет ждать новое сложное задание! — сказал мне Рауль. — «Ойл» не вступает с нами в переписку. Не отвечает на послания. Мы пришлем гонца. И нужно будет заснять на видео (съемка нам нужна для суда), как он входит в офис. Мы уже пытались это сделать, но у нас ничего не вышло. Попробуешь?

— Нет вопросов! — ответил я. И выпил еще бокал крепкого пива.

•••

По приезде в Москву я тут же раскрыл замечательную рекламную газетку «Из рук в руки».

Увидел в графе «Ищу работу» интересное объявление: «Видеосъемка. Бетакам и ВХС. Оператор и монтажер».

Я позвонил. Оказалось, что это небольшая фирма, состоящая из двух бывших работников ТВ. Я объяснил им, как мог, суть задачи. Они взяли день на размышление. Перезвонили. В деньгах я не был стеснен, и мы договорились. Условились о дне операции.

Я нанял на сутки водителя с машиной, проинструктировал гонца, русскоязычного англичанина, прибывшего специально из Лондона, объяснил, что нужно делать ребятам-телевизионщикам.

Мы подъехали к центральному офису «Ойла». Возле него дежурила целая бригада мордovorотов-охранников. Я встал к ним спиной, ребята засунули камеру мне подмышку и начали снимать. Гонец вошел. Работали мы минут пять.

Когда уезжали, я посмотрел в машине в зеркало и увидел свое спокойное лицо.

— Странно, — подумал я, — кажется, я потерял

страх. Это плохой признак. Значит, перестаю воспринимать действительность реально.

•••

Нам повезло — никто нас не заметил. И заказчики-эстонцы остались довольны.

После этого я сотрудничал с ними еще около года. Суд они благополучно выиграли, отсудив у хиленького «Ойла» триста миллионов долларов. Эстонцы даже хотели открыть для меня свое представительство в Москве. Хельдур тогда начал заниматься «откачкой мозгов» из России. Он подготовил рекламу о том, что собирает ученые кадры в нашей стране, ищет новые разработки. Авторам лучших из них он хотел предложить большие гонорары и гранты.

Когда он попросил меня разместить эту рекламу, как он выразился, в «секретных» городках России, я ответил:

— Где у нас «секретные» города — я не знаю. Этим, наверное, должно заниматься ЦРУ. А я не буду.

Через неделю мое финансирование закончилось. Мы расстались. Но деньги у меня оставались.

•••

А тут и майские праздники подоспели. Я решил тряхнуть стариной — поехал на машине в Питер и по северным городам. Я давно мечтал о таком путешествии.

•••

В Питере душа отдыхала. Гулял по могучей Петроградской стороне. Такого величия архитектуры я не видел ни в одном городе мира.

•••

Заехал в Кронштадт. Зашел в какое-то кафе. Котлета — 7 рублей. Чай — рубль. Купил. Поел, попил. Что удивительно — остался жив.

•••

Доехал до Вологды. Был в монастыре. Познакомился там с одним священником. Разговорились. Речь зашла, в частности, о поэзии, об использовании современными поэтами нецензурной лексики в стихах.

Священник сказал:

— Пушкин, значит, обходился без мата, а современные авторы не могут...

Я удивился:

— Пушкин-то как раз здесь, по-моему, не пример. Вспомните хотя бы «Телегу жизни»...

Священник ответил мудро:

— Нам интересен Пушкин периода своего расцвета, своими лучшими работами... Так и на людей надо смотреть. Вот Мария Египетская была грешницей, а стала святой. А что касается Александра Сергеевича, то ведь до сих пор ведутся споры, кто написал «Гаврилиаду», и точного доказательства, что — Пушкин, — нет.

•••

Замечательный город Великий Устюг. Время в нем замерло, как ложка в хорошей деревенской сметане.

•••

В городе Кирилове, который стоит на берегу величественного огромного озера, зашел в рыбный магазин. На прилавке лежали какие-то полутухлые сельдки. Выбора никакого. Видимо, вся рыба в Моск-

ве. Недавно заходил в магазин на Новокузнецкой — там целый рыбный город.

•••

В Кичменгском городке познакомился с замечательными людьми — отцом Сергием и Галиной Ивановной (сотрудницей Администрации города). Отец Сергей (он закончил истфак Вологодского пединститута) не только служит в храме, но и создал городской музей. Галина Ивановна помогает молодым поэтам — содействует в издании их книжек.

Разговорился с отцом Сергием.

Он посетовал:

— Страшная беда — пивной алкоголизм. Пьют все. И стар, и млад. А «Джин-тоник» — вообще погибель. Я как-то раз попробовал и обмер: это же водка, только лимонадиком разбавленная. Как остановить нашу общую беду? Неужели в Москве никто о нации не думает?

•••

Галина Ивановна пригласила к себе в Администрацию. Деревянная изба, на стене портрет Ельцина.

Я попросил минералки.

Галина Ивановна взяла ковш и зачерпнула из ведра.

Чудо!

•••

Ездить по Северу здорово. Красота неопишная — леса, поля, реки, озера, небо, сливающееся с землей, храмы...

Ездить по Северу страшно — заключенные избы, множество спившихся людей...

Почему же мы так живем?

•••

Через неделю я вернулся домой. Никто меня не искал. Еще оставалось несколько каникулярных дней. Я решил смотаться в романтичный и родной город Кубиково.

ГЛАВА 14

Кубиково

В этом загадочном райцентре, состоящем, по-моему, из одной центральной площади (где соединились воедино Горком КПСС — теперь Администрация города, величественный храм, магазины, милиция, школы и т.д.), я прожил пять долгих лет. В этом райцентре родилась и выросла моя жена Наташа (увы, теперь бывшая), здесь родилась моя прекрасная дочка, здесь я постигал прелести спокойной размеренной провинциальной жизни.

Я не был к тому времени в Кубикове восемь лет.

•••

Один из самых мощных комплексов человека — комплекс провинциализма. Сильный индивид, живущий в глубинке, постоянно ставит перед собой новые территориальные задачи. Сначала нужно покорить областной центр, потом — Москву, потом — и вовсе за границу. Кто в Москве верховодит в политике, бизнесе, культуре? В большинстве своем — провинциалы. Москвичи, равно как и коренные, рожденные в Штатах американцы, ленивы и нелюбопытны, избалованы и инертны. Их участь — диван и телевизор. И — сетования на злоещее несовершенство мира.

Уверен, что если бы в свое время я не оказался в глубокой кубиковской глуши, я бы не достиг в жизни вообще ничего. Тщеславие — двигатель человека. Сначала я должен был доказать своим товарищам

по литературному кружку, что я что-то значу как писатель (а этого русскому литератору можно добиться только в Москве), потом, когда престижнее всего стало быть богатеньким бизнесменом, я стал добиваться некоторых успехов именно на финансовом поприще. Практически во всех своих начинаниях я поднаторел. Начиная с двадцати трех лет, я печатался в толстых журналах как стихоплет, обо мне писали в центральных газетах, к тридцати годам я имел двухкомнатную квартиру в центре Москвы, благоустроенную дачу, хорошую иномарку... И все это я получил благодаря... своему комплексу провинциализма, благодаря заложенному в каждом самце элементу соревновательности. Я должен был доказать своим провинциальным приятелям, что я круче их.

Спустя годы я понял — насколько все это смешно и убого. Но тогда, в конце восьмидесятых, когда я навсегда уезжал из сытой провинциальной жизни (теща работала главным гинекологом города), я действовал неосознанно, интуитивно, повинуюсь природным инстинктам.

И вот прошло восемь лет. Я шел по родному городку не как триумфатор, добившийся чего-то в жизни, а как человек, ощутивший впервые за последние годы спокойное, размеренное дыхание провинциального уюта. На первый взгляд в нашем городке изменилось не многое. Так же, как при Советах, была открыта церковь, только теперь там служил бывший одноклассник Наташи. Так же функционировал горком партии, только теперь он торжественно назывался Администрацией. Даже люди в этом большом сером здании работали прежние — таблички на кабинетах менять не пришлось.

•••

весь новый, не особенно нужный ширпотреб был представлен.

По-прежнему самым оживленным, центральным местом города оставался рынок. Теперь за его прилавки встали практически все обитатели Кубикова. Заводы и фабрики дышали на ладан. Зарплату людям не платили месяцами, а если и платили, то исключительно производимой продукцией — нитками, макаронами... Учителя и медсестры, колхозники и милиционеры... в с е чем-то торговали.

Я прошелся по рядам.

Остановился у лотка с кассетами, компакт-дисками.

— Женька, стой! — Неожиданно хлопнул меня по плечу низенький продавец. — Какими судьбами?

Это был Сережка Саев, мой старинный дружок, выпускник областного технического университета.

Мы стояли с Сережкой и трепались.

— Вот уже полтора года я за прилавком, все выходные здесь, — рассказывал молодой коммерсант, — кстати говоря, к вам в Москву езжу почти каждую неделю. Немножко погода опять поеду. Мы там с другом, извини, с компаньоном в «Горбушке» покупаем диски, потом их переписываем (конечно, нелегально) и продаем.

— А лицензия у тебя есть?

— Нет. Но я образовал ИЧП. Каждый месяц плачу налоги Администрации города. Хотя, честно говоря, навар у нас небольшой.

— А как же основная работа, ты ведь был мастером на кожевенном заводе?

— Завод стоит, денег не платят. Но мы все равно ходим, хотя вот уже полгода зарплату не выдавали. Живем с рынка и дачи. И, в общем, я считаю, неплохо живем. Участок у меня сорок соток, все свое — картошка, капуста, кабачки, помидоры, огурцы, яблоки. Летом консервируем. Готовимся к зиме.

— А в Москву-то совсем перебраться не хочешь?

— Да ты что?! Посмотрел я на вашу Москву — столько бомжей, нищих, грязи!.. Не хочу. Это поначалу мне по-кайфу было туда приезжать, а сейчас езжу строго по необходимости, по работе. Мечта у меня другая — построить здесь дом. Не дачу, как у вас там, в Москве, за сто километров, а дом, чтобы в нем постоянно жить. У нас здесь уже многие построили.

Мы начали прощаться с приятелем, договорились еще встретиться.

— Ну бежи, бежи! — сказал Сережка. — Ты небось, как все москвичи, торопишься. Вы всегда куда-то летите.

•••

Я остановился у своей бывшей тещи Эммы Сергеевны, с которой, несмотря на то, что мы разошлись с ее дочкой, сохранил прекрасные, дружеские отношения. Наталья с Настей жили в Германии, а мы жили здесь, в России, и частенько перезванивались. Я нередко находил возможность послать ей денежный перевод. Теща меня всегда приглашала пожить у нее. Вот я и приехал.

Она выделила мне комнату и сразу стала хлопотать на кухне, готовить свои несравненные борщи, котлетки, жареную картошку.

•••

Я ел, смотрел телевизор и принимал, как барин, гостей.

Вечером нагрянул вечный тещин собеседник Виктор Алексеевич Кривов, врач санэпидемстанции, местная достопримечательность.

Первым делом Виктор Алексеевич прошел на кухню, по-хозяйски налил себя чайку и тут же на-

чал свой извечный монолог. Говорил он всегда примерно об одном и том же.

— Женья, что же у вас в там, в Москве, делается? Всю власть и в политике, и в культуре захватили евреи. Какую программу ни включу — везде знакомые лица. Шендеровичи, Якубовичи, Новожиновы, Лившицы, Яромольники... Недавно выступал драматург Рошин, так и тот, оказывается, Гибельман.

— Но ведь и других физиономий хватает. Киселевы, Доренки, Парфеновы...

— А эти еще хуже евреев. Это скрытые евреи. Ты вообще, знаешь, что евреи — это не нация?

— А что же?

— Организация. Организация, возглавляемая зверем. Только в одной религии мира, в иудаизме, нет веры в загробную жизнь. Принцип иудеев: все надо успеть сделать на земле. Отсюда и методы, которыми они действуют, — беспощадные, кровожадные, алчные. Кстати говоря, ты обратил внимание, что все евреи очень разнообразны. Одни из них — типичные монголоиды (посмотри, например, на Розенбаума), другие истинные европейцы (тот же Лившиц), а есть вообще негры-евреи.

— Это кто такие?

— Негры-иудаисты. Они-то черные, а религия у них еврейская.

— Виктор Алексеевич, — испуганно отбивался я, — Лично мне евреи ничего плохого не сделали. А про вашу теорию я уже слышал. Причем от одного настоящего нью-йоркского еврея, нашего бывшего земляка Чубатова. Но это вовсе не значит, что евреи плохие. Будь они белые или черные. Они, кстати, мне помогли не только словом, но и делом, в отличие от братьев-славян.

— Вот поэтому ты их и защищаешь. У них очень мудрая тактика — прикармливать лучших предста-

вителей иных народов, подкладывать им в кровать своих девушек.

— Если они такие умные, то я просто снимаю перед ними шляпу. Если все беды огромного и великого русского народа происходят из-за кучки евреев, то какова же цена самому русскому народу?

— Э, да ты сам, кажется, проевреенный, — мрачно заключил Виктор Алексеевич. — Жаль, я-то думал ты настоящий православный человек.

— Что-то я не помню, чтобы православные ненавидели евреев. Ведь сказано в Писании — «несть ни элина, ни иудея». Ведь перед Богом все равны. Нет?

— Это сказано совсем в другом смысле. Чисто в географическом.

— ?

— В общем, тебе надо пожить здесь, у нас, подольше, походить ко мне в гости, пропитаться духом провинции, тогда ты многое поймешь. И уже не будешь со мной спорить.

После этого Виктор Алексеевич начал пить чай с купленными мной конфетами, и они с Эммой Сергеевной завели разговор на медицинские темы...

ГЛАВА И

МОСКВА

Я пробыл в Кубиково три дня и вернулся в Москву. Практически все свои доллары, заработанные у эстонцев, я решил отдать дочери. И перевел их на ее счет в Германии.

Малышкин продал свой журнал «Окраина» Издательскому Дому «Предприниматель». Пришли новые хозяева. И меня, разумеется, освободили от должности директора по рекламе. Становиться обычным менеджером я не захотел и написал заявление по собственному желанию.

Я вновь начинал жизнь с нуля. Финансового.

Мой старинный приятель Леша Андроньев, директор издательства «Кремлевские куранты», предложил мне место обозревателя в одной из своих газет. Денег он положил даже больше, чем платили в «Окраине» — и я согласился. Газета называлась «Кулак — оплот капитализма».

•••

Неожиданно я получил новое письмо от Леры. Она писала так, как будто опять хотела меня видеть.

ПИСЬМО ЛЕРЫ ГУСТАФСОН

Женька, дорогой мой, родной, привет!

*Только что узнала, что смогу передать тебе письмо
и сразу же пишу.*

Уже ночь, в Нью-Йорке холодно, а у меня в квартире и по-
давно и не от того, что открыто окно, и я заглатываю этот
холодно-морозный воздух, а потому что рядом со мной, на «на-
шем диванчике», нет тебя, такого милого, родного, драгоцен-
ного, любимого человека, единственно-неповторимого в целом
мире и без которого мне так тоскливо, одиноко и безысходно.
Ищу рукой рядом, смотрю на пустоту около себя, на это хо-
лодное ложе, прижимаюсь щекой к твоей подушке — нету! Ну,
где же ты в этот час, опять на другом полушарии и у тебя уже
7 часов утра следующего дня, как же это далеко. Расстоянием
отделены и временем, а соединены всем остальным. Тоскую, то-
скую без тебя, а жизнь идет, летит и пролетает мимо, оста-
ется только мечтать...

И я улетаю мечтами к тебе, и вижу тебя, и себя, мы вмес-
те, все равно где — в Москве, на море, в тысяче других городов,
но в м е с т е, и я даже вижу твою дочку, а, может, и нашу, и
всех других твоих родных и мне поэтому родных и дорогих лю-
дей. Вспоминаю, вспоминаю и мечтаю, это — прекрасно! Мы
были вместе в Нью-Йорке на Новый Год и на Рождество, и на
Старый Новый Год, и в Москве, и на море, а что готовит нам
будущее? Не знаю, что будет, но чувствую, что будем вместе,
не знаю, надолго ли, но хочу навсегда, не знаю когда, но хочу сей-
час и всего сразу и много, и тебя — очень! Прижимаюсь губами
к твоим губам, ищу их и целую, не отрываясь, и в то же время
тихо, мне так нравилось целовать тебя, любить твои губы,
они такие тонкие, но потрясающие в поцелуе, это меня очень
удивляло, и я даже, когда тебя целовала, проверяла языком —
действительно, тонкие, а такие всеобъемлющие, меня всю по-
глощающие, и как это тебе удавалось так заполнить меня, всю
захватить, перелиться и продолжиться во мне? Пишу такие
длинные предложения, как шарф вяжу, обвязываю шар, протя-
гивая нить к тебе, так не хочу останавливаться, говоря о те-
бе, хочу связать длинную лестницу, сан-францисский
мост и добраться до тебя, ощутить, прижаться к тебе
и раствориться в тебе. И вот ты уже рядом со мной,

опять — я открываю дверь ключом, а ты идешь навстречу, из комнаты, заполняя собой мой узкий коридор, улыбаясь всегда чуть виновато, как только ты можешь. И теперь я говорю: «Здравствуй!»

Мой день и эти дни без тебя забыты. Я в твоём мире, сегодняшней ночью я живу тобой, ощущая тебя, улыбаясь тебе, дотрагиваясь до тебя. Мечта — реальность. Реальность — мечта. Ну, как ты, родной? Что с тобой произошло за эти недели без меня? Я жду тебя, все время пытаюсь и порываюсь тебе звонить и отговаривая себя, что тебя наверняка нет дома (когда ты точно бываешь?), я хочу тебе звонить, когда я хочу, а не по расписанию, что это такое?, хочу звонить, когда умираю от желания тебя услышать и борюсь с собой, ты же знаешь, какая я сильная, и я всегда побеждаю (или проигрываю?), наступив на себя, как следует, каблуками. (Кстати, Игорь Палкин признал мою моральную силу, за столько лет он ее не видел, а сейчас он мне сказал, что я стала очень сильной женщиной. И прибавил: морально. Он — несчастный, ему не придется проверить мою физическую силу.) А физических сил много, поэтому я работаю и работаю, а что еще остается делать, когда тебя нет?

Завтра вечером у меня социологический семинар, встречусь со многими интересными людьми, в среду вечером иду смотреть балет в центре Линкольна (Lincoln center), а в четверг — просмотр фильма «Used people» — «Использованные люди», с Марчелло Мастроянни и Ширли Маклейн в главных ролях. Мы сейчас ходим на просмотры фильмов с моей подругой по колледжу Элизабет Парк, она член Союза Кино (американского) и перед выбором на премию «Оскар» может смотреть все фильмы бесплатно, последнее распространяется и на меня, если я с ней. Прошлую неделю мы посмотрели потрясающий фильм «Scent of a woman» — «Запах женщины» — с Эль Пачино, который играл роль сына в «Крестном отце». Фильм произвел на меня сильное впечатление и дал несколько тем для размышлений, в частности, я пришла к заклю-

чению, что буржуазное общество, где происходит более глубокое развитие человека как индивидуума (в отличие от сов. соц. общества, где более развивается группа индивидуумов и положение к а ж д о г о внутри этой группы), дает более поразительные результаты при соприкосновении двух людей (независимо от пола), я бы сказала, более глубокие ассоциации и взаимоотношения... В социалистическом обществе человек как индивидуум более нивелирован и однозначен, из-за того что общество более однозначно, и в этом колоссальное отличие людей, выросших в кап. мире и соц. мире, при двух разных системах и т.п., я об этом еще должна думать, тра ля ля. Ну а каков результат отношений двух индивидуумов из разных социальных обществ и групп, мы уже убедились на нашем примере, и этот о п ы т очень для меня интересен, наверное, еще и потому, что я непосредственная участница.

Недавно я сделала еще одно открытие — думаю, что раньше я жила в Греции, и это знание пришло вдруг ко мне само и не уходит, и стоит мне закрыть глаза и настроиться, как я вижу себя в жарком климате, в городе с белыми домами и красными черепичными крышами, и на воде очень голубой, просто синей, и кожа у меня загорелая; теперь я знаю, почему так люблю пляж, и загар, и белые одежды, и т е б я, так как ты был со мной и тогда, да? А сейчас все время уезжаешь и ускользаешь, почему?

Мой дорогой baby, как же я скучаю по тебе, совсем не могу не чувствовать тебя так долго. Поэтому я стараюсь делать все, что в моих силах и не в моих, чтобы скорее увидеть тебя, а ты все такой же ко мне, тебя никто не похитил, нет? — одна мысль об этом меня делает больной, если не убивает.

Когда ты уехал, я целую неделю не могла прийти в себя, заболела морально, была сама не своя, как будто ты увез меня с собой, а здесь осталась одна оболочка, но и это прошло, и сейчас я опять весела и жизнерадостна, всем улыбаюсь и всех люблю, но тебя все равно больше всех. Я тебя целую всего, всего, особенно твое прекрасное тело, которое так

люблю, — ...и прикасаться и смотреть... Напиши мне ответ, его можно передать с женщиной, которая уезжает 20 мая.

Напиши подробно о себе, кстати, я рада, что твои статьи напечатали.

Послушай, может быть, надо жить проще? а?

Как все завязано, переплетено, одно от другого зависит, почему так?

Я вот завишу от тебя.

Да?

Целую, целую, люблю и ничего не боюсь,

Твоя Лера.

•••

У меня начинала ехать крыша. Я не мог понять, как же Лера на самом деле ко мне относится. Любит? Или любит только на бумаге? Я хотел быть с ней, но она была далеко. Я хотел спать с ней, но рядом находилась Нелька. Я хотел удрать в Нью-Йорк, но не мог отважиться принять окончательное решение. Я не мог понять, как я сам отношусь к Лере.

•••

Случилось несчастье.

Мой бедный старший брат пропал без вести. Или сгорел? Или ушел куда глаза глядят? Или его украли инопланетяне?

Он жил один. На даче. Шабашничал, помогал строить другим дачникам дома. Заработав деньги, тут же их пропивал. В день он выпивал пять-шесть бутылок водки.

Домик, в котором он жил, сгорел. Приехали

врачи, милиция, я с моими несчастными родителями. Обгоревшего трупа, останков брата не нашли. Хотя еще догорали переплетенные отцом книги. Как бы там ни было — брата нет. Он считался у нас в семье неудачником. В этом земном мире он не нашел себя. Ничто его не интересовало. Он создал свой — ирреальный! — мир. Средство для этого он выбрал самое простое — водку.

Господи, мы с ним одинаковы. Только у меня вместо водки компьютер. Я тоже создаю ирреальный мир. Реальность не устраивает и меня. Я тоже живу один.

Господи, спаси и сохрани моих родителей!

Газета «Кулак — оплот капитализма», куда меня определил Леша Андроньев, меня вполне устраивала. Я выдавал одно интервью в неделю, мне за это платили приличные деньги. Самое главное — я не ходил на работу, был полностью свободен.

Интервью я делал с артистами, писателями, художниками, политиками — с различными интересными людьми.

Правда, после примерно месяца работы мне они перестали быть интересны. Все говорили одно и то же. Видимо, я их так плохо обо всем расспрашивал. Я начал подумывать, как бы скорее удрать в Нью-Йорк.

Виза у меня была трехгодичная, Лера приглашала. В Москве серьезного дела для меня не предвиделось. Словом, я стал собираться в Америку.

Но тут как на грех познакомился с одной сексапильной дамой, которая оказалась франкофонкой. Она начала с такой любовью и нежностью вспоминать о Париже, что примерно через полчаса общения с ней я, легкомысленный московский дурень, решил:

— Еду в Париж.

Для этого, надо заметить, были определенные

основания. Французский язык я знаю намного лучше английского. Кроме того, Париж намного ближе Нью-Йорка. Ближе и к Москве, и к Грифенроде, городочку, где жили моя дочь и бывшая жена.

Я начал готовиться к отъезду. Узнал, что для того, чтобы получить визу во Францию и журналистскую аккредитацию, нужно заручиться письмом из редакции, в котором главный редактор гарантировал бы направляемому в Париж корреспонденту зарплату.

Я сам написал письмо от имени редактора, пришел к Леше Андроньеву. Он тут же это письмо подписал. И даже пообещал мне, что сохранит зарплату.

В посольстве меня попросили показать письмо и журналистское удостоверение. И — буквально через час выдали визу на три месяца.

— После того как проживете во Франции три месяца, мы поставим вам визу на год, — сказали в окошечке.

Я не возражал.

Купил страховку, билеты на автобус, договорился с одним своим знакомым парижанином, что поживу у него несколько дней, прежде чем найду квартиру, и отправился в Париж. Лере написал, что уехал по делам во Францию.

Денег у меня было две тысячи долларов. На три месяца.

ГЛАВА VI**ТАРИЖ**

Я поселился у своего давнего приятеля Тьеры Супеза, старого холостяка, работавшего в аппарате премьер-министра Франции. Тьеры жил один, все время проводил на службе. Домой приходил только спать, и его просторная трехкомнатная квартира (он ее снимал) фактически пустовала.

Договорились, что я поживу у Тьеры неделю.

Я начал искать жилье. Найти его оказалось совсем не просто. Жилье сдавали сразу на год. А я искал квартиру все-таки на три месяца. Цены кусались. За какую-то жутковатую, десятиметровую (общая площадь) квартирку на Монмартре с меня хотели содрать триста «баксов», за пятнадцатиметровую комнату в районе площади Звезды — пятьсот. Причем, все хотели залог в размере двухмесячной оплаты. Я начал думать о пригороде. Поделился своими чаяниями с Тьеры.

Он замахал руками:

— Что ты, что ты — это так опасно! Я несколько лет снимал в Грини, это пятнадцать минут езды на рэре с Лионского вокзала, так там просто невозможно жить, молодые арабы могут убить.

— В каком смысле?

— В прямом. Масса смертельных случаев. А не убьют — так покалечат или другой вред причинят. Приедешь на машине — шины проткнут.

Я перепугался. Но решил все-таки проверить.

Сел на электричку и поехал в Грини. Кстати говоря, в те края я хотел попасть давно — неподалеку

от Грини находится знаменитое русское кладбище Сент Женевиьев де Буа.

Приехал в Грини. Рядом с платформой увидел высокие бетонные ухоженные дома. На каждом подъезде красовался домофон.

Я нашел риэлтерское бюро. Вошел. Разговорились с менеджером. Он, разумеется, начал заверять меня, что жизнь в городе спокойна. Цены на жилье стабильны. Снять студию можно даже за двести долларов. Малогабаритную «двушку» — метров тридцать пять — продают примерно за тридцать тысяч «баксов». Покупаешь жилье — автоматически получаешь вид на жительство.

Парень попался разговорчивый. Оказалось, родом из Польши.

Агитировал меня очень активно.

— Ну что ж, если вы рекомендуете, — сдался я, — наверное, буду покупать. Тем более что и русское кладбище здесь рядом. Не надо будет потом особенно тратить на перевозку...

Мы посмеялись.

На прощанье он дал мне визитку и призвал сотрудничать только с ним.

Я пошел погулять по городку, увидел старинную готическую церковь, речку, небольшие особнячки, магазинчики. Мне понравилось. Мне показалось, что я мог бы там прижиться.

Жалко только, что денег у меня тогда не было.

•••

Вернувшись в Париж, я ошарашил Тьери своим восторженным рассказом о Грини.

Тьери посмотрел на меня печально и красноречиво. А потом неожиданно изрек:

— Лучше живи у меня все три месяца. Или есть

другой вариант — как это я раньше о нем не подумал? — сними дешевый отельчик. Их в Париже навалом.

Я начал искать отельчики. В бесплатных парижских рекламных газетах, типа «Paris Voum-Voum», полно объявлений о сдающихся меблированных комнатах. Я сделал несколько телефонных звонков, но не попал на хозяев — а служащие решений не принимали. Я понял, что тактику нужно менять. Стал гулять по городу, по ходу дела заглядывая в такие гостиницы. Или выписывал в газете адрес и ехал на место.

•••

Есть гостиницы пятизвездочные, четырехзвездочные, трехзвездочные, двухзвездочные, однозвездочные. И есть отели вовсе без звезд. Вот в них-то я и стал искать себе прибежище.

Зашел в один такой отельчик, расположенный в районе площади Звезды. В свободной комнате — метров семь-восемь. Вонючка, мусор, грязное белье.

— Жилец только-только съехал, — объяснила консьержка. — Вам повезло. Всего за две тысячи франков (это долларов триста пятьдесят. — **Е.С.**) у вас будет жилье в центре. Кроме того, мы разрешаем готовить пищу.

— А телефон есть?

— Нет, телефона нет. Ни в номере, ни вообще в гостинице.

— Если я сниму жилье на полгода, будет скидка?

— Нет, у нас и так самая низкая цена в городе.

Этот отель меня не вдохновил, и я стал искать другие. В районе метро «Сталинград» поляки предложили за три тысячи франков замечательную комнату с телефоном, чистенькую, ухоженную, но с туалетом на этаже.

Арабы в том же районе предложили комнату за

тысячу — но, разумеется, без туалета, телефона и на последнем, мансардном этаже.

Я тоже не согласился.

•••

О своих неудачах я рассказывал Тъери. Он меня, как мог, утешал. По вечерам мы пили виски и смотрели скучнейшие шесть каналов французского телевидения.

— Главное, — учил меня Тъери, — не выбери отель в арабском районе, иначе житья тебе не будет. Избегай твоего любимого Монмартра, там, в районе Барбес, самые опасные места. Шум-гам и днем, и ночью.

Вооруженный наставлениями товарища, утром я уходил на поиски жилья. Искал, искал. И нашел. В районе площади Италии.

Молодой хозяин отеля-ресторана-бара предложил мне, как он выразился, две милых комнаты с прекрасным видом. Мы поднялись на второй этаж.

Я увидел примерно двенадцатиметровую комнатку, где размещались кровать, стол и шкаф для одежды.

— А где же вторая комната? — удивился я.

— Это ванная и туалет, — сказал на полном серьезе француз.

Я понял.

И все-таки я согласился. Даже несмотря на то, что в комнате не было телефона. Во-первых, я люблю площадь Италии, во-вторых, мне понравилось, что в комнате было достаточно чисто и уютно. И главное — туалет, ванная...

Я еще поторговался. Немного снизил цену. Сговорились на трех тысячах франков (это примерно пятьсот «баксов») в месяц.

На следующий день переехал.

Как только отдал деньги — сразу за два месяца — француз сказал бармену что-то на непонятном

языке. Как потом выяснилось, на арабском. Я стал жить в арабском отеле. «Командовали парадом» в нем выходцы из Алжира.

•••

Началась новая жизнь. Включил электрический чайник, чтобы вскипятить воду — пробки тут же вылетели.

Побежал к Язиду, хозяину. Его не оказалось. Другой — пожилой алжирец — прорычал с чудовищным акцентом:

— Конечно, если ты будешь готовить еду в комнате — пробки будут вылетать. Не готовь еду — не надо. Иначе возникнут проблемы.

Увы, не готовить еду я не мог — питаться в рестораничках и даже в «Макдоналдсах» было не по карману.

Выход из положения я нашел. Наливал в чайник полтора стакана воды и включал его. Вода успевала закипеть, прежде чем вырубались пробки.

Поскольку холодильника в номере не было, я покупал в магазине продукты на каждый день. Нарезную колбаску по десять франков, сыр, йогурты... Делал и основательные закупки — растворимую картошку, неочищенный арахис, конфеты, простую воду в бутылках, чай... В месяц на еду я тратил примерно пятьсот-шестьсот франков, где-то около сотни долларов.

Подкрепившись, гулял по городу. Я объездил многочисленные достопримечательности, изучил все окрестности, понял, что Париж — тоже продукт «PR», город, в котором крепкими пиарщиками-профессионалами — Гюго и Хэмингуэем, Эренбургом и Миллером... Того Парижа, о котором я читал в книжках, увидеть не удалось. Его просто не существовало. Я

увидел город, где жило очень много бедных людей, едва сводящих концы с концами, город, где европейцы чувствовали себя, по-моему, расовым

меньшинством, город, где квартирка общей площадью двадцать квадратных метров торжественно называлась студией...

Я понял, что Париж — выдумка, фантом, иллюзия. Однако к третьему месяцу жизни в этом городе я уже начинал думать на французском языке, менялась моя артикуляция — менялось лицо. Я становился, как все. И начинал любить этот город как самого себя. Он становился частью моего ego.

•••

Забежал в метро. Увидел, как менты «прессовали» профессиональных побирушек, стоящих на коленях на полу... Обычно эти нищие женщины, закрыв лица платками, нервно трясли руками — просили подаяние.

На сей раз их лица (оказалось, это молоденькие восточные девушки) были открытыми. Девушки пререкались с полицейскими, требовали, чтобы их оставили в покое и дали заниматься их нелегким бизнесом.

•••

Латиноамериканцы — целый многолюдный ансамбль! — играли свои зажигательные песни.

•••

Я ехал на Монмартр. Несмотря на все выпады Тьерри, Монмартр оставался одним из моих любимых мест. Вошли какие-то оборванные персонажи и начали (на французском языке!) знакомую речь:

— Извините, мы не отсюда, нам нечего есть.

Прозвучало это почти, как «Мы сами не местные»...

•••

Лежа на своей выдавшей виды железной кровати, смотря на обшарпанный потолок и стены, по которым бегали жирные, красные парижские тараканы, я слушал крики молодой семейной алжирской пары, жившей за стеной. Эти крики меня очень... радовали. Я не был одинок. Обычно же я оставался один на один с самим собой. И данная компания меня сильно угнетала. Я вспоминал все свои п(р)оступки, всю свою жизнь и о с о з н а в а л, как много в ней было мерзкого, мелкого, бездарного, некрасивого...

Я вспоминал, как трусил, воровал, обманывал, добиваясь — любой ценой! — своего. Как выживал, а не жил. Вспоминал все. С самого детства. И мне становилось страшно. Невыносимо тяжело.

Я вставал, одевался и убегал в город, который спасал меня своей архитектурой, своей божественной французской речью, пестротой витрин, выставками разврата... Я приходил в католические храмы и на Сен-Дени. И в церкви, и на улице порока мне было хорошо.

•••

Гулял по роскошному пятому кварталу. Зашел в величественный храм, постоял, внутренне помолился, почитал объявления на стенах — люди предлагали свои услуги в качестве преподавателей, сиделок, грузчиков. Работы не предлагал никто. Я вышел из храма, побрел по улице.

Били фонтаны, рыночные торговцы пытались продать морепродукты, я глазел по сторонам, заглядывал в окна квартир, где торчали деревянные перекрытия и красовалась старинная, дедовская мебель. Я зашел в букинистическую лавку, почитал французский сборник Татьяны Щербины, страстную любовную

переписку Дягилева и Нижинского. Потом заглянул на улицу Святой Женевьевы, в русский книжный бутик Никиты Струве. В этом магазине я тоже читал объявления, а также свежие московские газеты и журналы, просматривал книги. Полистал «Тетрадь Вероники» Геннадия Айги. Поразили не только стихи поэта — многое у него действительно интересно! — сколько то, что Вероника — его шестой ребенок. Молодец — мужик. Выиграл битву со смертью. И стихи тут ни при чем.

От магазина Струве минута ходьбы до набережной. Посмотрел развалы букинистов. Миновал Нотр-Дам, фонтан Кандинского, центр Жоржа Помпиду и вышел на Сен-Дени.

Я шел по этой улочке, вокруг красовались порно-шопы, пип-шоу. В глубине улицы прогуливались девочки, выставив напоказ свои силиконовые, точно надутые, груди.

•••

Завел разговор с одной весьма аппетитной негритяжкой.

— Привет.

— Привет.

— Как дела?

— Все хорошо.

— Сколько?

— Две тысячи франков — час.

(Это примерно триста долларов.)

— А скидка возможна?

— Возможна. Максимум — на пятьсот франков.

— А если я тебя покупаю на всю ночь?

Пауза. У девицы от удивления отвисла челюсть. Она строго посмотрела на меня — явно оценивала мои физические возможности...

Поняв ее смущение, я, точно оправдываясь, начал упражнения в саморекламе:

— Ты не смотри, что я такой хлипкий на вид, русские себя в деле привыкли показывать...

— Так ты русский?

— Да.

Девица молчала полминуты. Это очень долго.

Потом она сказала:

— Можно договориться за две с половиной тысячи. Но ты точно хочешь провести со мной всю ночь? Такое предложение мне поступает впервые.

•••

Ночь я с этой девушкой не провел. Но цены узнал.

•••

Потом я продолжил прогулку по Сен-Дени.

Подшел к безукоризненно красивой блондинке. Поздоровался. Не мудрствуя лукаво, тут же спросил:

— Сколько?

— Что значит, сколько? — неожиданно обиделась девушка.

— Ну, сколько ты стоишь?

— А я вообще сексом не занимаюсь...

— Что же ты тут ошиваешься?

— Я могу за триста франков показать стриптиз.

•••

Следующая девушка за те же триста франков предложила мне сделать в с е до самой смерти.

Чей смерти — девушка не уточнила. Я, впрочем, и сам догадался...

•••

Вечером я позвонил Тьери и попросил его разрешения заехать, чтобы забрать некоторые свои вещи. Тьери пригласил меня к девяти часам.

Мы пили пиво и разговаривали. После второй кружки моего приятеля развезло. Он начал делиться со мной интересной информацией.

— Ты знаешь, — сказал Тьери, — а я видел схемы управления Россией — экономикой, политикой, СМИ. Там четко расписано, кто реальный хозяин, скажем, НТВ, ОРТ, других крупных структур.

— Да это и так известно, — засмеялся я. — Гусинский контролирует НТВ, Березовский — ОРТ.

— Это не так, — возразил чиновник. — Те, кого ты назвал, — всего лишь менеджеры, исполнительные директора. Но далеко не хозяева. Подобная ситуация во всех странах. Даже премьер-министры — всего лишь исполнители. А ключевые решения принимает мировой Капитал (в России в основном американский), крупные династии предпринимателей, которых мы иногда даже не знаем. Если же человек все время мелькает в экране, если он постоянно на виду — запомни: он уже не ключевая фигура. Настоящий хозяин всегда в тени.

Потом мы еще долго пили, разговаривали о политике и бабах, смотрели телевизор.

Поздно вечером я поехал домой, в свой беззвездный отель.

•••

Утром болела голова, я пошел в магазинчик, купил упаковку простой воды. И дома сразу выпил целую бутылку. Надо было как-то себя занять. Но как? К тому времени я обошел пешком едва ли не весь город, отснял километры фотопленки, посетил все бесплатные музеи.

Я решил смотаться на блошинный рынок, расположенный возле станции Porte Glinancour. Этот рынок был одним из моих постоянных развлечений... Я ходил туда порой совсем без денег, просто поболтать, поторгаться, попрактиковаться во французском языке. Там, на рынке, меня встречали такие же бедняки, как я сам. И они мне, конечно, были ближе и роднее господ с Елисейских Полей.

Продавали на нем буквально все. От газет до старых диванов. Цены на рынке не отличались дороговизной. Транзистор мне как-то предложили за 25 франков. Порно-журналы толкали по 10-15 франков, дубленки по 200-250... Короче, все намного дешевле, чем обычно... Но и вещи, конечно, чаще всего не новые.

На этом рынке были и большие многопрофильные магазины, и специализированные бутики, где продавались сувениры, мебель, антиквариат, военные товары, оружие, обмундирование армий СССР и США... Много лотков с кассетами, компакт-дисками, игрушками...

Я приехал на рынок, пошел по рядам. И заметил продавца, торгующего военной советской атрибутикой — морскими кокардами, погонами...

Спросил у него:

— Вы не из России?

— С Украины...

Мы как-то сразу понравились друг другу. Разговорились. Николаю 30 лет. Из них семь — в Париже. Восемь месяцев живет здесь, четыре в Киеве. Украинец. С понедельника по пятницу работает переводчиком в какой-то французской фирме, а на рынке подрабатывает.

— Я здесь много лет торгую, но русских продавцов больше не встречал... Можно сказать (он улыбнулся), я — монополист. Мне здесь нравится, для меня это не только подработка, но и место общения... Я

встречался здесь с великими князьями, академиком Арбатовым...

— А рэкета нет? — поинтересовался я.

— Что ты?! — засмеялся Николай. — Здесь это не практикуется. Вообще условия работы на рынке божеские. За место я ничего не плачу, не проданный за выходные товар оставляю в палатке у приятеля-француза.

Потом разговорились и о личной жизни.

— Как переводчик я получаю пять тысяч франков, — сказал Николай. — Это минимум по-французским меркам. Живу у француженки. У нее квартира от работы...

— Ну, а как они, француженки, как женщины? — любопытствовал я.

— Да, такие же, как наши, — ответил бывалый Nicolas. — Только хуже. Думают только о работе и сексе. Все соки из тебя выжимают... Не знаю, может, мне просто не повезло. Но думаю все-таки, что моя история типичная. Трудно нам, славянам, с западниками... И юмор у них другой, и менталитет...

— А мне все равно здесь, в Париже, больше нравится, — как-то непатриотично сказал я.

— Я тебя понимаю, — ответил Николай. — У парижан есть замечательная особенность — никто из них не полезет тебе в душу. А уж если и залезет, то не постарается побыстрее в нее нагадить. Не то что мы.

Когда мы прощались, Николай подарил мне бутылку вина.

Я взял.

— Ты приходи сюда почаще! — сказал он мне на прощанье. — Я здесь каждые выходные. Поговорим.

•••

Вечером я выходил из отельчика на площадь Италии, звонил в Германию. Разговаривал с

дочкой и бывшей женой. У них все было без изменений. Наташа работала, развозила газеты, Настя училась в школе, занималась музыкой, готовилась к какому-то очередному конкурсу и писала рассказы на русском и немецком языках.

Наташа все спрашивала меня:

— Где же ты живешь?

— По-прежнему в отеле. Квартиры до сих пор не нашел.

Наташа не очень верила. Она, вероятно, думала, что я живу у какой-нибудь дамы.

•••

Лежа на кровати, читал журнал «Путешественники», который мне подарил редактор этого издания Марк Сергеев.

Читал и думал: «Бог ты мой, да все уже описано тысячу раз, все уголки земного шара исхожены, а мы, наивные романтики, все куда-то лезем. Все хотим кого-то удивить. Интересен и неподражаем в нашем мире только ты сам, твоя душа, душа другого человека. И более нечего. Все остальное уже известно».

•••

Где бы я ни жил за границей, всюду люблю посещать китайские районы. Как-то у них, у китайцев, все диковинно, экзотично... И толково.

В Париже китайцев очень много. Есть даже целые их районы. Например, недалеко от станции метро «Belle ville». В этом районе расположены самые лучшие обменные пункты. Доллары обменивают там по наивысшему курсу. Если где-нибудь на Елисейских Полях в ноябре 1997 года давали за один доллар 5 франков 45 сантимов, то в «Belle ville» — 5 франков 90 сантимов.

•••

...Недалеко от площади Италии тоже есть китайский квартал.

Прогуливаясь там однажды, я увидел в витрине агентства недвижимости объявление о продаже весьма недорогой студии. Несмотря на поздний час (восемь вечера) и субботу, агентство работало. Я зашел, сказал, что меня интересует.

— Давайте съездим туда завтра. — Предложил мне пожилой китаец. — В одиннадцать утра вас устроит?

Я согласился.

На следующий день поехали смотреть студию, которую я, разумеется, покупать не собирался — просто было интересно.

По дороге разговорились. Оказалось, что господин А (На) в Париже уже 26 лет. Беженец из Камбоджи, по национальности китаец.

— В Камбодже несколько языков: китайский, вьетнамский, кхмерский, — рассказывал мне собеседник. — Я на всех говорю. Ну и еще немножко по-английски и по-французски. А вы, значит, русский? (Он улыбнулся.) Никогда не бывал в России, но мечтаю побывать. Вы — мой первый русский клиент. Обычно из иностранцев обращаются только англичане и немцы. Сейчас конец года, бизнес идет хорошо. На предприятиях выплачивают премии, и люди охотно вкладывают деньги в недвижимость.

...Студия оказалась очень хорошей. В самом Париже, не в пригороде, на шестом мансардном этаже. Со всеми удобствами. Для мансарды такого уровня цена (27 тысяч долларов) была намного ниже, чем в других агентствах.

В общем, хорошие ребята китайцы — труженики. И живут правильно — вкалывают и размножаются. И вкалывают и размножаются. 21 век — за ними, у меня в этом сомнений нет.

•••

Удивительны парижские китайки. Чтобы просто полюбоваться ими — я мог специально приехать в «Belle ville». Странное, таинственное дело — у многих из них огромные глаза, европеоидные тонкие черты лица, длинные ноги.

В Париже я частенько вспоминал свою московскую беседу с певцом Юрием Лозой, который считает, что раньше, на заре человечества, все люди были темнокожими, а под воздействием климата и времени превратились кто в белых, кто в желтых...

Парижские китайки подтверждают теорию Юрия Лозы.

Может быть, это и в самом деле не бред?

•••

Вспоминал о Лере. Писал стихи.

•••

*глаза — объясняют что значит
небесная тайна
язык — застрелись Чиччолина! —
танцует отчаянно танго
а тело — упругое тело
девчонки-креолки
я помню тебя
это было однажды в Нью-Йорке
я помню тебя
на диване в прихожей и ванной
я помню что жизнь
иногда очень схожа с нирваной
мы заняты были
мы делали по телефону заказы*

*и нам приносили вино
чау-фан ананасы
мы заняты были
мы делали кажется мудро
пытаясь уснуть
исключительно только под утро
мы спали часочек
прижавшись как дети друг к дружке
хватало одной простыни
и одной несерьезной подушки
о беби-судьба
и прозрачный и призрачный беби
мы жили в Манхэттене или
мы все-таки жили на небе
а что же теперь — я один
я брожу по ночному Парижу
так вышло —
я
кажется
больше
тебя
не увижу*

•••

Гулял по городу. Газета «Фигаро» устроила книжную выставку. Здание городской ратуши было переполнено. 200 лучших писателей Парижа встречались с читателями.

Я приехал туда, надеясь увидеть Эдуарда Баладюра, бывшего премьер-министра Франции, который в последние годы примкнул к нашему брату-сочинителю.

Я опоздал — Баладюр уже уехал. На его месте красовалась печальная табличка — Эдуард Баладюр будет в 14. 30.

А я приехал аж в 17.00.

Устав толкаться в толпе любителей изящной словесности и халявных сувениров, я направился, было, к выходу, как вдруг заметил заинтриговавшую меня табличку — Vladimir Fedorovski.

За столиком сидел элегантный мужчина. И раздавал автографы. Я подошел. Спросил его по-французски:

— Вы, наверное, русского или польского происхождения?

— Я — русский! — ответил мне писатель также по-французски. — Больше того, я — гражданин России. Но пишу на французском языке. Надо же как-то на жизнь зарабатывать.

Разговорились уже по-русски.

— Я — самый издаваемый во Франции писатель из России, — похвастался господин Федоровский. — Моя книга о русских женах французских деятелей культуры вышла на двадцати шести языках. Именно благодаря моим советам Эльдар Рязанов снял многие свои передачи...

...Я ехал домой, в свой неказистый, печальный отельчик, где меня ждали проверенные друзья — веселые красные тараканы и мятая нестиранная постель, и думал о нас, русских.

Все-таки мы — феноменальные люди. Выживаем в самых жутких условиях. Пишем на любых языках, связываем себя узами Гименея с лучшими художниками и писателями земного шара. И летаем в космос. И... не можем решить самых элементарных проблем. Тайна сия велика есть.

•••

В отельчике на меня опять нахлынула тоска. Я остался один на один с собой, с собственной совестью.

«И с отвращением читаю жизнь мою, но строк печальных не смываю...»

По большому счету, ничего не надо больше говорить.

•••

Думал о наших отношениях с Наташей, моей бывшей женой. Думал о Лере, Саше, вспоминал Нельку...

«А все-таки я не истец, меня и на земле любили...»

•••

Портье нашего беззвездного отельчика был взволнован. Он постучался ко мне в дверь и затараторил: «Русский, тебе отец звонит. Беги быстрее вниз». Я подбежал к телефону, дал портье на чай 5 франков и услышал голос отца.

Он приехал с какой-то важной правительственной делегацией. Пригласил меня к себе в гости в отель «Мариотт».

Через сорок минут я подошел к шикарнейшей гостинице и подумал о том, что меня могут не пропустить. К тому времени я выглядел не слишком презентабельно.

Пропустили.

У отца был свободный день, и я предложил ему погулять по городу. Съездили в Дефанс, на блошиный рынок.

Больше всего отец поражался тому, как много в Париже некрасивых женщин!

— Смотри, смотри, какая идет! Обычная рязанская тетка! Неужели мы на самом деле в Париже?

Я смотрел на отца, слушал его. И очень радовался, что мы вместе.

•••

Он уехал через три дня.

•••

Как ни странно, я мог бы жить в монастыре.

•••

Когда-то в кубиковской юности я ходил в литературный кружок «Слово», которым руководил талантливый поэт и журналист Сергей Боровиков. Там мы читали друг другу свои стихотворные опусы, обсуждали свежие литературные журналы, пытались (по-моему, безуспешно!) изучать версификационную технику, встречались с различными интересными людьми...

В Париже я тоже ходил в литературный кружок. Я узнал о его существовании в одной из рекламных газет.

Позвонил. Дама объяснила мне по-французски, что занятия проводит доктор Накпаль, и проводит их на английском языке...

Я сказал, что по-английски говорю плохо, но зато, как собака, все понимаю. Дама захихикала и продиктовала мне адрес.

Пришел. Дворик. Замечательный парижский дворик. Не проходной — как в Москве. Замкнутый — как в Петербурге. Мощеный. Во дворике — крошечные двухэтажные домики. Возле каждого — цветы в горшочках, столики...

Господин Накпаль приветливо (по-английски) пригласил меня в дом.

Квартирка меня поразила. Две малюсенькие (метров по восемь) комнатки. Стеллажи. На стеллажах только книги и журналы. Все.

Господин Накпаль оказался индусом, окончившим Оксфорд и Кембридж, главным врачом индийского посольства, психотерапевтом и психиатром. Я понял, что попал туда, куда нужно. Рядом с господином Накпалем стояли две женщины, потом подошла еще одна дама.

Женщины начали расспрашивать, кто я такой?

Я сказал правду.

— Ах, вы из России, журналист!.. — стала восклицать подошедшая мадам. — А я читала вашего

Андрея Макина, лауреата Гонкуровской премии. Вообще, русские — удивительно способные к языкам люди. Макин живет в Париже чуть более десяти лет, а уже пишет на французском, и прекрасно пишет, уверяю вас — Гонкуровскую премию просто так не дают.

Я довольно улыбался — мол, знай наших!

Ровно в семь Маэстро объявил о начале занятий.

Он достал какой-то литературный журнал и начал по-английски читать стихи. Затем повторил их. Затем опять повторил. Так он читал одно стихотворение раз пять. Потом как-то угрожающе посмотрел на нас и, точно следовательно, спросил:

— Ну что вы скажете? Что имел в виду автор?

Мы начали думать. Или делать вид, что думаем.

Одна девушка — из Венгрии — сказала, что это полет души автора...

Я напряг весь свой куцый запас английских слов и проямлил, что мне понравилась музыка стихотворения. И, может быть, музыка — это и есть его смысл...

Англичанка так долго и сложно что-то говорила, что я практически ничего не понял.

Потом господин Накпаль опять читал стихи. И спрашивал:

— Что вы скажете? Что имел в виду автор?

А мы делились своими впечатлениями.

•••

Провожая дам до метро, я долго общался с ними. Дамы, как водится в литературных кружках, оказались одиночками. И посему писали стихи. Я понял, что в скором времени моя парижская жизнь станет немножко разнообразнее...

•••

Я не ошибся. Уже после следующего заседания я провожал домой одну русскоязычную француженку — Таньку, которая работала барменшей в баре на Толбиак.

Танька жила в Париже два года, наслаждалась жизнью и ни в чем себе не отказывала. В литературный кружок заглянула из любопытства, а тут подвернулся я.

Прямо в подъезде дома мы с Танькой стали целоваться, она залезла ко мне штаны. Но тут же сказала:

— Первое правило — это презерватив!

После быстрого секса в экстремальных и возбуждающих условиях мы поднялись к Таньке на мансарду.

.....
.....
.....

Утром я ушел домой. С Танькой договорились, что я буду ей звонить.

•••

Ночью приснился странный и тяжелый сон.

Люди в метро идут по длинному переходу. Вода, много воды. Вода затопляет тоннель.

•••

В выходной пошли с Танькой на стадион Georges Carpentier. На футбол. На городской футбол. Не профессиональный. Сидели на скамеечке болельщиков и поражались... (Танька тоже оказалась поклонницей футбола, или делала вид...) Играли и тренировались ребята самых разных возрастов. От пятилетних до семнадцатилетних. Пятилетние тренировались так же от-

ветственно, как взрослые. У каждого малыша — бутсы, гетры... Полная экипировка. После тренировки — матч. Самый настоящий. Арбитр в поле, судьи на линии. На трибунах — мы, зрители. Мы кричали, аплодировали — поддерживали своих любимцев. И, разумеется, давали им ценные советы... Словом, все как в большом футболе.

...На стадионе мне было очень хорошо, я вспоминал свое детство. Оно прошло примерно на таком же стадионе, только на московском... Назывался он «Крылья Советов». Интересно, играют ли сейчас там ребята?

Я проводил уставшую Таньку домой и поплелся в отельчик. По дороге зашел в магазин Никиты Струве.

•••

В магазине Никиты Струве прочитал объявление о концерте братьев Мищуковых в Российском культурном центре.

На следующий день пошел на концерт. Пошел один — Танька работала.

Мищуковы оказались очень хорошими гитаристами, виртуозно владеющими инструментом. Послушал их с удовольствием. После концерта меня как представителя российской прессы пригласили на фуршет. Я напился. Начал нести какую-то дикую, несусветную чушь, рассказывать небылицы о себе, веря в них, выговаривать Валере Мищукосу, что нельзя говорить правы, тем более в песне делать неправильное ударение.

Потом познакомился с какими-то француженками, выпускницами Сорбонны, как водится, еврейками, начал к ним приставать, одной из них — дочери художника Нилича — обещал жениться. Она отвергала мои приставания очень стойко, но почему-то сама предложила свой номер телефона.

Потом не хватило водки, побежали в ларьки.

Потом вспомнили, что никаких ларьков в проклятом Париже нет — ночью водки купить негде. Выкурил примерно пачку сигарет. Получил дополнительный кайф.

Домой в отельчик приперся поздно ночью — еле живой. С тех пор зарекся пить и курить. И продержался год. Какое же это счастье — быть свободным от алкоголя и никотина!

•••

Днем с бодуна написал стишок.

А потом обнаружил точно такой же — один в один! — у классика немецкой конкретной поэзии Гомрингера.

Как такое можно объяснить?

•••

Валялся на кровати, морально истязая самого себя — осознавая, что прожил жизнь греховно, что ее надо срочно менять, надо покаяться. Надо воцерковляться, быть человечнее, дарить знакомым и близким (равно как и не знакомым и не близким) подарки, отдавать все, что у меня есть. И не грешить, не грешить. И на мгновение на душе стало легче. Бог дал краткое успокоение.

•••

Делать было абсолютно нечего. Решил съездить на кладбище Пер-Лашез. Вообще-то я туда не собирался. Просто в Тамбовском пединституте на факультете иностранных языков, где я в свое время учился, мы столько раз говорили об этом легендарном кладбище красных коммунаров, что не пойти туда посмотреть все своими глазами я, конечно, не мог.

рядом. На улице тихо и торжественно. Никаких могил коммунаров я там почему-то не увидел, но увидел великую культуру нации — ухоженное, чистенькое и чинное кладбище. У многих семей там даже свои поминальные домики, а то и величественные дома... Наверное, хорошо там покойникам. Мне кажется, их души либо на небесах, либо живут в этих самых домиках и домах.

Очень спокойно на кладбище Пер-Лашез.

•••

Ходил на Монмартр. Глазел по сторонам. Звонил из автомата родителям. Очень быстро поговорили. Сообщил, что у меня все нормально. У них все тоже без изменений. Отец много работает.

•••

Звонил своим в Германию. Настя не собирается ехать на Новый год в Кубиково. Говорит, что в каникулы у нее много выступлений (она пианистка и флейтистка). Это для нее очень важно. Наташа считает, что Настя в музыкальной школе играет лучше всех.

Редкое дитя. Как говорит ее учительница фрау Валь — милый ребенок.

•••

Ходил в *Gardin des plantes*, одно из своих любимых мест. Центр города, но тихо, спокойно. Вокруг деревья, растения, животные. Это некая смесь наших зоопарка и ботанического сада.

Посетил там выставку художников-анималистов. Это и фотографии, и графика, и живопись, и скульптура. Один мальч (фамилию не запомнил) представил на суд зрителей серию нарисованных

голубей. Поразили глаза этих птиц. Осмысленные, живые. Кстати говоря, голуби — древнейшие, библейские птицы. Но по-французски они называются весьма забавно — les pigeons. Пижоны...

•••

Через три месяца я приехал в Россию. Продлил визу и опять умотал в Париж. И прожил в своем обшарпанном отельчике год. За это время я потерял контакты с Лерой, погрузился в себя, стал писать стихи на французском языке, совсем обленился, ничего не делая. Я очень истосковался по России. По родителям, по работе, по друзьям, по русской клавиатуре... Я пошел в польское автобусное бюро и купил билет до Москвы.

ГЛАВА XII

МОСКВА

Видимо, число семнадцать какое-то неправильное. В семнадцатом году большевики совершили переворот, изменив в худшую сторону (потому что мир все-таки развивается не революционно, а эволюционно!) ход истории. 17 августа 1998 года милый юноша Сергей Кириенко одним росчерком пера уничтожил в России под корень так называемый средний класс. Менеджеры, челноки, журналисты стали практически никому не нужны. Безработица приобрела чудовищные размеры, биржы труда оказались переполненными — в том числе и весьма квалифицированными работниками. Заработать даже сто «баксов» было непросто.

Нам, сотрудникам газеты «Кулак — оплот капитализма», объявили о пятидесятипроцентном сокращении штатов. Объем газеты уменьшился с шестнадцати до двенадцати полос. Мою полосу — полосу развлечений — повелели закрыть. Я обзвонил своих приятелей-журналистов — все пребывали в шоке. Сладкая жизнь завершилась. Пролетели, улетели стаи легких долларов.

У меня оставалось пять тысяч долларов. Я мог их растянуть месяцев на семь-восемь.

Неожиданно мне позвонил мой старинный товарищ Сережка Татарович и сказал:

— Старик, срочно возьми бумажку и ручку. Записывай: Шорохов Михаил Андреевич, начальник пресс-центра «Энерготреста», ему нужен начальник сектора информации.

Серезжка продиктовал мне телефон.

Ни на что особенно не надеясь, я тут же набрал указанный номер. Шорохов взял быка за рога:

— Евгений Викторович, приезжайте сейчас. Я вас возьму. Работа хорошая — не пожалеете.

Он объяснил мне, как добраться до пресс-центра.

Я приехал. Познакомились. Шорохов оказался сорокапятiletним, розовощеким и коренастым здоровячком. Почему-то он сразу предложил мне посмотреть подвал особняка пресс-центра. В подвале шел ремонт.

— Здесь, — начал рассказывать Шорохов, — поставим столы для пинг-понга, устроим сауну, будем отдыхать. Увидите, здесь будет хорошо. Верите?

Я не возражал.

Потом Шорохов показал мне туалеты — и мужской, и женский.

— Видите, — сказал Шорохов, — в женском туалете я сделал душ. Я люблю, когда женщины чистые, когда от них пахнет хорошо.

В мужском туалете над стульчаком красовались пугающие фразы — на унитаза ногами не вставать, спускать воду, мыть руки...

После просмотра туалета меня повели к вышестоящему начальству — к заместителю генерального директора по кадрам Юрию Николаевичу Вавилову. Он спросил:

— А почему вы хотите работать в «Энерготресте»?

Я ответил:

— Меня с работы выгнали. Мне деваться некуда.

Видимо, моя глупая честность настолько обескуражила крупного начальника, что он больше вопросов не задавал.

Меня приняли.

На следующий день я вышел на работу. Ровно в восемь тридцать я был, как штык, на службе. Без пятнадцати девять началась планерка.

Двенадцать сотрудников пресс-центра расселись вокруг длинного, огромного стола. Михаил Андреевич начал речь:

— Друзья, доброе утро, доброе утро, страна, день будет непростой, началась зима, надо одеваться тепло, не по сезону одеваться не надо, завтра поедем на двадцать шестую ТЭЦ, будем снимать репортаж, будем писать статейку, сделаем правильные материалы, честные материалы, не такие, как делают эти проститутки с «Останкино» или из газет. Пресс-центр работает честно, за пять лет у нас не было ни одного прокола, верите?

Я посмотрел на своих коллег. Они послушно и обреченно кивали головами.

Поговорив минут сорок на отвлеченные темы, Михаил Андреевич представил меня. Я вкратце рассказал свою запутанную биографию, сделав напор на многолетний опыт работы в газетах и журналах.

Мне предоставили в личное пользование стол в огромном актовом зале и поручили курировать местную многотиражку. Я стал начальником редактора корпоративной газеты с незамысловатым названием «Вестник Энерготреста».

•••

Бывший геолог, пятидесятичетырехлетний Михаил Иванович Водопадов оказался в моем подчинении. Название должности Михаила Ивановича звучало солидно — шеф-редактор «Вестника Энерготреста». По сути же он был корреспондентом. Михаил Иванович писал заметки в «Вестник», а я их редактировал. Точнее — переписывал, ибо Михаил Иванович, как какой-нибудь великий писатель, не соблюдал ни пунктуационных, ни синтаксических, ни морфологических правил. Иногда, читая его текст, я начинал сомневаться: а, может

быть, правила уже изменились, или я сам не там расставляю запятые? Михаил Иванович их ставил, где хотел. Имя Нестора Самойловича Золотистого, генерального директора компании, изменял до неузнаваемости, называя его то Самуилом Нестеровичем, то Нестором Семенычем.

А мое имя Михаил Иванович варьировал и вовсе как хотел. Выучить его он не мог.

До того как прийти в «Энерготрест», Михаил Иванович работал в геологических партиях, а после — внимание! — преподавателем в геологоразведочном институте и даже защитил кандидатскую диссертацию.

•••

После первого трудового дня в «Энерготресте» я шел к метро. Проходил рядом с храмом. Твердил свои вечные слова.

— Господи, прости меня!
Это моя главная молитва.

•••

Нашу с Михаилом Ивановичем работу контролировал другой большой специалист в русском языке — Владимир Александрович Кузнечиков, ранее трудившийся мастером на ТЭЦ-15. Семнадцать лет Владимир Александрович простоял у турбины, давал городу тепло, а потом решил выйти в свет. Его друзья из Генеральной дирекции «Энерготреста» устроили его в пресс-центр, заместителем начальника.

Владимир Александрович руководил нами весьма категорично, больше всего он любил выступать в роли корректора. Например, слово КПД заставлял писать маленькими буквами, слово турбина и вовсе экзотично — ТУРбина.

Я с ним никогда не спорил. И говорил Михаилу Ивановичу:

— Если Владимир Александрович даст инструкцию писать слово корова через а — я напишу. Клиент (извините, начальник) всегда прав.

К тому времени я уже немного освоил азбуку рынка.

Кузнечиков понимал, что над ним смеются, и отступал.

— Да пишите, как хотите, — рычал он.

И уходил в свою комнату играть в шахматы с водителем Геней.

•••

Михаил Иванович на компьютере работать не умел. Писал, как Лев Толстой, от руки. Его тексты потом набирала начальница сектора печати (а проще, машинистка) Надежда Алексеевна Зверева. В набранном виде тексты поступали ко мне, и я их полностью переписывал. Михаил Иванович давал фактуру.

•••

Через неделю я установил со всеми в пресс-центре нормальные отношения. Некоторые даже стали проявлять ко мне знаки особого внимания. Например, ведущая нашей телепрограммы «К свету, теплу и чистому воздуху» Светлана Алексеевна Феклистова, крашенная, увядающая блондинка лет тридцати пяти.

Однажды мы пошли вместе с ней обедать в нашу корпоративную столовую. Она тут же начала жаловаться на жизнь:

— А вы знаете, наш Шорохов — сексуальный психопат. У него в голове только секс.

— Но ведь это нормально, — удивил Светлану Алексеевну я, — начальник потому и начальник,

что у него в голове только секс. Мужчинам должности нужны только для того, чтобы легче соблазнять женщин. Власть и разврат — близнецы-братья.

— Но ведь с ним невозможно работать. — Не сдавалась Светлана Алексеевна. — Представляете, он мне говорит: дашь — будешь работать, не дашь — не будешь.

Я сочувственно молчал. И, опасаясь провокации, старался перевести разговор на другую тему. Но — не очень удачно.

— А эти его семинары, — не унималась Светлана Алексеевна, — это же бред сумасшедшего.

— Отклонение от нормы — естественное состояние начальника, — невозмутимо отвечал я. — Если человек абсолютно нормален — он не так энергичен. А быть начальником — это, прежде всего, иметь большую энергию. И уверяю вас, даже если вы уйдете из пресс-центра и окажетесь на другой работе, там вас будут ждать весьма похожие проблемы. Поэтому живите проще, поймите — хороших работ и хороших начальников не бывает. Можно, конечно, быть свободным художником, но тогда нужно привыкать есть далеко не каждый день. Хотите?

— Не хочу, — печально ответила Света.

•••

Когда мы пришли с обеда, у меня на столе задрезбал телефон.

— Евгений Викторович, — заговорили на другом конце провода, — это вас из газеты «Стройка» беспокоят. Семен Семенович Иванов. Мы пишем о строительстве, нам известно, что в «Энерготресте» есть Управление капитального строительства, вы не могли бы нам рассказать о соответствующих проектах вашей компании?

Я ответил, что должен посоветоваться с начальством. И попросил Семена Семеновича перезвонить.

Доложил Шорохову о неожиданном звонке. Шорохов дал команду:

— Пригласите его — поговорим!

Через три часа Семен Семенович прибыл. Мы пошли в кабинет к Шорохову. Михаил Андреевич предложил нам присесть. И тут же начал свой искрометный монолог:

— Это правильно, что вы пришли. «Стройка»? Неплохая газета. Правда, я о ней не слышал. Но мне ваш принцип понравился — пришли познакомиться. Ничего сразу не требуете. Молодцом! А то, помню, пришла ко мне рекламная агентесса из одной газеты, так она сразу — представляете! — ноги на стол закинула и трусы стала показывать. А трусы какие-то оранжевые — некрасивые, я вообще-то беленькие больше люблю. А вы?

Семен Семенович растерялся. И только понимающе улыбнулся. Похоже, он был опытным работником и видел разных руководителей.

А Шорохов не унимался:

— Вы понимаете, сейчас весь мир развивается по сценариям Шекспира, я, кстати, считаю его величайшим мыслителем мира, по моему разумению, это вообще коллективный автор, например, как Козьма Прутков. Не мог один человек выявить такие интересные типажи. Не мог! Я когда в ВУЗе научный коммунизм преподавал, всегда заставлял студентов, прежде всего, читать Шекспира, а потом уже классиков марксизма-ленинизма...

Потом Михаил Андреевич еще примерно час рассуждал о Гёте, научном капитализме, Кирсане Илюмжинове, «Энерготресте», черной икре, Монике Левински, делился воспоминаниями о своем голодном донбассовском детстве, делал политические прогнозы...

Деликатный Семен Семенович слушал долго, но потом не выдержал и, конкретно посмотрев на часы, откланялся:

— Извините, я должен идти, я вам перезвоню недельки через две, может быть, вы примите решение, дадите мне материалы о строительном комплексе «Энерготреста».

Я пообещал Семену Семеновичу вскоре перезвонить.

•••

Шорохов про «Стройку» забыл. А я не напомнил. Я понял, что лучше с Шороховым вообще никаких дел не иметь.

•••

Прошла моя вторая неделя в «Энерготресте».

•••

В выходной я пошел на рынок купить шапку. Одну примерил — не нравится. Другую — тоже не нравится. Начал примерять третью — продавец обиженно сказал:

— Если тебе и эта не подойдет, тогда уж я не знаю что тебе предложить. Это самая лучшая шапка. Таковую носит даже директор рынка!!!

Очень серьезный аргумент. Я купил эту шапку.

•••

Вечером смотрел по видео бокс, кассету «Лучшие бои Тайсона». Тайсон — величайший боксер. Ни одного лишнего движения. Каждый удар нацелен на поражение... Никаких прелюдий, красотостей.

Удар — это скорость мысли, а не только мощь кулака.

Тайсон (Каспаров бокса) соображал быстрее всех.

Лучше бойца не было.

•••

Каждую неделю мы выезжали в местные командировки — по объектам «Энерготреста»: на ГРЭС и ТЭЦ, на ЛЭП и различные наши заводы. Набивалось в микроавтобус «Газель» человек пять журналистской бригады и — вперед, мы отправлялись в путь.

На Кашинской ГРЭС нас особенно не ждали. Дело в том, что кашинцы вот уже третий год затягивали с запуском ГТУ-ТЭЦ — компактной газотурбинной установки. И похвастаться местным энергетикам перед ответственными работниками треста было особенно нечем.

Тем не менее, исполняя приказ генерального директора Нестора Самойловича Золотистого — осветить работу по внедрению ГТУ-ТЭЦ, мы приехали в Кашинск. Походили в сопровождении главного инженера по стройке — снимали недостроенные объекты, сделали интервью с директором ГРЭС Женей Михалевым. Промерзли, оголодали.

Владимир Александрович Кузнечиков собрал с нас по двадцать рублей и уехал вместе с водителем Геной в магазин. Привез дешевой водки, колбасы и хлеба. В обед (на стройке столовой не было) мы перекусили.

Потом поехали на рыбное подсобное хозяйство ГРЭС. Заместитель начальника электростанции Сергей Тимофеевич Добренький показал нам свое хозяйство — в прудах, в специальных огромных садках плескались гигантские зеркальные карпы, хорошенькая востроносенькая стерлядка.

Сергей Тимофеевич дал команду рабочим, чтобы они изловили нам для ухи десяток стерлядок.

Потом мы зашли в наш автобус. Сергей Тимофеевич сказал:

— Друзья, Евгений Всеволодович Михалев дал мне поручение как следует встретить вас в нашем

родном городе! Извините, что я целый день был занят, но зато сейчас я полностью в вашем распоряжении. Есть три предложения. Первое. Набрав закуски и горячительных напитков, отправиться... за грибами. (Мы напряглись.) Второе. Посидеть прямо здесь, на берегу пруда. Третье. Поехать ко мне на фазенду.

Продрогшая Светлана Алексеевна тут же закричала:
— На фазенду!

Мы поддержали Свету.

Поехали. Я смотрел по обыкновению в окошко и видел знакомые до слез одноэтажные невзрачные домики, покосившиеся заборы, одиноких печальных прохожих. И понимал, что Москва и Россия (даже Подмосковье) ничего общего между собой не имеют.

Подъехали.

— А вот и моя фазенда, — сказал счастливый Сергей Тимофеевич.

Мы вышли из машины и увидели особняк примерно двадцать на двадцать. Огромный двухметровый забор. Вошли в дом. Ну, как его описать? Еуровагонка, газ, туалет, отопление... Все, что нужно для жизни.

Хозяин и его супруга Любовь Дмитриевна проявили чудеса гостеприимства.

— Ребята, если б вы знали, как я рад вас видеть! — отрепетированно воскликнул Сергей Тимофеевич. — Хорошие люди всегда желанны в моем доме.

Пили много. В основном водку. Хозяин захмелел, но бдительности не терял:

— А домик я построил с а м, все своими руками, хотя, конечно, кое-кого пришлось нанимать, например, печников, чтобы камин сделали...

Мы делали вид, что верим каждому слову.

Правда, когда вышли перекурить, Владимир Александрович шепнул мне на ушко:

— Здорово ребята работают по взаимозачетам, такой особнячище своими руками построить невозможно за всю жизнь.

Пили до вечера. За гостей и хозяев, за Нестора Самойловича и «Энерготрест», за любовь и дружбу.

Сергей Тимофеевич рассказывал разные забавные байки из жизни энергетиков.

— А вы знаете, как Хрущев принимал Волгоградскую ГРЭС?

— Нет, — ответили мы.

— Дело было так. В 1962 году запускалась в работу Волгоградская ГРЭС. ЦК требовал пустить досрочно, к очередному съезду партии. Энергетики не успевали. В итоге, когда приехал Никита Сергеевич Хрущев принимать новую станцию, сделали муляж. Хрущев перерезал ленточку — турбина, записанная на магнитофоны, загудела, заработали приборы, счетчики (муляжи). Хрущев остался доволен.

А по-настоящему станцию пустили значительно позже.

•••

Когда прощались, Сергей Тимофеевич подарил нам огромную трехлитровую банку варенья. Он обнял нас всех по очереди, помахал рукой. Мы поехали домой. Мы были счастливы оттого, что сыты, Сергей Тимофеевич — оттого, что благополучно выполнил поручение начальства.

По дороге Гена нарушил правила. Тут же (будто из-под земли) выскочил, как факир, мародер-гаишник.

— Ваши документы! — сказал он традиционную фразу нашему водителю.

И тут произошло нечто.

Шорохов пулей вылетел из автобуса. И, достав свое красное «энерготрестовское» удостоверение, зарычал:

— Ты чего нашего водителя останавливаешь? Завтра тебя уволят. Верить? Мужики, снимайте его на камеру, снимайте!

Мент опешил:

— Но ведь он в натуре нарушил.

— А ты тоже нарушаешь — ты стоишь без палочки, — парировал Шорохов.

— Без какой палочки?

— Без милицейского жезла.

— Да езжайте вы куда хотите! — неожиданно махнул рукой милиционер. — Сумасшедшие...

Мы поехали. Шорохов еще долго не мог успокоиться, возмущался. Причем, его гнев распространялся не только на мента, но и на всех нас:

— Это не я должен был выбегать и защищать Гену, а вы — чтобы защищать меня. Начальника надо беречь. На войне берегут знамя и командира. На гражданке следует беречь начальника. Верите?

•••

Водитель Гена высадил нас с Владимиром Александровичем возле ближайшей станции метро и мы, нырнув в подземку, поехали домой — мы жили в одном микрорайоне.

Вову развезло. Неожиданно он стал откровенничать со мной.

— А вы знаете, Женя, я очень разочарован в Мише. Он меня пригласил на работу, а сам на меня орет постоянно. Миша — сволочь, запомните это.

Я старался перевезти разговор на другую тему, боясь быть втянутым в обычную производственную разборку.

•••

Утром планерку проводил Кузнечиков — Шорохов почему-то сразу ушел на прием к Вавилонову.

Неожиданно Вова проявил агрессию:

— Евгений Викторович, я хочу подвергнуть наш новый «Вестник» жесточайшей критике. Почему в номере нет развлекательных материалов? Я же вам поручил это сделать. Почему в номере опять одна энергетика? А где стихи Гарика Губермана, где светская хроника? Так дело не пойдет — про одни железяки мы писать не будем. Или вы не согласны?

Все притихли.

Я сказал:

— Не согласен. Потому что у нас не «МК», а «Вестник «Энерготреста». А что касается Гарика Губермана, так я и вовсе не поклонник его творчества.

— Ну, про Губермана я к слову сказал. Как пример. Можно и кого-нибудь другого. А впрочем, делайте, что хотите!

Я понял, что Вова пошел на попятную и больше придираться ко мне не будет.

•••

После планерки мы опять всем табором поехали в командировку — на очередную ТЭЦ. Там запускали новый, одиннадцатый по счету водогрейный котел. Сие событие обещал посетить мэр города Михаил Юрьевич Лужин.

Приехали заранее. Подготовительные работы по встрече Лужина, начавшиеся еще вчера, были в полном разгаре — красили забор, убирали грязь, подметали и т.д. Словом, все как раньше — когда объекты социального строительства осматривали руководители горкома партии.

Ожидая высокого гостя, волновались Нестор Самойлович, его свита, директор ТЭЦ.

И вот Лужин приехал. Приехал и сразу, без раскочки начал осмотр.

Директор станции лично рассказал про котел, про его фантастически-замечательные показатели в работе.

Лужин слушал внимательно. Потом стал задавать конкретные вопросы:

— Какова нынешняя мощность котла? Какова степень загрузки? Современное ли оборудование? Много ли можно будет при помощи этого котла сэкономить электроэнергии?

И директор ТЭЦ, и Нестор Самойлович, и начальник котла старались, как могли. Рассказывали, рассказывали.

Лужин слушал, слушал, а потом брякнул:

— Не вешайте мне лапшу на уши. Я «киповец». Запускал множество предприятий. Энергоэффективность вашего котла низка. В управлении он довольно сложен.

Махнул рукой (в сторону Нестора Самойловича) и пошел дальше. Свита побежала за ним.

Лужин и не мог вести себя иначе. Во-первых, он привык демонстрировать окружающим свою агрессивность и полную компетентность во всех хозяйственных вопросах, а во-вторых, город был должен «Энерготресту» много денег. И Лужин, разумеется, не хотел разговаривать с Золотистым в спокойном, уважительном ключе. Как известно, лучший способ защиты — нападение.

Нестор Самойлович это хорошо понимал и на конфликт не шел.

•••

звать неосознанным свальным, содомским грехом. На работе все друг друга имеют. В прямом и переносном смысле. Шорохов — сотрудников пресс-центра. Шорохова — Вавилонов. Вавилонова — Золотистый. Золотистого — Лужин. Но и здесь цепочка не заканчивается. Производственные отношения плавно переходят в политические. Лужина дружит президент. Президент кланчит деньги у своего американского коллеги. Казалось бы, можно было поставить точку. Но президента США припирает к стене Моника Левински. И женщина опять сильнее всех.

•••

То, что круг замыкается на женщине, не удивительно. Женщина — существо земное. Она здесь — местная, аборигенка. Цель ее жизни проста и возвышенна — родить от сильного самца детеныша и выкормить его. И женщина, по большому счету, ей нужен только для этого. Женщина живет строго по законам земной природы, ничем не отличаясь от других представителей фауны и флоры. Паучихи, говорят, вообще приканчивают самцов после того, как они их осчастливливают. 45% всех убийств происходят на бытовой, семейной почве. Как правило, жена убивает мужа. Убивает — слабого индивида. Он — не приносящий денег! — ей больше не нужен.

Женщина понятна. Тайны в ней нет. А вот мужчина полон загадок, понять его совсем не просто. Потому что он — существо инопланетное. Он привнесен на Землю извне. Что им двигает? Родительские инстинкты у него слабые. Зачем же он пишет романы и картины, двигает науку и производство, уходит в кругосветное путешествие? Чтобы завоевать женщину? Обратить на себя ее внимание? Наверное, не только для этого. Наверное, для чего-то еще. Но для чего?

•••

Неуверенный в том, что долго продержусь на службе в «Энерготресте», я на всякий случай сдал свою квартиру. Кроме того, я таким образом избавлялся от общества своей назойливой соседки, с которой по глупости вступил в интимные отношения. Квартиру я сдал за пятьсот долларов в месяц. В ней стал жить мой давнишний товарищ Владька Куликов, литературный критик и заместитель редактора веселенького журнала «Русская порнуха». Владька получал приличную зарплату — больше тысячи «баксов» и мог себе позволить роскошь снимать двухкомнатную квартиру в центре.

У меня появился дополнительный источник финансирования, однако я начисто лишился свободы. О девушках отныне мог только мечтать. И сознательно, и подсознательно я стал искать знакомств с одинокими женщинами, имеющими жилплощадь.

•••

По Интернету познакомился с Жанной, миниатюрной брюнеткой 33 лет. Она работала бухгалтером в крупной фирме.

...Жанна, Жанночка, Жанетта, одинокая железная леди, девочка в штанах, ковбой в элегантной шляпке.

Мы постоянно общались с ней по телефону. Трепались обо всем. Жанна рассказывала мне о своих воззрениях на жизнь, о своих проблемах, о своих неудавшихся романах.

Я слушал. И рассказывал ей о своих воззрениях на жизнь, проблемах, своих неудавшихся романах.

Мы сходились в том, что Москва живет по законам Америки, точнее, по законам большого американского города: ютимся в квартирках, вкалываем, как сумасшедшие, есть работа — есть все, нет работы — нищета. Личная жизнь — some times.

...И вот она пригласила меня к себе в гости. Я купил торт, шампанское. Пришел. Мне понравилась ее однокомнатная квартира. В ней не было ничего лишнего. Кухня. Чтобы есть. Спальня. Чтобы спать.

Через полчаса она выключила свет, достала из тумбочки презервативы и попросила меня о том, о чем обычно просят женщин мужчины.

...Я шел домой и думал о том, как все удивительно в этом мире.

•••

По дороге зашел в магазин. Купил кабачков, бананов, две банки икры, сок...

•••

Самое высшее счастье — это прийти домой и положить в холодильник к родителям продукты. Дать. А не взять. Увы, деньги у меня появились только в последнее время.

•••

Дома разговаривал с отцом, он показывал парижские фотографии.

•••

Жить с родителями мне нравилось. Было не одиноко, уютно, комфортно. Мы не ссорились.

•••

Вечером позвонила Наташа из Германии. Разговаривал и с ней, и с Настей. Дочка на все вопросы

отвечала односложно. «Да», «Нет». Она по телефону говорить не любит.

•••

Наташа сообщила, что они в скором времени переезжают в Берлин. Там ее мужу предоставляют работу.

•••

Лера не звонила и не писала больше года. Я тоже за-
таился.

•••

Почти каждый вечер мы играли с племянником в шахматы, шашки, поддавки и уголки. С самым большим удовольствием — в уголки. Выигрывал то я, то Витька. После игры я проверял у племянша уроки. Проверял то, что мог проверить — географию и английский, историю и литературу... Точные науки он изучал без моей помощи. Учился Витька очень прилично, без троек. Лучше всех в классе.

Прежде чем лечь спать, мы еще полчаса болтали. На самые разные темы.

— Как бы ты поступил, — спросил я его однажды, — купил бы маленькую квартирку, или бы подкопил и приобрел сразу нормальное жилье?

— Я бы лучше подкопил, — сказал рассудительный Витька. — Если у тебя есть крыша над головой, никто не гонит — можно и подождать.

— Я тоже так решил, — ответил я Витьке.

И, пожелав друг другу спокойной ночи, мы заснули.

•••

Чуть ли не каждый день Шорохов устраивал семинары. Они проходили весьма своеобразно.

Например, съездив на конференцию специалистов по общественным связям в Волгоград, Шорохов по приезде объявил о том, что вечером состоится семинар на тему: «Энергетика и PR».

В шестнадцать часов сотрудники спустились в актовый зал.

— Друзья, — начал свою речь Михаил Андреевич, — я рад вас приветствовать, добрый вечер, товарищи, добрый вечер, страна. Рад, что вы все хорошо выглядите. Самое главное сейчас — хорошо, то есть тепло одеваться. Погода стоит очень опасная. Сырая, холодная. Верите? Если идете на прогулку — одевайтесь в дубленки. Это очень важно. Помню, мы как-то пошли с дочкой гулять в лес — оделись тепло. Вдруг видим: лось. Ну, дочка кричит: «Папа, папа, смотри: лось! Как его зовут?» Я отвечаю: «Его зовут — лось». Мне понравился этот лось. Он, конечно, неуклюжий, угловатый, но очень сильный, мощный. Вот олень — слабый. Красивый, но слабый. А лось сильный. Я думаю, волку с лосем не тягаться. Нет, стая волков, конечно, лося одолеет. А в одиночку... Нет, лось сильнее. Верите?

Мы кивнули.

— Я вот чувствую, что я тоже — лось, — неожиданно заключил Шорохов. — Я — лось. Верите?

Мы опять кивнули.

— А ситуация в Волгограде меня поразила, — продолжил Шорохов. — Поэтому семинар, конечно, был необходим. И мы правильно сделали, что его провели. Верите? Евгений Викторович, вы верите? (Я лояльно улыбнулся.) Вообще, мы даже и не знаем, как живет провинция. Представляете, нас повели на

местную набережную, там я увидел девушек. Их охраняли милиционеры. Устроители конференции спросили: «Не интересуют ли вас волгоградки?» Я ответил, что нет. Но вам ради просвещения сообщу — стоят девушки пятнадцать рублей. За час — пятнадцать рублей! Светлана Алексеевна, верите?

— А причем тут я?! — закричала Светлана Алексеевна.

— А при том, что вы иногда приходите на работу в короткой юбке. А это плохо. Это нарушает этикет деловой женщины. Я помню, мы снимали сюжет о совместной российско-немецкой конференции, посвященной энергосбережению, так от вас один немец просто не отходил. Все притворялся поначалу, что русского не понимает, гадюка. Я прошу вас как начальник: надевайте длинную юбку или брючки.

— А у меня другого гардероба нет! — не сдавалась Света.

— Я знаю, что у вас есть.

— Это не ваша компетенция — мой гардероб. Пусть в тресте отдадут приказ, как мне одеваться, тогда я вас послушаю. По-моему, вы в моде ничего не понимаете. И вообще, какая у нас тема семинара? Мне кажется, вы говорите не о том. Пожалуй, я пойду. Тем более уже шестой час — рабочий день закончился.

И смелая Светка в самом деле встала и ушла.

Когда дверь захлопнулась, Шорохов продолжил семинар:

— Ну вот, видите, коллеги, как себя ведут некоторые наши работники. Срывают важнейший производственный семинар. Некрасиво.

— Да-да, некрасиво, — тут же поддакнул наш фотограф Леша Антонович.

Другие мужчины тоже осуждающе закивали головами.

Я сидел и молчал. Я хорошо знал, что такое рабство.

•••

Семинар продолжался часов до семи. Хотелось есть. Трофимович (наш завхоз) опаздывал на удобную электричку (которая шла практически без остановок) до его родной Лобни, Олег (звукорежиссер) не попадал с женой в театр, многодетная мать Нина Даниловна (бухгалтер) не успевала пройтись по магазинам... Семинар уничтожил все наши вечерние планы.

•••

Вечером позвонили Наташа и Настя. Сообщили, что они теперь берлинцы...

•••

Утром опять поехали на какую-то ТЭЦ. Там запускали в строй новый оздоровительный комплекс.

Директор, демонстрируя заботу о рабочем классе, долго показывал нам роскошный бассейн и сауну, тренажерный зал и массажный кабинет. Снимали часа полтора.

Потом вышли на улицу — я увидел железный, пустынный, инопланетный город. Трубы, дым, провода, грязь, вонища... Люди практически отсутствовали. Иногда, правда, мимо зловещих, дымящих пирамидальных труб, из которых валил густой-густой белый пар, проезжал (куда? зачем?) какой-то дребезжащий трактор, напоминающий луноход.

Все это напоминало мне фильм Георгия Данелии «Кин-дза-дза».

•••

Подошел Шорохов, начал мне что-то говорить, кивая по своему обыкновению головой. Я не расслышал. Было очень шумно.

Я рискнул пошутить и сказал:

— Ку.

Шорохов кивнул мне в ответ, улыбаясь, и продолжил свое непонятное повествование.

•••

Когда ехали назад, в пресс-центр, я смотрел в окошко и размышлял. Я приходил к выводу, что клонирование homo sapiens — это не будущее человечества. Это, увы, его прошлое и настоящее. Мы и есть клоны, запрограммированные роботы, пришельцы с какой-то гадкой, дурной планеты. Мы — единственные существа, которые никак не монтируемся с землей, мы — инородные тела. Только мы уничтожаем себе подобных, только мы губим окружающую природу, только мы нарушаем все законы природы.

— Евгений Викторович, — вдруг заставил меня выйти из мира моих размышлений знакомый до боли, дребезжащий голос, — верите, что мы сделаем о культурно-оздоровительном центре ТЭЦ хороший репортаж?

— Ку, — ответил я. И кивнул головой.

Ответа Шорохов опять не расслышал. И улыбнулся. И опять начал кому-то что-то темпераментно рассказывать...

•••

Вечером после работы решил немного прогуляться. Бродил по Арбату. Не был здесь примерно полгода. То, что увидел, поразило. Несчастливая изнасилованная улица. Рядом с «Прагой» высится какая-то громадина, чуть подальше пройдешь — еще какой-то небоскреб возводится. Раньше Окуджава пел: «И ходят оккупанты в мой зоомагазин». Теперь Арбат не просто оккупирован неарбатцами, это улица для каких-то

инопланетян, обладающих извращенным вкусом, а, точнее, безвкусицей. Если бы Окуджава все это увидел, он точно перевернулся бы в гробу.

•••

— Евгений Викторович, зайдите! — сказал мне по телефону с утра пораньше Шорохов.

Я зашел.

— Вы знаете, — начал беседу Михаил Андреевич, — мне кажется, у нас должно получиться сотрудничество. Я хочу вам доверить ряд серьезных операций... Но для этого мы сейчас должны немного перегруппироваться. Набирайте людей. Возьмем на договор еще двух корреспондентов, литературного редактора. Пусть они делают газету. Мы с вами должны заниматься финансами, ходить по верхам. Нет, можно, конечно, и нам с вами заниматься газетой, но разве это интересно? У нас потенциал выше.

Я не возражал.

И буквально на следующий день нашел новых сотрудников. Одного — из саудовской информационной фирмы, ранее проработавшего многие годы в ТАСС и АПН, другую — из газеты «Сегодня». В те послекризисные дни — при тотальной безработице — найти профессиональных сотрудников, даже за небольшие деньги, было совсем нетрудно.

Владимир Юрьевич Пихтин и Лиза Грузинская стали работать в моем секторе.

Но уже через неделю Шорохова вызвал к себе Вавилонов.

— Ты читал, — обратился он к начальнику пресс-центра, — тут какой-то новый приказ издали о том, чтобы на договор никого не брать.

— Нет, не читал! — зарычал Шорохов. — Как же

мне работать? Я тут людей из ТАССа набрал, из газеты «Сегодня», лучших спецов. А вы, Юрий Николаевич, меня огорчаете.

— Ну, ведь приказ. Я-то что... Я не против. Но с шестнадцатого октября велено никого не брать. Не знаю даже, кто этот дурацкий приказ подписал. Кстати, вот и он.

(Вавилонов нашел какую-то бумажку у себя на столе, начал ее внимательно читать.)

— Ну и ну, так ведь это я приказ подписал... — почесал в затылке пожилой дяденька Вавилонов.

— Юрий Николаевич, ну, раз это ваш приказ, значит, надо что-то придумать, — нашелся Шорохов.

— Ну, ладно, может быть, задним числом всех оформим. Но только больше никого не бери. Понял? — резюмировал Вавилонов.

— Понял, — отчеканил Шорохов.

Он вернулся в пресс-центр. Тут же назначил совещание. Огласил мрачный приказ Вавилонова.

После этого, окинув жестким взглядом омраченных сотрудников, спросил:

— Ну что вы скажете?

Что могли сказать «договорники» Пихтин, Грузинская, два монтажера, три молоденьких машинистки?

Они поняли, что над ними сгущаются тучи. Мужчины были унижены. Женщины поняли, что им, видимо, придется прилагать какие-то сверхусилия...

После совещания Шорохов пригласил меня и Пихтина к себе в кабинет. И пообещал, что сделает все возможное, чтобы Владимира Юрьевича на работе оставить.

Я начал угодливо благодарить Шорохова, понимая, что он хочет почувствовать себя добрым молодцем, спасающим людей от безработицы, а, следовательно, и от голода.

•••

Когда мы беседовали, в дверь робко постучали.
— Войдите! — рявкнул Шорохов.
Вошла красивая длинноногая Ирочка, новая машинистка.
Мы с Пихтиным поспешно удалились.

•••

Стало ясно, что Ирочка на работе останется.

•••

Неожиданно нас с фотографом Лешей Антоновичем отправили в командировку в Сочи, точнее, в Лоо, сделать репортаж про пансионат, принадлежащий «Энерготресту».

Прилетели в Сочи. Гуляли по городу.

Он изнасилован так же, как и Москва, в частности, Арбат. Все перерыто. Тысячи машин. Дороги ужасные. Уродливые, громоздкие особняки. Огромные «средневековые» заборы. Вечером темнотища. Жить и отдыхать в таком городе не хочется. Раньше было намного лучше. Даже по сравнению с Геленджиком Сочи намного проигрывает, хотя, конечно, природа в Сочи богаче. Как-никак — субтропики.

Мы отработали с Антоновичем два дня в Лоо и вернулись. Наш репортаж разместили в «Вестнике Энерготреста», а фотографии Леша отдал лично Шорохову.

•••

После работы направился в книжный магазин «Москва». Шел по своему любимому Столешникову. Девчонка раздавала рекламные буклеты:

- Кофе-хаус, кофе-хаус, вторая чашка бесплатная!
Какой-то проходящий мимо мужик обронил:
— А первая?!

•••

На работе я засиживался допоздна — писал свои сочинения. Новая служба меня вполне устраивала. Меня никто не тревожил, компьютер работал нормально, над душой никто не стоял. Еду я брал с собой. Частенько поздно вечером ко мне заходил поболтать охранник Феликс, армянин. Ему исполнилось шестьдесят девять лет, но мы, не смотря на разницу в возрасте, как-то сразу почувствовали симпатию друг к другу и вскоре перешли на «ты».

В основном, мы, как водится, костерили женщин.

— Жэк, ну, какие же бабы пошли жуткие! — возмущался Феликс. — Проку от них на работе никакого — поручить им ничего нельзя, к тому же постоянно на службу опаздывают, полдня наводят марафет. Все остальное время тратят на интриги... Будь моя воля — я бы запретил им работать. Они обязаны сидеть дома, воспитывать детей. Это предназначение в с е х женщин. Не только наших восточных, но и русских.

— А женат ты на русской?

— На русской. Уже, кстати, в третий раз... Так уж получилось. Армянки — вообще восточные женщины — все-таки лучше. В Армении слово мужа — закон. Даже за столом женщины сидят отдельно от мужиков. Я считаю, это правильно. Зачем им слушать мужские разговоры? Ведь зачастую мы и матерком выражаем свои мысли...

— Где же искать жену?

— Даже не знаю. На Востоке, наверное. Но если ее сюда привезешь — через два года она станет, как все. Так что вообще не женись. Как только женишься — станешь зарплатоносителем, мебеледвигателем.

Живи один. Знаешь, есть пословица — «хороший мордвин живет и один». А «скорую сексуальную помощь» всегда сможешь вызвать...

Феликс уходил к себе в каморку. А я оставался один на один с компьютером — записывал то, что происходило за день.

•••

Ехал домой поздно вечером в метро и думал: почему девушки легкого поведения за маленькие деньги делают именно то, что хотят от них мужчины, а женщины серьезного поведения за большие деньги делают то, что мужчины вообще не хотят?

•••

Дома смотрел по видеку фильм «Безымянная звезда». Казаков не только замечательный актер, но и гениальный режиссер. По-моему, абсолютно недооцененный. «Безымянная звезда» — картина аристократическая. Тонкая, изысканная, трагикомическая, нестареющая. А какие актерские работы! Как работают Вертинская, Костелевский, Крючкова, Светин, сам Казаков!..

•••

Перед сном посмотрели с племянником Витькой еще мультик «Чебурашка». Это, конечно, тоже настоящий шедевр. Боже мой, какое же у нас было фантастическое советское искусство!

•••

Утром на работе было спокойно. Шорохова вызвали к начальству. Я читал газеты.

•••

Иногда я ходил на обед не в корпоративную столовую Управления «Энерготреста», а на близлежащую ГЭС. Там мне нравилось больше. Во-первых, там не выстраивались бесконечные, как в Управлении, очереди. А во-вторых, мне почему-то было приятнее и уютнее есть в компании рабочих. Работяги в телогрейках мне нравились больше ухоженных и нагловатых чиновников.

Забавное дело: цены в столовой ГЭС были намного выше, чем в Управлении. Хотя качество еды — ниже.

Во всю стену в столовой красовался роскошный портрет товарища Сталина. Портрет не снимали с тридцатых годов.

•••

Шорохов куда-то уехал. Все занялись своими делами. Нина Даниловна побежала по магазинам, Кузнечиков с Трофимычем играли в домино, Светлана кокетничала с каким-то мужиком по телефону...

Я читал «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. Этот гениальный рассказ написан 100 лет назад. Ничего не изменилось. Прежде чем воевать с Чечней, надо было бы нашим правителям прочитать хотя бы одно это произведение.

•••

На следующий день Шорохов объявился.

•••

— Доброе утро, страна, — традиционно (но заимствованно) начал планерку Шорохов. — Неделя у нас очень трудная. Погода стоит тяжелая, холод-

ная. Одеваться надо тепло. Это очень важно. Важно также соблюдать графики работы. Светлана Алексеевна, пожалуйста, подготовьте график своей работы! Учтите: на этой неделе мы должны сдать Вавилонову две десятиминутные передачи. Верите?

— Верю! — ответила Света. — Но у меня есть вопрос: вот Олег принес на работу компьютер, пусть он его Нине Даниловне поставит.

— Зачем? — резонно удивился Шорохов.

— Но ведь раз он его принес, значит, его надо использовать. И у Нади тогда будет работы меньше, Нина Даниловна всю документацию станет печатать сама...

— Вот именно! — поддержала подругу Надя.

— Минуточку, — парировал Шорохов. — А Олег-то этого хочет? Компьютер — его частная собственность. Ты что молчишь, Олег?

— Я согласен, — экзистенциально ответил Олег.

— А я не согласен, — рубанул с плеча Шорохов. — Потому что я не хочу нести ответственность за этот гребаный компьютер. А то ты, Олег, отдашь 386-ой компьютер, а потом скажешь, что у тебя — если его сопрут — был «Пентиум»-2. Пусть Нина Даниловна за него распишется. Оприходует компьютер.

— Куда? — спросила очаровательная Нина Даниловна.

— Ну, распишитесь, что вы за него отвечаете.

— Я не согласна, — огорчилась Нина Даниловна. — Я расписываться не буду.

— А работать?

— Буду.

— А вы, Надежда Алексеевна, распишитесь за компьютер?

— Нет, и не подумаю. Мне он вообще не нужен. Для меня важно только, чтобы ксерокс использо-

вался по назначению. И шестеренку в ксероксе заменили. Все остальное меня не колышет. Вот раньше, при Славе Черных, когда он у нас работал начальником сектора информации, организация труда была хорошей. А сейчас плохая. Но это камень не в ваш огород, Евгений Викторович.

— Вот видишь, Олег, твой спонсорский порыв никто не оценил, — резюмировал Шорохов.

Так, компьютер и остался стоять у Олега в студии.

•••

Вечером, когда все сотрудники пресс-центра разошлись, я продолжил печатать свое немудреное и невыдуманное повествование. Вошел Шорохов. Он уходил, как правило, очень поздно.

— Вот видите, Евгений Викторович, какие у нас коллизии происходят. С женщинами очень непросто. Но дело в том, что Света просто хочет помешать Олегу кокетничать с Иррой, новой машинисткой, а компьютер Олег принес именно для того, чтобы якобы помочь ей в работе. Кроме того Света хочет, чтобы Олег больше занимался монтажерскими делами, то есть прикрывал светины тылы.

— А Надя чего хочет?

— Надя, как кошка, как все женщины, чувствует гнетущую атмосферу в обществе. И когда она говорит о шестеренке для ксерокса, она говорит не о шестеренке. Она говорит о том, что все неладно в датском королевстве. Шестеренка — это информационный повод сказать о главном. А вообще-то у нее просто не ладится с личной жизнью.

Я слушал Шорохова и удивлялся. Временами он говорил очень толково.

•••

Утром я подошел к Олегу и спросил:
— Спонсор, а телевизор у тебя есть?
Мы посмеялись.

•••

Домой ехал на такси. Разговорились с водителем-чеченцем о его родине. Он сказал:

— В Чечне никакой национальной розни нет. Корень зла — деньги. Торговля оружием... При желании мира можно было бы достичь за месяц.

Страшная штука — власть. Наркотик. И кара за этот наркотик страшная.

Я не хочу идти во власть. Правда, меня и не зовет никто.

•••

Одним из немногих развлечений, которое у меня оставалось, было телефонное общение. Разговаривал я в основном со своими давними подругами. В частности, с Еленой Ярославной Гонкуровой. С ней мы более десяти лет назад вместе учились в ВКШ при ЦК ВЛКСМ.

Бывало — мы не виделись годами. И вместе с тем оставались очень близкими людьми. Мы обсуждали практически все проблемы. В основном же беседовали о мужчинах и женщинах, в частности, о нас самих.

— Все-таки ты живешь неправильно, — обычно отчитывала меня Ленка. — Ну почему ты не женишься? Ведь мужчине выгодно быть женатым. Будешь ухоженным, обстиранным, сытым... Не забывай к тому же, что женатый мужчина и живет больше.

— Ну, а если я ни в кого сейчас не влюблен? Как же мне жениться?

— А что такое любовь? Любви в традиционном смысле вообще не существует. Любовь — это болезнь. Или иллюзия, что можно решить какие-то экономические проблемы более дешевым способом. Проанализируй все свои влюбленности — и ты поймешь, что в основе любого твоего самого романтического чувства лежала суровая проза жизни, расчет. Но все дело в том, что мозг устроен очень разумно, и он выдумывает различные хитрости — чтобы человек просто не презирал сам себя.

— Ты уверена?

— Конечно. Я так же уверена в том, что расчет — это и есть любовь. Мозг выдает расчет за любовь. Сознание человека примитивно, а подсознание — поскольку оно связано с ноосферой, космическим разумом! — необъятно и всеильно. И если у одного человека возникает симпатия (влечение) к другому человеку — это уже точный расчет. Обрати внимание: что-то мы не влюбляемся в бомжей, нищих, людей, стоящих на низших социальных позициях. Скажи мне, ты мог бы влюбиться в маляршу, дворничиху?

— Я об этом не думал.

— А думать об этом и не надо. Достаточно вспомнить, кто были твои любовницы. Банкирши, журналистки, переводчицы... Социально-значимые личности.

— Да, это верно. Но согласишься: ты отчасти противоречишь сама себе. Ты призываешь меня жениться, даже если я ни в кого не влюблен. Но ведь, по-твоему, влюбленность — это и есть расчет. Расчет подсознания. Ты предлагаешь мне поступить нерасчетливо? Где же тут логика?

— Логика в том, что если ты будешь искать невесту до сорока лет, ты можешь и вовсе остаться один.

— Ленка, извини меня, но ведь ты тоже живешь одна. Почему же ты не выходишь замуж?

— А мне в ы г о д н е е быть одной. Я не завишу от человека другого пола. У меня все есть — квартира, работа, ко мне приходит — раз в неделю! — любовник. Мне более ничего не надо.

— Но ведь у тебя нет детей!

— Ну, а если бы они у меня были — что бы изменилось? Рожать их в этот паскудный, грязный мир? Я не уверена, что они сказали бы мне спасибо. А ты... Ты — мужик, и должен жениться. Тебе это выгоднее.

— Ну, вот опять — выгоднее... А где же романтика? К чему тогда все эти благородные книжки, все эти «Алые паруса»?

— «Алые паруса», равно как и многие другие произведения, надо сжечь. Они задурили людям головы, показали выдуманный мир, книжных героев. А жизнь совсем другая. Вообще от писателей вреда гораздо больше, чем пользы. Они свои бредовые идеи, фантазии, комплексы навязывают другим. Создавая в творчестве параллельный, виртуальный мир, они в нем живут. Но мы-то живем в нормальном мире. А в нормальном мире нет алых парусов.

— Жаль.

— Поверь: каждый писатель, философ в своих произведениях реализовывает свои мечты, пытается победить (когда в жизни уже проиграл). И не забывай, кстати, о душевных болезнях Ницше и Гаршина, Грина (он состоял на учете в психушке!) и Кафки, и многих-многих других. У каждого литератора свой комплекс, своя одержимость. А их произведения — это зачастую последний шанс обратить на себя внимание любимой женщины. Так было с Тургеневым (Полина Виардо), Достоевским (Аполлинария Суслова), Маяковским (Лиля Брик)... Но есть и другие способы завоевать женщину. Литературное творчество — не единствен-

ный инструмент. Каждая женщина (равно как и каждый мужчина) — товар. Товар, имеющий определенную цену. Кто-то стоит сто долларов за час, кто-то тысячу долларов в месяц, кто-то покупается за московскую прописку, кто-то за американский паспорт, кто-то за отдельную квартиру... Цена есть всегда.

— А как же правила приличия, элементарная нравственность?

— Когда тебе никто и ничего не предлагает, когда у женщины (равно, впрочем, как и у мужчины) нет других средств привлечь к себе внимание — тогда появляется нравственность.

— Неужели все, в самом деле, так ужасно?

— Совсем даже не ужасно. Нормально. Просто иллюзий иметь не надо. Да, кстати, и болтать следует меньше. Вот женишься — перестанешь заниматься ерундой, в частности, трепаться со мной по телефону.

После этого Ленка начинала перечислять мне всех моих многочисленных знакомых девушек, нахваливая их, как заправская сваха.

Я слушал ее внимательно, с уважением, но все-таки отдавая себе отчет в том, что при всем своем незаурядном уме Ленка оставалась женщиной, то есть созданием, рассуждающим весьма эклектически, путано.

Жениться я в ту пору не мог — я ни в кого не был влюблен. А Лера никаких сигналов не подавала уже очень давно.

•••

Иногда я приезжал в свою (свою?) квартиру, чтобы забрать какие-то вещи — шапку, перчатки, что-то еще.

Квартиросъемщик Владик «выползал» из кори-

дора, точно медведь из норы — заспанный, угрюмый, угловатый...

Я находил свои вещи, потом мы пили кофе. Владик рассказывал о своей работе, жаловался, что кризис, как он выражался, выбил его из колеи.

— Ты представляешь, — бурчал маститый критик, — стали платить сущие гроши. Всего штуку «баксов». А раньше я зарабатывал две с половиной. Как теперь жить? Даже не знаю. Продукты дорогие, кабаки — тоже. Опять-таки и на баб расходы. Тут приехала ко мне дама из Крыма — познакомились с ней в Судакe этим летом — так на одни рестораны потратили двести «баксов», билет назад тоже мне пришлось покупать. Накладно. Ты знаешь, я двух женщин уже потянуть не могу. Кстати, и с Иркoй из Судакa я перевел отношения в этот ее приезд в дружеские.

— Это как же? Ты что, с ней не спал?

— Спал. И... не спал. Я три дня бухал. И хотя мы лежали в одной кровати, я к ней даже не прикоснулся. А потом, когда протрезвел на четвертый день, тоже вел себя, как евнух.

— Обиделась?

— Наверное. Но что я могу поделать? И финансовый кризис, и возрастная. Все-таки, старик, мне уже тридцать девять лет. Думать о душе пора.

— А статьи-то пишешь сейчас?

— Увы. Могу себе позволить заниматься творчеством только раз в неделю, все остальное время сжирает работа. Приходится всех авторов нашего таблоида переписывать. Фактически наш журнал — журнал одного автора... Правда, книжка все-таки скоро выходит. А ты пишешь стихи?

— Как вернулся из Парижа — не написал ни строчки. В московской атмосфере нет стихов.

Здесь воздух пропитан кровью и «баксами». Да и вообще — я не знаю теперь, что такое поэзия.

— Ну, а какой поэтический метод тебе близок?

— Метод Льва Толстого...

— ?

— Мне кажется, «Отец Сергей» — это поэзия. И проза Бунина — поэзия, и стихотворения в прозе Тургенева — поэзия. А то, что написано в рифму... Мне многое нравится у Пастернака. Я знаю только несколько совершенных стихотворений у Пушкина, Иванова, Ходасевича, несколько строк у Мандельштама...

«На холмах Грузии лежит ночная мгла», «За много лет такого маянья», «Теперь бы капельку беспечности», «Вооруженный зреньем узких ос»...

Мне нравится метод Верлена — «la musique avant toutes choses», «Les sanglots longs de violons de l'automne», я преклоняюсь перед Аполлинером четырнадцатого года. И все же... Как ни странно, даже Пушкин, Иванов, Ахматова — скорее блестящие прозаики, чем поэты. Во всяком случае, все их мысли запросто можно выразить прозой.

— Я согласен с тем, что «Отец Сергей», равно как и некоторые другие рассказы Толстого, — поэзия. Вершина любого искусства — поэзия. Будь то порхающий танец Кати Максимовой, или «Жил певчий дрозд» Отара Иоселиани...

— Меньше всего поэтического, как ни странно, — в стихах...

— А как ты относишься к рифмованным стихам?

— Хорошо. Лишь бы это качественно было сделано. Хотя Европа давным-давно отказалась от силлабо-тоники.

— Да, это уже устаревшая технология. В космос нельзя полететь на керосине. Мы отстали на не-

сколько веков. Сейчас писать в рифму — то же самое, что ходить в цилиндре или строить дворцы с колоннами. Мы живем в своем мире, не считаясь с реалиями окружающего пространства. По-прежнему, как за железным занавесом. И пишем, пишем бесконечные сюжетные стихи, которыми нельзя выразить время.

— Все-таки до конца с тобой не соглашусь. Но согласен в том, что сюжет противен естеству поэзии. Сюжетные стихи — это уже проза.

Владик не возражал.

•••

Когда приезжали моя бывшая жена Наташа и дочка Настя, я снимал у Владика свою же собственную квартиру на неделю-другую, а Владик отбывал к родителям.

Одиннадцатилетняя Настюшка меня удивляла, как в детстве. Неожиданно у нее проявилась непонятная тяга к азартным играм. Она привозила с собой новую колоду карт, и мы с утра до ночи «резались» в подкидного дурака, секу, буру, козла. Играли с переменным успехом. Выигрывали то я, то она. Ставки у нас были довольно странные. Победитель получал право укусить другого игрока за ушко, бочок, носик.

Впрочем, никто особенно никого не кусал. Игра, как правило, — по общим результатам! — заканчивалась вничью. Мы давали друг другу отыграться.

— Папа, Настя! Хватит вам ерундой заниматься, — ворчала Наташа. — Лучше бы книжки читали.

Настюшка смеялась:

— Почему-то мама называет тебя папой. Ведь ты — м о й папа. И ничей больше. Забавно. Даже дядя Витя из Кубикова называет тебя — отец.

Я улыбался. Я не говорил дочери, что женщина оценивает мужчину только по отношению к ребен-

ку. Больше того, женщина и замуж выходит не за мужчину, а за... грядущего ребенка. Только он — предмет ее интересов. Все остальное вторично.

•••

На выходные ездили с Наташей и Настей в Кубиково. В гостях у моей бывшей тещи Эммы Сергеевны мне всегда хорошо. Ел, спал, читал — отдыхал. Гуляли по городу. Он преобразился, похорошел. Много новых лавчонок. Коммерсанты скупают квартиры на первых этажах, делают отдельный вход, и — магазин готов.

Ходил к себе на дачу в село Нижнеспасское. Там у меня все разломали, растащили. Вытащили даже трубу из земли (для скважины). Ничего. Дача все равно была нужна. Дочка туда приезжала, играла, общалась с природой. Так что деньги я потратил пять лет назад не зря.

•••

Утром в понедельник вернулись в Москву.

•••

Вечером ходили в «Макдоналдс». Это в Америке «Макдоналдс» — самая дешевая закусочная. Для нас — это в какой-то степени ресторан.

Я заказал своим «котяткам» мороженое, кока-колу, пирожки.

Себе — из экономии — взял только спрайт.

Ели, смотрели по сторонам.

Я по традиции приставал к Наташе со странной просьбой:

— Покажи попугая.

Наташа зажмуривала один глаз, откидывала назад голову... Было похоже.

Настя тоже просила маму показать попугая.

Смеялись.

Настюшка говорила:

— Небось за соседним столиком нам удивляются. Скажут — пришли какие-то сумасшедшие. Попугаев показывают, взрослая женщина называет молодого мужчину папой...

•••

Когда возвращались домой, купили за двадцать рублей большой сливочный пломбир. Раньше он стоил сорок восемь копеек.

•••

Рабочая неделя пролетела быстро. В выходные поехали на электричке на мою подмосковную дачу.

•••

Шли от станции к дому через огромное, заросшее клевером, кашкой поле.

Настя сказала:

— Так и хочется лечь в траву! И вообще, жить среди природы...

Глаза — чистые-чистые, прекрасные.

•••

На даче я совершил подвиг — прочистил водопровод.

•••

Разговорился с соседом Николаем Ивановичем.

Он:

— Как же быстро пролетает жизнь... Вроде еще вчера был пацаном, а сейчас мне уже 64 года...

Удивительное дело: я помню его внука Диму совсем малышом, а сейчас у него 46 размер обуви и 186 см роста.

•••

В квартире, в Москве, стоял таз отборной купленной малины. Настя к ней даже не притронулась.

А на даче стала собирать малину.

•••

Я жарил шашлыки, Наташа готовила салат из огурцов и помидоров... Потом все втроем ели и болтали. Разве не в этом смысл жизни?

•••

Мы ехали на электричке домой, в Москву. Я думал: накоплю денег, буду жить на даче, на своей замечательной даче, обнесенной двухметровым забором, косить мощной газонокосилкой траву, пить студеную воду из колодца, на втором этаже поставлю компьютер, начну писать романы, повести, рассказы, заведу собаку.

И, может быть, Наташа с Настей вернутся?!

•••

На следующий день ходили в театр Российской армии. Больше всего мне понравилось в буфете.

•••

Через три дня Наташа с Настей уехали в Берлин.

•••

Из Германии Настя прислала рассказ.

*Каникулы в Москве,
или детские впечатления*

Каждые каникулы мы с мамой ездим в Москву. Мам у нас живет папка. Папка нас двоих называет своими котятками. А меня — толстяком, худышкой, чуна-чунеком, котенком, Журавленком, лисенком, зайчонком, да и вообще, как ему заблагорассудится, но вообще-то мое имя — Настюшка.

Маму папа называет мамма или Мамука, хотя ее зовут Наташа.

В каждое письмо папка нам пишет, что ждет в гости своих котят. Правда, когда мы приезжаем, он от нас очень быстро улетает. И пытается скорее устроиться на кровати и заснуть. Спать мой папка может хоть целые сутки, правда, с длительными перерывами на обед.

Мы с мамой в Москве очень много гуляем, посещаем театры, выставки... Иногда с нами ходит и папка. Вот недавно мы все вместе ходили в театр Российской армии на какой-то спектакль. Как только папка вошел в зал, так сразу же и заснул. Но когда проснулся, стал громче всех кричать: «Браво, браво!» Видно, он так обрадовался, что спектакль закончился.

По вечерам мы с папкой играем. В бой, кораблики, города, веришь-не веришь. Но чаще всего в картишки — в подкидного дурака, еску или козла. Когда мы садимся

играть, папка всегда говорит: «Мне с тобой неинтересно играть, мне заранее известно, кто дурик». Я отвечаю, что и мне известно. Но концы ставили игру в Жмурки. В эти каникулы папка проиграл мне сто миллионов раз. Проигравший должен водить. Но хотя папка проиграл сто миллионов раз, он сыграл со мной в Жмурки только два раза. И я немножко обиделся.

Иногда по вечерам мы ходили в «Макдоналды». Мы садился за стол, а мама покупает нам разные вкусности — чизбургеры, пирожки, колу, мороженое. Потом папка начинает просить маму, чтобы она показала попугая. Мама отнекивается, но потом показывает. Правда, не очень похоже.

Еще папа любит попросить маму, чтобы она показала, как кричат шлеки. Мама кричит: «Му-у-у...» Папка улыбается. Ему это очень нравится, хотя я сомневаюсь, что шлеки кричат именно так. Впрочем, папка и меня научил кричать по-шлеки.

Иногда папа с мамой ссорятся. И тогда папа начинает нагленько обзывать маму — называть ее Наташей. Это маме очень не нравится, она злится и в отместку обзывает папу Женей.

Папа обижается на маму из-за того, что она живет с другим мужем, а не с ним. Но мама считает своим мужем, а также папой моего папку, а с новым мужем, говорит мама, у нее просто дружба. Папе это все не нравится, он сердится, называет себя ничтожеством, грозит, что поедет отдыхать на летние каникулы один. А потом опять пишет нам письмо, что ждет своих котят.

•••

•••

Проработав в «Энерготресте» почти полгода, я стал задумываться о некоторых мистических вещах. В частности, о фамилиях наших начальников. Ген. директор — Золотистый. Золото... Его зам. по технической части — Горемыка... Директор столовой «Энерготреста» — Салов. И т.д.

•••

Фотограф Леша Антонович повесил иконку возле двери. Я сказал:

— Увидите, как скоро определенные силы на это отреагируют. Они не заставят себя долго ждать.

Леша несколько странно, удивленно улыбнулся.

Через пять минут прибежал Шорохов:

— Кто это здесь иконы развесил? Кто это у нас такой верующий?

•••

Вечером нежданно-негаданно нагрянул с инспекцией Вавилонов. Он пришел посмотреть стенды, которые мы готовили, и заодно заглянул в видео-студию, чтобы контролировать съемки очередной передачи.

По ходу дела он сделал замечания:

— Чересчур много новогодних праздников, а они уже прошли, и непростительно мало Чубатого, ведь все-таки он наш шеф. Если вам не сложно, пожалуйста, подправьте.

И тут Света неожиданно «вспыхнула»:

— Я не буду ничего править. Вы же, Юрий Николаевич, читали и утвердили сценарий. Раньше надо было думать.

Вавилонов опешил:

— Света, но я же ваш руководитель, неужели вам трудно учесть мои замечания?

Вавилонова поддержал Шорохов:

— Свет, кончай ерепениться! Послушай!..

Света:

— А вы вообще молчите. Вы в нашем деле ничего не понимаете.

Света заводилась, накручивая себя, и орала все громче и громче.

Вавилонов и Шорохов вышли в коридор.

— Выгоняй ее к ебени матери, — сказал Вавилонов. — И проведи планерку. Объяви ей для начала замечание.

Шорохов собрал совещание. Объявил Свете, как велел Вавилонов, замечание.

Света спросила:

— Это все?

— Да, все, — ответил Шорохов.

— Ну, тогда я пошла, — сказала Света, — у меня больничный на неделю. Я пришла сюда с температурой.

— Ну и иди, иди! — зарычал Шорохов.

А сам стал кричать уже на Сашу и Олега, наших оператора и звукорежиссера.

— Почему вы не могли ее остановить, вам что, работу охота потерять, вы куда смотрели? У вас что, уже подбраны новые рабочие места?

Ругань продолжалась минут сорок.

•••

Света появилась через три дня, как ни в чем не бывало. Она зашла к Шорохову, тот обсуждал план сценария с Сашей.

— Михаил Андреевич, я нужна? — спросила Света.

— Нет, вы мне абсолютно не нужны, — ответил Шорохов.

— Тогда дайте мне отгулы — вот мое заявление.

— Я вам не дам отгулы.

— Но я же не нужна.

Света вышла из кабинета.

•••

Шорохов опять собрал совещание, начал отчитывать Свету.

Та защищалась:

— Но вы же сами сказали, что я не нужна. Саша — свидетель. Да, Саша?

— Да, — сказал благородный Саша.

— Что?! — завопил Шорохов. — Я не говорил этого!

— Вы это говорили, — подтвердил Саша.

— Я говорил в другом контексте. Света, уходи!

•••

Когда Света ушла, Шорохов продолжил орать на оператора. Тот молчал.

Когда Саша вышел из комнаты, Шорохов стал орать еще сильнее, его голос постепенно становился похожим на хрип:

— Козел, гад, я его уничтожу, уволю! Скажите ему все, чтобы он искал другую работу.

А Света тем временем написала «телегу» Вавилонову, рассказав в красках о стиле руководства Шорохова. И попросила Сашу расписаться на этом документе. Он расписался.

Через несколько минут об этом узнал Шорохов, и крики — уже просто в пространство — раздавались часа два.

Саша был объявлен врагом номер один.

•••

Когда Шорохов стих и куда-то смылся, появилась Света и стала настраивать и Антоновича, и меня против шефа:

— Он меня хочет уволить, ни хуя у него не

выйдет. Его самого отсюда выпиздят, ненормального. У меня на него компромата выше крыши. Я его за одни побитые стекла посажу.

(Я тут же вспомнил историю про то, как у Светы в квартире выбили стекла, а Шорохов объявил тогда на планерке, что это сделали светины любовники — грузины.)

— Он мне тебя, Леш, послал стекла вставлять, — продолжила Света, обращаясь к Антоновичу, — потому что сам их и выбил, его все видели, и я — в том числе. Потом он побежал по соседям и спрашивал топор, чтобы вскрыть дверь. Я дам на лапу криминалисту, он мне подтвердит, что на кирпичах — отпечатки пальцев Шорохова, козла вонючего, ему дадут просрать.

— Света, но я все-таки не верю, что это сделал Шорохов, — лукавил я, уже не сомневаясь в ее правоте.

— Да вы не верьте, но я-то его сама видела.

— А что же он говорит?

— А что говорит? Пьяный был — говорит...

— Света, и все-равно, вы между собой ругаетесь, а страдают ребята.

— Какие?

— Ну, Саша, например.

— Шорохов Сашу не тронет. Я к нему привыкла. Он мне нужен. Это м о й человек.

— Гарантируешь, что его не уволят?

— Гарантирую.

Больше мне от нее не надо было ничего.

•••

Во время этого разговора мы переглянулись с Лешей и улыбнулись друг другу.

•••

— Шорохов — это нечистая сила! — как-то обреченно сказал Антонович.

— Да нет, просто мелкий пакостник. Но мне кажется, Шорохов и Света — единый организм.

•••

Потом я поднялся к Олегу, в монтажную. Опять костерили Шорохова.

Неожиданно раздался звонок. Шорохов приглашал Олега к себе в кабинет выпить.

Олег покорно согласился.

•••

Через полчаса он возвратился.

Он был безумно удивлен:

— Ты представляешь, в кабинете Шорохова сейчас сидят Света, Трофимыч, ну и сам Михал Андреич. Пьют. Света кричит: «Михаил Андреевич, простите, я больше не буду. А к Вавилонову я завтра пойду просить прощения». Шорохов ей отвечает: «Молодец. Кто в пресс-центре папа?» «Вы, Михаил Андреевич, вы. Вы — отец родной», — щебечет Света.

•••

Утром, во время планерки Света, как всегда, ссорилась с Шороховым. Они опять орали друг на друга, как супруги.

•••

Вечером Шорохов трахал Свету. Из его кабинета доносились страстные, характерные стоны.

Я сидел на работе, печатал этот невыдуманный роман. Света подошла ко мне:

— У меня семнадцатого апреля — свадьба. Я боюсь, что Шорохов ее может расстроить. Своего жениха я очень люблю. Понимаете?

— Понимаю, — ответил я. — Для того чтобы не потерять мужа, вы должны трахаться с Шороховым.

— Да, — всхлипнула Света.

И несчастная пошла домой.

•••

Разговаривал по телефону со школьным другом Юрой Сайтовым. Он сказал:

— Сейчас два вида женщин. Первые — которые продаются мужчинам. Вторые — которые покупают мужчин. А середины нет. С нормальными мужчинами женщинам почему-то неинтересно.

•••

Утром опять нагрязнул Вавилонов. Света подошла к нему попросить прощения.

Произнесла унижительные слова.

А Вавилонов — выслушав их — сказал, как отрезал:

— Не надо, Света, не надо.

И — бочком от нее, бочком. К выходу.

— Он ей отомстит, — заключил Антонович. — Он ничего не прощает. Виду, конечно, не подаст. Но сделает пакость тишком.

•••

В обед позвонил мой нью-йоркский приятель Миша Синявин. Он прилетел по своим переводческим делам на три дня в Москву и пригласил меня в кафе. Выпили. Поболтали. В основном говорил он.

Я слушал, а в голове почему-то вертелась мысль о

том, как Миша в свое время позвонил мне откуда-то с Ямайки и сообщил

, что Лера якобы сказала ему, что Женей (то есть мной) больше не интересуется. Любопытно, какие мотивы им двигали?

•••

Потом я вернулся на работу. Поддатый. Начал подтрунивать над Шороховым. Но — не сильно. Бдительность до конца не потерял.

•••

Разговаривал с Олегом.

Он высказался очень мудро.

— Мы сами во всем виноваты. Мы заслуживаем того руководителя, который у нас есть. Видимо, он нас утраивает.

Такую же точку зрения я высказал Антоновичу еще неделю назад.

•••

В выходной ходил на рынок за овощами. Неожиданно укусила оса. Боль. Как будто обжегся. Спросил у продавщицы:

— Что делать?

— Срочно растирай руку землей!

Растер. Полегчало. Спасибо продавщице.

•••

Вечером смотрел телевизор. Николай Сванидзе показывал какую-то свою очередную передачу. Рассказывал об Андрее Белом. А на экране — фотография Игоря Северянина.

•••

Оказывается, войну Шорохову объявили и Наденька, и Кузнечиков.

Наденька, узнав, что Шорохов обливал ее грязью, побежала к Вавилонову. И наговорила ему гадостей про шефа, в частности, сообщив, что плохого мнения о Шорохове в пресс-центре все, но все боятся, поскольку Шорохов пугает увольнениями, всякий раз подчеркивает, что они с Вавилоновым — друзья.

Вавилонов сказал:

— Передайте коллективу, чтобы никто не боялся. Никого не уволю. Я Шорохову не друг, у меня друг один — это начальник отдела кадров Макаренков.

•••

Вечером мы ехали с Кузнечиковым домой. Я впервые, как дурак, был с ним откровенен.

— Это мразь, если он будет меня трогать — я его порешу. Кузнечиков обрадовался.

— Это не просто мразь, это отпетая мразь. Надо его валить. Ребята видят во мне противостояние ему. Но, увы, мы мало работаем в пресс-центре, а в Гресте признают только проверенные кадры. Так что, будем подождать, будем посмотреть. Ты понимаешь, он меня отключил от всех дел, не дает заработать ни цента, а поначалу обещал золотые горы.

Мы договорились с Кузнечиковым о том, что несмотря на любые гипотетические конфликты (между нами), друг друга не выдадим.

•••

висть к Шорохову тишайший и мудрый Антонович.

— Неужели он не понимает, что он негодяй? — возмутился обычно молчаливый Леша. — Он всех здесь запугал, всем испортил жизнь, устраивал оргии, вовлек в них — одновременно! — Свету, Надю, Нину Даниловну, теперь их шантажирует видеокассетами. Поэтому — обратите внимание! — Нина Даниловна никогда не скажет ни слова против Шорохова. Бойтесь ее — она «стучит». Так же как и Трофимыч, его нынешний верный пес. У них ведь был конфликт. Когда Шорохов находился в отпуске, Трофимычу (он тогда замещал Михаила Андреевича) позвонил Вавилонов и сказал, что в одной из комнат пресс-центра будет раздевалка футболистов «Энерготреста». Трофимыч согласился, поскольку боялся оказаться уволенным. И, не согласовав этот вопрос с Шороховым, подписал все бумаги. Шорохов, придя из отпуска, был в ярости. И побежал — через голову — к Золотистому. Все вопросы решил. Футболистов выгнал. А Трофимыча начал выживать. Поставил его — фигурально — на колени. Теперь Трофимыч замаливает «грех» — «стучит» на всех.

•••

Шорохов заболел. Но по телефону дал задание «написать про баб в «Вестник», посвященный восьмому марта». Кузнечиков позвонил Вавилонову — уточнить, про каких баб. Вавилонов сказал:

— Идите к начальнику планового отдела Райскому, пусть он расскажет про своего зама — про Нину Габриэлян.

Кузнечиков созвонился с Райским. Мы пришли к нему.

Он спросил:

— Чего хотите?

Я ответил:

— Нам нужна объективка на Габриэлян, ну и с

ней мы хотели бы немного поговорить.

Он:

— Так бы сразу и сказали. А то ходите здесь, как козлы. То одни ходили, теперь другие.

И ушел.

Я побежал за ним, чтобы дать ему в морду. Но он уже скрылся. Я сел на стул. Я опешил. Потом сказал Кузнечикову:

— Иди и скажи ему, что козел это он, а я вызываю его на дуэль.

Кузнечиков пробурчал:

— Да хватит, проехали.

Я вернулся в пресс-центр. Кузнечиков побежал жаловаться Вавилонову. Я начал набирать телефонный номер Райского. Никто не подходил.

На следующий день я не мог до него дозвониться полдня. Наконец, Райский подошел к телефону. Я сказал:

— Вчера к вам приходили два сотрудника пресс-центра. Один из них — это я, журналист Степнов. Вы меня оскорбили. Так вот я говорю вам, что козел — это вы. Я надеюсь увидеть ваших секундантов. И прошу считать, что вам нанесена пощечина. До свидания.

И положил трубку.

Мою речь слышал Антонович. И пожал мне руку.

Я гордо рассказал обо всем Кузнечикову, он — перепуганный — отбежал от меня в сторону:

— Зачем вы это сделали? Вас уволят. Вам уже здесь не работать.

Он чуть не плакал.

А я был доволен. Я мог жить дальше спокойно.

счастливы, ходили, расправив плечи.

И вот он вернулся. Сразу начался невроз в работе, поступали все новые и новые «мудрые» указания, разбирались дела, которые были уже давным-давно завершены.

— А стихотворение у вас хорошее, Евгений Викторович, — начал подлизываться ко мне Шорохов. — Но в «Вестник» оно не годилось. Я же сказал: в адрес его надо было вставить.

— Так мы и вставили его в адрес.

— А кто же его снял?

— Я не знаю.

— Это какое-то недоразумение, — отвечал Шорохов, который сам и запретил печатать мое стихотворение в приветственном адресе.

•••

Мы уже делали новый «Вестник».

— Отправь текст со статьей про Золотистого лично Юрию Николаевичу на подпись! — сказал Шорохов Кузнечикову. И сделал приписку на тексте: *Ю.Н. Вавилонову — на визу.*

Кузнечиков отнес. А Вавилонову текст не понравился. Он облаял Шорохова. Шорохов в бешенстве прилетел в пресс-центр и начал орать как бы в пространство, но при этом смотря на Кузнечикова:

— Уволю всех, сволочи, подставляете меня. Ты зачем, Владимир, статью отнес Вавилонову?

Кузнечиков:

— Так вы же сами приказали.

Шорохов:

— Я имел в виду другое.

Кузнечиков развел руками.

•••

Через полчаса он зашел ко мне.

— Ты знаешь, Шорохов в бешенстве, опять облаял меня ни за что, тебя тоже поливал почем зря.

— Что говорил конкретно?

— Сказал, что не пойдет к тебе, боится сорваться, послать тебя на хуй...

— Что?!

— Да, так и сказал.

— Передай ему, что он — чмо, и я ему голову снесу.

— Жэка, ты только не заводись.

— Я спокоен.

Потом я пошел к Свете и попросил ее передать Шорохову мои слова. О том же я попросил и Михаила Ивановича.

Я решил так: на все выпадки в кулуарах буду отвечать также в кулуарах. А на прямые наезды — также прямо.

•••

Шорохов никак на мои угрозы не отреагировал.

•••

Райский не позвонил.

•••

Вечером смотрел телевизор. Михаил Боярский говорил: «В наше время главное искусство — искусство воровать. Я не хочу этому учить своих детей. И все-таки хочу им счастья».

Наступило восьмое марта.

Шорохов сказал, что никаких посиделок не будет. Я запротестовал:

— Ну, хотя бы чаю с тортом надо попить.

— Нет, не надо, я еще руковожу.

Не надо и не надо. Однако на следующий день торт был куплен. Вовой.

— Я все-таки его уговорил, — сказал Кузнечиков. — И правильно сделал. Вавилонов звонил, спрашивал, как у нас прошел праздник?

Когда женщины разошлись, мы остались в мужском коллективе. Разговаривали с Олегом, Вовой.

Вдруг влетел Трофимыч:

— Степнов, я тебя выебу. Ты сказал, чтобы я подписал письмо Нестору, а оно, оказывается, не согласовано с Шороховым.

Я заорал:

— Пошел ты на хуй!

Трофимыч сразу изменил тон.

— Но ты же виноват.

— Я не виноват. Мне надо выпускать газету. Ты отдавал команды во время отсутствия Шорохова. У кого же я должен был подписывать бумагу? Тем более что и Кузнечикова тогда на месте не оказалось.

Трофимыч махнул рукой.

Через пять минут я успокоился. Подошел к Трофимычу и извинился:

— Коля, я не хотел тебе сделать зла. Прости. Если тебя будут ругать, скажи, что во всем виноват Степнов. Я подтверждаю.

•••

Домой опять ехали вместе с Кузнечиковым.

Он возмутился, проклинал Шорохова и вместе с тем оправдывался:

— Ты не думай, я не штрейкбрехер. Я мог устроить сейчас большую битву. Но еще рано. Если бы все сейчас начали бузить, Вавилонов мог бы вообще нас расформировать как структуру. А я этого не хочу. Я хочу работать в пресс-центре.

— Я тоже, — сказал я. — Я тебя, Володя, не осуждаю. Его валить еще рано. Сил у нас пока маловато. Надо копить компромат. К тому же Шорохов сам себя изживет. Все-таки он человек не вполне нормальный. Так что, ты не расстраивайся из-за него, пойми простую вещь: перед нами чудаковатый парень. Я уже на него не реагирую. Я просто посылаю его на хуй. Я так ему и говорю: не лезьте ко мне. Я делаю дело, все. Я ему не мешаю, пусть он не мешает мне. А будет лезть — получит по морде.

Кузнечиков кивал.

•••

Вечером смотрел волейбол по телевизору. Наши девчата, прекрасные волейболистки сборной России, похожие на удлинённых и возвышенных героинь Модильяни, совершили абсолютно героический поступок: выиграли в жуткой полуфинальной битве — постоянно отыгрываясь! — у коварных бразилианок. Катя Гамова, Любовь Соколова... — смотрел на них с наслаждением!

•••

Когда великий тренер Николай Васильевич Карполь орет на своих подопечных, совершенно очевидно, что он не орет, а заряжает их своей фантастической энергией. Заряжает энергией и... делает то, что делает мужчина с женщиной в нежные минуты. Девки — умницы! Безропотно его слушают и выполняют приказы. Вот и результаты есть. Мужская сила. Женская си-

ла и чары. Инь и Ян. Космос. Карполь и девки.

•••

Через три дня опять смотрел волейбол. Мы проиграли в финале китайкам. Не беда. Девчонки и Карполь старались. Сделали все, что смогли. Просто китайки оказались сильнее. И, как говорит моя мама, слишком хорошо — тоже нехорошо.

•••

Шорохов опять заболел. Сказал, что у него радикулит. Когда вышел — у него на лбу все заметили огромный шрам. Видимо, кто-то ему врезал очень крепко. Шорохова как подменили. Он стал вежливый, спокойный, вменяемый.

К тому же он получил нагоняй от Вавилонова, который внял критике Наденьки. И пообещал при следующей неурядице Шорохова уволить.

•••

Я сидел в своем кабинете и печатал свой роман. В дверь постучали. Вошел Шорохов.

— Вы работаете, Евгений Викторович? Извините, не буду вам мешать.

И вышел.

•••

Наступили хорошие времена.

•••

Я выпустил книжку стихов. Показал ее одной известной поэтессе. Она прочитала и похвалила. Сказала:

— Приезжай в гости. Я буду тебя хвалить.

К сожалению, я тщеславен. Я решил, что речь поэтессы надо зафиксировать. Задумал взять с собой видеокамеру. Спихватился и вспомнил, что она у меня в моей квартире, у Владика. Позвонил ему. Его дома не оказалось. Я решил заехать без звонка.

•••

Начал открывать дверь. Открыл. В коридоре стояли Владик и Лена, моя соседка, из-за которой я, собственно, и съехал с квартиры. Лена сказала:

— Ну, я пошла к себе.

Когда она вышла, я спросил Владика:

— Давно?

— Да вот уже две недели. Поверь, с моей стороны не было никаких шагов. Это исключительно ее инициатива. Что ты мне посоветуешь сделать?

— Ты взрослый человек. Решай сам.

•••

Мы расстались мирно.

•••

Я поехал к поэтессе. Она меня успокоила. Хвалила мои стихи.

•••

Через неделю Владик съехал с квартиры. Я вернулся к себе домой.

Нежданно-негаданно позвонила Лера:

— А я в Москве. Когда увидимся?

Мы встретились в метро. Я принес ей букет цветов, смотрел на нее и не верил своим глазам... Мы не виделись два года — она ни капельки не изменилась.

Дома мы накинулись друг на друга... Лежа на диване, я читал ей свои стихи, посвященные ей, рассказывал о себе, она гладила меня по волосам и бормотала:

— Какие же мы идиоты, какие же мы идиоты! Надо все срочно менять. Давай куда-нибудь уедем. Может быть, в Прагу? Срочно бери билеты!

— У тебя кто-нибудь есть? — спросил я.

— Я ждала тебя год. А потом появился один мужчина. Он женат, заезжает ко мне иногда. Секс с ним превосходен. Но это только секс. Душа свободна.

— Выходи за меня! — сказал я.

— Я бы с радостью, но я уже не смогу иметь детей. Я болею. Я и приехала сюда лечиться.

— Вылечим.

— Хорошо, — она улыбнулась, — дай мне подумать.

•••

Она уехала в гостиницу.

•••

На следующий день мы пошли на выставку в Дом Художника на Парке Культуры. По дороге болтали и целовались, болтали и целовались. Как будто и не было этих двух лет.

•••

Вечером она опять уехала в отель. Я позвонил. Сказал, что счастлив.

— Ты знаешь, мы с тобой целовались сегодня, как подростки. Удивительно!

— Нет, Женя, мы не целовались. Это так...

— Что так?

— Не важно, ничего не хочу объяснять.

— Ну ладно, — сказал я, — не хочешь, так не хочешь.

Как захочешь — позвони. Счастливо!

И положил трубку.

Больше мы с Лерой Густафсон не виделись.

•••

Наступило лето. Я целиком и полностью окунулся в дачный сезон.

•••

После тридцати я стал как все. Жизнь начала развиваться по отработанной многими поколениями формуле: работа — квартира — дача. На иное сил уже не хватало.

На даче я занимался в основном двумя важными делами — топил печку и стриг газон. И еще писал стихи. Несколько малюсеньких грядок я отвел под клубнику и кабачки. Мой образ жизни поначалу удивлял соседей, потом они привыкли и даже высказывали — на словах! — восхищение моим газоном. Как это ни удивительно, среди моих соседей оказалось совсем немного русских. Слева от меня жила замечательная татарская семья Сафиных, справа — поляки Поковские, через дорогу армянин Миша с супругой, через канаву — украинец Коля Горбенко с женой-осетинкой Риной. Еще я общался с хохлом Гришей по фамилии Царинский.

Соседи ко мне относились хорошо. Я к ним — тоже. Достаток у нас был примерно одинаковый и, следовательно, мы друг друга не раздражали. До-

вольно плотно я общался с Колей Горбенко. Он частенько приглашал меня к себе через канаву — то антенну ему помочь установить, то линолеум настелить, то что-то еще сделать. После этого мы трапезничали. Рина гостеприимно угощала меня различными восточными яствами.

Поев, мы ходили по их домику и участку. Коля восторгался сам собой:

— Смотри, Евгений, какие у меня решетки на окнах! Сам сделал. Все тютелька в тютельку. Миллиметровщик! А вот глянь, какую я этажерочку смастерил. Потряска!

Я охотно поддакивал. Тем более что восхищаться действительно было чем. Особенно — порядком на его участке. Ни сорняка, ни соринки, все на своем месте. И — отменные урожаи! И — розы в цветнике!

Иногда Коля и Рина приглашали меня в гости просто так — на обед. И тут я уже обязан был в о с х и щ а т ь с я Колиным мастерством, трудолюбием. И т.д.

•••

Сам Коля особенной вежливостью не отличался.

Однажды он был у меня в гостях и первым делом спросил:

— А кто это тебе сделал такую лестницу? Ему надо руки оторвать.

Я не стал уточнять. Но руки, на всякий случай, спрятал за спину.

Коля пообещал мне сделать лестницу. А вместо этого через неделю, не поставив меня в известность, сделал в нашей общей канаве сарай. Я обиделся. Сказал об этом Коле. Он не отреагировал. Более того, когда я приехал на дачу еще через неделю, сарай увеличился вдвое и вплотную приблизился к моей теплице.

Увидев Колю, я сказал:

— Твои корабли вошли в мои территориальные воды. Ты стал агрессивен, точно НАТО. Я разрываю с тобой дипломатические отношения и объявляю тебе войну. Ты меня не уважаешь.

— Это ты меня не уважаешь! — парировал Коля. — Я тебе сколько раз говорил, чтобы ты срач со своей стороны канавы убрал. А ты не послушался.

В общем, с Колей мы больше не разговариваем. И, как ни странно, не переживаем из-за этого. Иногда я слышу его активное украинское пение из-за канавы, вижу его голый торс. Он рассказывает о своих геройских дачных успехах кому-то другому.

•••

О конфликте с Горбенко я рассказал другому соседу — Коле Поковскому. Он насторожился:

— Женек, а зачем тебе эти конфликты? Спусти все на тормозах.

И добавил:

— Ты умеешь хранить секреты?

— Умею.

— Тогда не проболтайся моей жене. Я у тебя зимой с бани снял трубу, установил у себя на печке. Не проболтайся!

— А когда поставишь назад?

— Ну, как один приеду на дачу, так и установлю.

Что ж, обещанного три года ждут. Хорошо хоть — не снял трубу с моего дома. А ведь мог. Но не стал. Порядочный человек.

•••

ринский. Два сезона мы с ним дружили. Помогали друг другу. Я пособлял ему валить лес на баню. Он мне — покрывать теплицы пленкой.

•••

Недавно Гриша предложил еще один взаимовыгодный вариант.

— Евгений, — сказал он мне, — у тебя остался кирпич после печников. Он тебе не нужен. А у меня есть блоки для отмостки. Давай баш на баш. Ты мне кирпичи, а я тебе обеспечу отмостку.

Я согласился. Обсыпал весь дом песком. Показал Грише. Он одобрил мои интеллигентские старания.

Потом он забрал мои кирпичи. Через некоторое время я пошел за своими блоками.

Гриша начал их выдавать.

— Ну вот, — сказал он, — на одну сторону тебе хватит.

— А на другие?

— А разве я говорил — на все? Я так не говорил.

— Ну, ты же видел, что я песком обсыпал весь дом. Мог бы мне сразу сказать...

— ...Ну, если хочешь, давай отменим сделку.

Сделку я отменять не стал, тем более что Гриша до этого подарил мне хорошую военную кровать. Но еще раз поразился богатству русского языка. Как у нас все ловко устроено для того, чтобы обманывать друг друга. Ведь Гриша, в самом деле, не сказал, что даст мне блоков на четыре стороны. Он сказал: «Я тебе обеспечу отмостку». На сколько сторон — не уточнил. Помню, в свое время он также говорил: «Печку я помогу тебе сделать. Главное найми печника. А подготовительные работы — дело десятое. Стена уберется. Фундамент — тоже не проблема. Сделается...»

Сделается... Я в этом слове услышал, что сделает Гриша. А он услышал, что сделаю я. В итоге, мне,

конечно, пришлось заказывать фундамент у самих печников.

Словом, соседи у меня весьма интересные.

•••

Возвращался с дачи. Ехал в метро. Уставший, голодный, небритый. Из-под ногтей торчала несмываемая холодной водой черная земля. Никто не обращал внимания на мой вид — все понимали: перед ними дачник, кулак, шестисоточник.

И вдруг в вагон вошла девушка, о которой я мечтал, может быть, всю жизнь. Длинная, худая, голубоглазая блондинка, очень похожая на Леру. Она села напротив меня, достала книжку «Язык жестов» и начала читать. Потом достала из сумочки бутылку пива. И, читая, весьма сексуально попивала «Клинское». Иногда она отрывалась от книги, и я имел возможность заглянуть в ее очень умные, добрые глаза.

Заговорить с ней — в таком-то виде! — я не мог. Просто глядел на нее, точно загипнотизированный. Я был поражен тем, что идеальный женский образ, сложившийся ранее у меня в голове, Всевышний опять являл мне в действительности. Гипотеза о материализации мысли находила очередное подтверждение.

Мы вышли вместе на «Маяковке». Она пошла в другую сторону. Не в ту, в которую надо было мне. Однако я вместе со своими громоздкими дачными сумками засеменял за ней, точно собачонка за хозяйкой. Потом она села в троллейбус. И уехала. В какую-то непостижимую страну реализовавшихся грез.

•••

Шорохов умотал в отпуск. Жизнь в пресс-центре замерла.

•••

Через неделю я вновь приехал на дачу и обнаружил у себя на участке председателя нашего кооператива. Он был с каким-то мужиком. Они возмущались тем, что Горбенко построил в общей канаве сарай. А еще, как выяснилось, незаконно подключился к моему гибкому шлангу, передвинул общественный водопровод. Они протянули мне письмо, в котором клеймили Горбенко позором.

Я еще раз осознал, что справедливость все-таки есть. Не надо суетиться. Бог не Яшка. Все видит.

На общем собрании постановили обязать Горбенко убрать сарай и заплатить штраф за самовольное подключение к водопроводу. К тому же его пообещали отсоединить от моего гибкого шланга. Это меня очень порадовало.

•••

Страшное известие. Умер мой лучший друг Юра Сатов. Рак мозга. Осталось четверо детей. 3 сентября состоялось прощание в больнице № 15.

Я пришел, увидел Катю, жену Юры, его детей, маму. Вечером я написал Юре письмо...

ПИСЬМО ЮРЕ

Юра, я пишу тебе письмо. Ты есть. Ты просто перешел в иной мир. Ты видишь теперь то, что не видим мы. Но не видишь то, что видим мы.

Мы похоронили тебя 3 сентября. Было много людей — тетя Рая (твоя мама), Катя со старшими детьми (с Мишей и Тимуром), Олег Витальевич (твой тесть) с женой (тещей), другие родственники, сослуживцы... Пришли ребята — Юрий, Мишка Гагарин (Исатов не смог, был в рейсе).

Прощальные речи сказали Олег Витальевич, пред-

ставитель Института, твоя мама.

Ты есть. Я это точно знаю. И ты герой. Потому что ты смог победить смерть. Смертью смерть поправ. У тебя осталось четверо замечательных, очень похожих на тебя детей. А это значит, что остался и ты. Твоя кровь, твои гены, твой код.

Мы дружили почти двадцать лет, со школьной скамьи. И даже находясь в разных измерениях, мы все равно остаемся вместе. Я мысленно продолжаю с тобой разговаривать. Ты мне и всем твоим близким и друзьям очень нужен. Очень.

•••

Пришел домой. Включил телевизор. Тоска беспроблемная. Взрывают самолеты, захватывают школьников, по Москве страшно ходить. И все чиновники на своих местах. И никто не подает в отставку. Господи, где же мы живем?!

•••

Вечером по телевизору Жириновский рассказывал гадости уже про Зою Космодемьянскую и Александра Матросова. Мерзавец! И ведущие Смирнова и Толстая его не одергивают — вяжут, вышивают крестиком. Ну, вяжите вы дома. А хама-то надо останавливать.

•••

Захватили заложников-школьников в Северной Осетии. Как передают западные СМИ, среди жертв есть дети. Война, идет война. А мы все делаем вид, что ее нет.

Вечером разговаривал по телефону на эту тему с Леной Гонкуровой. Я возмущался:

— Не надо противоречить самим себе. Если мы

считаем, что Чечня — часть России, то значит, война идет во всей стране. Гражданская война. И в Чечне были тоже убиты дети. Убиты взрослыми людьми. Кто прав, кто виноват в этом ужасном военном конфликте — рассудит время. И вынесет свой приговор. Но поскольку я гражданин России, то выступаю за ее интересы. Выступаю сейчас. Раз война — значит надо немедленно вводить военное положение, комендантский час и т.д. Хватит расслабляться и кутить в ресторанах, казино...

— Может быть, ты перегибаешь?

— Не думаю. Не до отдыха сейчас. Ибо гибнет ни в чем не повинное мирное население. Его следует оберегать. А не можешь — надо уходить в отставку...

•••

Министр обороны Иванов заявил по телевизору:

— Нам объявили войну...

Эта война идет уже годы, господин министр. Годы. Что же будет дальше?

•••

Впервые в жизни читал Юлиана Семенова. Оказалось, это был очень профессиональный автор.

•••

Приехали Наташа и Настя. Дочка готовится к поступлению в Театральный институт. Учит наизусть какой-то длиннющий текст. У нее не получается. Тяжело вздыхает.

— Нет, я никогда это не выучу, пойду лучше в уборщицы.

И самоиронично добавляет:

— Хотя меня и в уборщицы не возьмут — я убираться не умею.

•••

Настя, когда заканчивает работать на компьютере, тут же его выключает. Даже если делает перерыв всего на пять минут.

Я ей говорю:

— Зачем ты это делаешь? Ведь потом опять надо включать, неудобно...

Она каждый раз мне удивленно отвечает:

— Нельзя понапрасну тратить электроэнергию...

Вот что значит — жить в Германии много лет.

•••

Устав от бессмысленной работы в «Энерготресте», я начал думать о своем деле. Зарегистрировал фирму. Переговорил с Вавионовым о своих планах.

Он — святая душа! — неожиданно проникся ко мне:

— Я вам помогу — дам заказ. Тогда вам будет легче выжить в беспощадных джунглях бизнеса.

И сдержал свое слово. Он предложил мне написать книгу об «Энерготресте» и потом издать ее. В бухгалтерии мне выдали аванс. Контракт был рассчитан на год.

Я быстренько уволился из «Энерготреста» (Шорохов не возражал), снял в недорогой гостинице (на окраине, но рядом с домом) номер за 300 долларов в месяц, нанял верстальщика и бухгалтера. Начал работать над книгой и параллельно искать другие заказы. Они стали появляться. Оказалось, что в Москве нужны даже такие непригодные к бизнесу люди, как я. Кто-то стал заказывать буклеты, кто-то — поэтические сборники (выяснилось, что полстраны пишет стихи!). Мы

с моим верстальщиком Сергеей даже начали думать, как бы нам расшириться.

Через полгода в фирме работало 7 человек, и мы становились известным и преуспевающим издательством.

•••

Появился достаток.

•••

Настя стала гражданкой ФРГ. Я перечислил деньги, и Наташа купила уютную двухкомнатную квартиру в Западном Берлине, в престижном районе Шарлоттенбург. Шестьдесят квадратных метров, третий этаж пятиэтажного кирпичного дома. Огороженный и замощенный двор. Солидное окружение.

•••

Настя прислала мне приглашение в Берлин. Я приехал.

Берлин удивил. Это, пожалуй, самый загадочный город, из всех, которые мне удалось посетить. Вроде город, а вместе с тем уютная, добрая деревня. Во дворах бегают зайцы, в парках полно кабанов и лис. Из окна Настиной квартиры видно множество лопухих и белок. По Шпрее плавают лебеди. Дачи в центре города — не редкость. Гремит метро, высятся небоскребы и вдруг — маленькая дачка. Газончик, цветочки, барбекю. Есть даже целые дачные поселки. Они там называются «Колонии». Одна из старейших — в Шарлоттенбурге. Маленькие участки (по 3-5 соток), идеальный порядок и чистота. Аккуратные домики. Газончики, садики... Свет, канализация... Цена — примерно 12 тысяч евро. Это дача в центре города! Дом за 30 км. от Берлина с участком в 40 соток можно купить за 60 тысяч. Коттедж в самом

Берлине (например, в районе Марцан) — за 120 тысяч. Квартыры и того дешевле. Однушку в Западном Берлине легко найти за 22 тысячи. Трехкомнатную в Марцане — за 35. Цены не представимые для Москвы. Правда, купить недвижимость могут только граждане Германии.

Быт в Берлине организован феноменально. Фактически при каждой квартире есть подвал. У Насти это дополнительная комната размером примерно 5-6 метров. В общем пользовании — специальная комната для полок. Это чтобы ножик заточить, что-то смастерить.

Поразил и транспорт. Очень удобный. Я купил за двадцать пять евро проездной на неделю и ездил сколько душе угодно на метро и трамвае. Контролеров за неделю не видел ни разу.

Цены на продукты ниже, чем в Москве, или такие же. Выбор товаров (и продовольственных, и промышленных) меньше. Улицы темнее, чем в белокаменной.

Русских очень много. Только в одном Марцане наших 30 тысяч, это примерно десятая часть всего населения района. А всего русских в Берлине примерно сто тысяч.

То есть все замечательно, кроме одного. Очень трудно зарабатывать деньги.

Все ищут работу, а рабочих мест не хватает. Пособия составляют 200-300 евро. Не разгуляешься.

•••

Настя не только учится в театральной школе, но и подрабатывает. На самых разных работах. В call-центре, смотрителем в музее и т.д.

•••

ром едем в Крейцберг. Там много магазинов. Будем развешивать плакаты эротического шоу. Их лучше развешивать в маленьких магазинах, в серьезных не возьмут.

•••

Мы поехали в Крейцберг. Настя заходила в магазин, договаривалась с хозяином. Если он разрешал, то расписывался в специальной Настиной ведомости и ставил печать. После этого Настя наклеивала плакат. Я выполнял работу грузчика.

За день мы наклеивали до 30 плакатов (гонорар за один — 4 евро). В основном разрешали наклеить китайцы или представители порно-магазинов. К туркам, которых в Берлине пруд пруди, мы даже не обращались.

•••

Вечером гуляли с Наташей и Настей по городу. Ели в кафе «Сабвей». Насте там очень нравится. В частности то, что там за одну сумму можно взять два стакана колы.

•••

В воскресенье поехали смотреть Шарлоттенбургские дачи.

Все-таки есть рай на земле.

•••

Лебеди на Шпрее. Зайчики в Шарлоттенбурге. Дочка, радостно скачущая козленком.

•••

Уезжать не хотелось. Но бизнес есть бизнес — в Москве было много дел.

•••

Через две недели я подался восвояси.

•••

Ехал из Берлина в Москву на поезде. В трехместном купе разместились вдвоем. Повезло. Сосед оказался питерским историком, преподавателем ВУЗа, доброжелательным и говорливым мужчиной лет тридцати пяти. Говорили обо всем. О политике, России, Америке...

— Запад обречен. Денег у него сейчас нет. А Россия на подъеме, — сказал Петр. — Вот поэтому нас и ненавидят. Используют против нас все средства борьбы.

— Слава Богу, сейчас против нас они не могут использовать самое страшное оружие, — сказал я.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду коммунистическую идею. Она отучила нас отвечать за свои дела, брать на себя инициативу. Отбила охоту вкалывать до седьмого пота. Коммунизм отбросил Россию на десятилетия назад.

Только частная собственность, мелкий производитель или лавочник могут вывести страну из тупика.

— А разве не крупные компании?

— Конечно, нет. Производительность труда в крупной фирме очень низкая. Там все рабочее время уходит на интриги, подковерные битвы, на то, чтобы сохранить свою должность, дающую откаты. Любой наемный вице-президент крупной компании (не акционер) — вор.

Он всегда будет воровать. Не крадет только хозяин.

— Может быть, вы и правы. Но ведь капиталист

— тоже не ангел. Это угнетатель масс. Он из вас выжимает все соки.

— Настоящий капиталист не может быть угнетателем, вообще плохим человеком. Если он будет плохим и нечестным — от него уйдут и клиенты, и работники. Капиталист должен быть хорошим и щедрым. Капитализм учит меня, предпринимателя, добродетели. И работник не может быть плохим и недобросовестным — иначе его уволят. Основная движущая сила бизнеса — небольшие частные фирмы.

— То есть если бы вы стали президентом, вы бы поддерживали мелкого собственника?

— Мелкого и среднего. А недра и естественные монополии оставил бы в собственности государства. Но президентом страны я быть не хочу.

— А вы никогда не думали о том, что элементы капитализма существовали и при социализме? Частную собственность никто на самом деле не отменял... Например, на дома. Творческие люди всегда получали гонорары за свою работу. Процветали шабашники, цеховики и т.д. Да, они не были легализованы, но они были. Более того, таких — активных! — людей всегда не много. Сейчас доказано, что только 6% могут вести бизнес. Остальным нужен покой и пайка. Именно поэтому коммунистический режим так лег на душу советскому человеку.

— Конечно, вы правы. Коммунизм, на первый взгляд, удобен. Кстати, и жертв при нем было намного меньше, чем сейчас. Правители (если они мудрецы, а не алчные временщики) должны сделать так, чтобы все могли реализовать свои способности, чтобы работа приносила и радость, и высокие доходы. Мне кажется, у капитализма в этом смысле больше возможностей.

•••

Мы дискутировали несколько часов, но так и не

пришли к единому мнению.

•••

Я вернулся домой и продолжил заниматься издательским делом. Работал, как вол. Без выходных и проходных. Мы сняли еще один офис, наняли веб-дизайнеров, купили типографское оборудование, открыли печатный салон.

Я жил только работой. Все бытовые вопросы решала Нина Михайловна, экономка, которая вела домашнее хозяйство.

•••

Один издатель предложил мне типографский заказ. Я просчитал — невыгодно. И отказал. У меня есть более привлекательные предложения. Какое счастье, что я уже могу выбирать.

•••

Моему издательству исполнилось два года. Ровно два года назад я рискнул стать единоличным хозяином фирмы. Тяжело? Не то слово. О том, где раздобыть денег, приходится думать ежесекундно.

Но результаты есть. За это время мы сделали около сотни сайтов, в том числе очень крупным компаниям. Выпустили книгу об «Энерготресте», десятки поэтических сборников, множество наименований другой печатной продукции — буклеты, флаерсы, визитки и т.д. Главное — создали трудоспособный коллектив, который может решать практически любые журналистские, дизайнерские и полиграфические задачи. Теперь я точно знаю: эффективность труда в маленькой фирме в десятки раз выше, чем в крупной корпорации.

У нас нет текучки кадров, ни разу не было за-

держки зарплаты. Это для меня достижение.

Мне кажется, я бы уже никогда не захотел вернуться в большую организацию. Как говорил один мой знакомый, «лучше маленький сам, чем большой зам».

•••

Чем отличается хозяин фирмы от наемного работника?

Для хозяина отсутствие работы — горе, а для наемного работника — счастье.

•••

А ведь кто-то может себе позволить просто посидеть с удочкой на берегу пруда!..

•••

Сломалась машина. Поехал домой на метро. Как выяснилось — отвык. Станции перепутал, людей толкал... Пока шел от метро до дома, завалился — портфель аж вверх подлетел. Рухнул как подкошенный, издав дикий вопль и напугав собак и их хозяев. Все отбил себе. Словом, кошмар какой-то.

•••

Приехала в гости красивая и талантливая поэтесса Фарида. Заказала в нашем издательстве книгу. Договорились о цене, о параметрах книги.

Начали работать. Две недели верстали, корректор проверял ошибки. Через две недели Фарида опять приехала.

Говорит:

— Нужно, чтобы книга была прошитой. А то наклею развалится. И обязательно — чтобы была от-

печатана не на ризографе, а на офсете.

— Но мы же так не договаривались!

— Понятно. Тогда я издам у Лены Чеховой. У тебя есть ее телефон?

Я дал.

Прощаясь, красивая и талантливая поэтесса Фарида сказала:

— Ну, ты не обижайся! Ладно?

Я не обиделся. Сам виноват. Сначала надо было заключить договор и взять аванс, а потом приступить к работе. Больше таких ошибок постараюсь не допускать.

•••

Восхищаюсь своими двадцатилетними сотрудниками. На работу приходят вовремя. Вкальвают. Не ищут, а находят. Женятся. Живут нормальной жизнью.

С тридцатилетними-сорокалетними — одни проблемы. Нам тяжело. Нас учили одному, а жизнь оказалась совсем другой. У двадцатилетних иллюзий нет. Они выросли при жестком капитализме. Они старше нас.

ЭПИЛОГ

...Мы встречали Новый 2006 год в Кубиково — моя восемнадцатилетняя дочка, студентка театрального института в Берлине, моя бывшая жена Наташа, теща.

Мы подняли бокалы, я сказал:

— Пусть в Новом году все будет не хуже, чем в прошлом. И даже лучше! И все мы будем живы и здоровы!

Жан-Жак стал главным редактором «Фосфорита».

Азуз продал «Дюдюль» и заделался таксистом.

Филадельфиец Миша похоронил маму. А Нобелевскую премию пока что не получил.

Андрей Малышкин стал крупным бизнесменом-типографом, а журнал закрыл.

Эдик Тропинкин возглавил цветной глянцевогой журнал.

Лера Густафсон уволилась из банка и сделала карьеру в риэлтерском бизнесе. Замуж она больше не вышла.

Миша Синявин дослужился до пенсии и вернулся с женой в Москву.

Настя Градова вышла замуж за парижанина и стала собкором «Контингента».

Данька Сошабо окончил Сорбонну и устроился работать в Париже в ЮНЕСКО.

Нелька Ардамацкая родила от мужа сынишку.

Сережка Саев переехал в Москву и устроился работать на стройку электриком.

Игорь Чубатов служит по-прежнему в ХИАСе, женился на той девушке, с которой я его встретил в Нью-Йорке, в Чайна-таун. У них двое детей.

Олег Булочкин получил должность заместителя главного редактора «Свежей газеты».

Золотистого сняли с должности.

Вавилонов остался заместителем генерального директора «Энерготреста».

Шорохов уволился из пресс-центра и стал преподавать Основы религии в Энергетическом институте.

Кузнечиков стал начальником пресс-центра и вступил в интимную связь с Ниной Даниловной.

Света Феклистова вышла замуж за гражданина Конго и родила очаровательного негритеночка.

Парижанка Танька переехала в Санкт-Петербург и открыла свой небольшой ресторанчик.

Все остальные герои этого повествования живут, как прежде. Без особых изменений.

1991 – 2007

Большой Знаменский переулок

Евгений Степанов
БЛАГОДАРНАЯ ПЕСНЯ ДЖАМБУЛА
Редактор – Евгений Викторов
Корректоры – Тимофей Мефодиев, Евгений Реутов
Компьютерная верстка – Анна Романюк

ISBN 978–5–903321–08–7
Тираж 300 экземпляров
Сдано в набор 08.11.2006
Подписано в печать 11.02.2007

Отпечатано в издательств
ООО «Вест-Консалтинг»,
121019, г. Москва,
Большой Знаменский переулок, д. 2, строение 3.